Б41 5/137

С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

А. ВЕРХОВСКИЙ.

ОЧЕРК ПО ИСТОРИИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РОССИИ XVIII и XIX в.в.

2-ое ИЗДАНИЕ.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
1922

Р. С. Ф. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Т 4/5/137

А. ВЕРХОВСКИЙ

ОЧЕРК ПО ИСТОРИИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РОССИИ XVIII и XIX в. в.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.
1922

(Р. Ц. Москва.) № 376. Напеч. 2.000 экз.

1-я Образцовая типогр. М. С. Н. Х., Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ко 2 изданию.

Целый ряд обращенных ко мне вопросов заставляет меня пояснить ту основную точку зрения, из которой я исхожу в моей работе и которая, как мне кажется, должна быть особенно близка и понятна каждому, кто командовал войсками в бою. Я говорю о ясном понимании значения духа армии. Хотя это понятие и взято из старого военного словаря, но, думается, еще не предложено другого, которое так полно и хорошо определяло все те силы психологии масс на войне, которые в окончательном итоге решают победу и поражение. Понятие это нужно, по моему, расширить. Военная наука понимала под духом армии прежде всего *состояние психологии масс,* которое определяет *то или другое отношение войск к впечатлениям,* которые им приходится воспринимать на войне. Например, страх перед опасностью, или безбоязненное отношение к ней, сочувствие или несочувствие цели, за которую идет борьба, уважение или пренебрежение к своим вождям и т. п. С другой стороны, дух армии это *нравственная сила,* с которой *армия реагирует на впечатления войны и боя,* либо войска бегут перед опасностью, уступая страху смерти, либо, превозмогая малодушие, встречают удар—контр-ударом, твердо, мужественно перенося все тяготы войны, либо, не будучи в силах их выносить, восстают против своих командиров. Из этих двух моментов слагалось понятие духа армии.

Это определение следует, как мне кажется, расширить. Дух армии не есть что-либо оторванное от всей совокупности жизни народа. Наоборот, это—производная экономических, социальных и политических сил, которые определяют всю жизнь народа. Вся моя работа стремится эту мысль показать на развитии военного искусства в России. Но этим

путем мы далеко не исчерпываем вопроса психологии масс на поле сражения. Материализм, прямолинейно распространяемый иногда на область этики, никогда не даст ключа к пониманию подвига бойца, отдающего свою жизнь за победу, за благо тех, кого он считает своими. Эти блага являются благами обычно чисто материального порядка, иногда в скрытой, а иногда и в явной форме, но для бойца на поле сражения это *высший идеализм, на который способен человек на земле.* Люди, идущие на риск смерти на поле сражения, отдают свое высшее благо — жизнь. Если мы хотим победы, мы должны знать, как сделать, чтобы в массах торжествовало это высшее «человеческое», готовность жертвы собой за идею, готовность поступиться своими высшими интересами за благо коллектива, часть которого он составляет.

Таким образом, выростая из одного источника, две силы армии—ее материальные средства и силы ее духа, так тесно связанные между собой, составляют для организатора победы две разных задачи, подобно тому, как начальнику на поле сражения приходится управлять разными родами войск, действуя для этого различными средствами. Так и здесь, организация духа армии, укрепление, я не боюсь сказать, идеализма в массах есть одна из важнейших задач военноначальника. *Этот вопрос — организация духа армии, на ряду с организацией материальных сил ее, были целью предлагаемой здесь работы.*

А. Верховский.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемые вниманию читателя очерки по истории военного искусства представляют собой лекции, прочитанные зимой 1920—1921 г. старшему классу академии генерального штаба. Имея в своем распоряжении всего 11 лекций для ознакомления с выпавшим на мою долю периодом от Петра до Милютина и ясно представляя себе полную невозможность осветить все военные вопросы, так разносторонне выявившиеся в этот период, я решил, давая картину состояния военного искусства в общих чертах, сосредоточить все свое внимание на том, что мне представляется важнейшим на войне вообще, а в наше время,—время борьбы за величайшие ценности духа,—в особенности. Я стремился выяснить значение духовных факторов в деле создания армии и руководства ею на театре войны и поле сражения: тех именно факторов, которые на три четверти создают почву для развития военного искусства и руководство которыми требует величайшего искусства и составляет главную задачу вождя.

В работе с таким заданием мне пришлось, местами, итти почти целиной, ибо военные историки дореволюционной поры, по понятным причинам, не имели возможности затрагивать эти вопросы во всей их полноте, вопросы, так тесно связанные со всей многогранной жизнью народа. Военное искусство изучалось как бы с одной точки зрения, изучался лишь механизм, работа рычагов, аппарат управления, но сила пара, нагрев котлов, сила пламени, которая двигала, давала жизнь всей страшной машине войны, оставались без внимания. Стремясь восполнить этот недостаток, я буду начинать изложение каждого военного события с изложения, по возможности краткого, всей исторической обстановки, в которой жили и действовали военные люди,—участники той или другой из рассматриваемых нами войн.

Я не беру на себя смелость решать эти вопросы, моя работа представляет лишь первую попытку поставить их, ибо найти решение потребует труда многих поколений, которые сумеют, с одной стороны, собрать весь необходимый материал, а с другой стороны, будут располагать временем и подходящей для работы обстановкой. Все это в условиях нашей жизни, как все хорошо знают, отсутствует.

Между тем, если принципы стратегии и тактики будут усвоены молодым поколением генерального штаба на соответствующих лекциях и занятиях, то для понимания основного вопроса современности о значении в вооруженной борьбе духовных сил народа и методов руководства ими, вопросов, повторяю, еще мало изученных, этого взять будет неоткуда. Между тем, не уяснив себе этого вопроса, нельзя понять причин победы нашей революции в борьбе с отечественной реакцией, нашего поражения под Варшавой в 1920 году в столкновении с национальным подъемом Польши и т. п. Трудно будет направить силы наши в той тяжелой борьбе, которая еще лежит перед русским народом. Моя работа имеет целью выяснение этой мысли [1]).

А. Верховский.

1921—9. Москва.

---

[1]) Я считаю нужным в самом начале моей работы, во избежание кривотолков, определить, в каком смысле и когда я употребляю термины «народ», «общество», «государство», не указывая, в каком отношении к классовой структуре «государства» «народа» и т. п. они находятся. Я употребляю их в тех случаях, когда под влиянием тех или других причин, а в моем курсе военного искусства—война часто к этому приводит, классовые противоречия замолкают. Они продолжают объективно существовать, но живые люди в своем представлении отодвигают их на 2 и 3 план и они тогда роли не играют. Кроме того, иногда общие причины действуют одновременно на все классы. В этих случаях я считал себя в праве говорить о целом народе. Так было, например, в октябре 1812 г. или при борьбе с татарами в 1380 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Военное искусство есть искусство организации средств, коими располагает государственная власть, т.-е. люди, их духовные силы, материальные блага, техника и т. п., в целях вооруженной борьбы и победы.

Два фактора оказывают особенно сильное влияние на военное дело и имеют решающее влияние на состояние военного искусства данной эпохи, это, во-первых, *технические средства*, — оружие, транспорт, связь и т. п., которыми располагают борющиеся в рассматриваемую эпоху, и второе — *силы духа* того общества, которое ведет борьбу. Просматривая историю войн человечества, мы видим, как из столетия в столетие растет мощность оружия, определяя резкие эпохи, отделяющиеся одна от другой появлением новых средств поражения. В пределах моего курса таких эпох две — эпоха гладкоствольного оружия и эпоха нарезного оружия, с соответствующим по времени появлением пара, как средства транспорта, и электричества, как средства связи. Тот или другой вид техники кладет резкий отпечаток на все состояние военного искусства.

Не меньший, если не больший, отпечаток кладет психология, душевный уклад данного общества. Имеем ли мы дело с государством в состоянии покойного развития своих сил, *традиционно* поддерживающим свой внутренний хозяйственный быт, социальную и политическую структуру, или же перед нами государственное образование в период внутренней перестройки, ломки старого, создания новых форм жизни, на протяжении веков мы видим не прекращающуюся борьбу двух начал — прогресса, стремления к новому, к улучшению положения общества, и реакции, остановки движения вперед, стремления людей, довольных достигнутым, закрепить за собой существующее положение. Борьба революций с силой исторической традиции. Мощные силы духа,

мощные слои людей стоят на той и другой стороне; но в этой борьбе силы прогресса в общем ходе событий одерживают верх, развиваются, ширятся идеи, увеличиваются средства, которыми располагают люди в борьбе с природой; пользуясь этими новыми средствами, все большие и большие массы людей втягиваются в круговорот человеческой жизни, ее великих и светлых радостей, тяжелого, порой, горя, отрываясь от тех человеческих слоев, которые силой вещей были осуждены лишь на тяжелый, беспросветный труд и которые немецкими историками, школы Треичке, названы «человеческим навозом», пригодным лишь для того, чтобы удобрить ниву другим более счастливым поколениям.

С одним и тем же оружием в руках армия революции, как небо от земли, отличалась от армий реакции... не всегда, однако, в лучшую сторону, и в зависимости от этого либо побеждали, либо были раздавлены врагами. Но когда новые группы организаторов действительно созревали в обществе и умели охватить, направить великие силы прогресса, назревавшие в обществе, то армии революции сламывали старый мир и открывали возможности новой жизни. К несчастью, однако, без борьбы, в довольстве своим положением хирела и блекла не раз мощная некогда рать строителей новой жизни. Их дети и внуки, наслаждаясь благами, добытыми доблестной борьбой их предков, забывали великие заветы прогресса; образуя лагерь, твердо отстаивающий то, что уже осуждено жизнью, ростом техники, мощно продвигающейся вперед, они становились, защищая свои позиции, врагами того народа, который выдвинул их к организационной работе. И новая революция, сметая их, снова увлекала человечество вперед по пути прогресса.

Страницу этой борьбы мы читаем в истории нашей армии, зародившейся в Москве в конце XVII века и погибшей на наших глазах в 1917 году. В этой истории было много славы и подвига, много было и черных страниц. Но нас сегодня интересует не это.

В процессе тяжелой борьбы за существование России, сделавшейся первым этапом борьбы трудящегося человечества за новые формы жизни, отыскивая методы сочетать формы войны и формы революции, чтобы наилучшим образом направить наши усилия, мы должны оглянуться на

свою военную историю и поискать в ней те методы, те пути, при помощи которых наш народ сумел отстоять свою независимость от покушений соседей, при помощи которых наша армия, выйдя из смуты социального переворота, победила лучшую армию тогдашней старой Европы, и в свою очередь, каким путем, по каким причинам ей удалось разбить войска французской революции.

Создавая сейчас свою новую армию, армию революции, мы естественно обратимся с такими вопросами к нашему прошлому, чтобы узнать, как нам поступать в той борьбе, на которую нас вызывает старый мир твердых традиций. Полтава, Рымник, Бородино, Севастополь, Плевна, Мукден и Варшава — вот вехи нашей военной истории, истории армии дворянской России. Петр, Суворов, Аракчеев, Милютин, Куропаткин и Алексеев, — вот имена, в которых, как солнце в малой капле воды, отражается исторический процесс подъема и падения этой армии, ее подвигов и поражений. Этот период особенно интересен тем, что в эти 200 лет мы видим весь процесс развития и смерти одного класса организаторов, дворянства, который взял на себя устройство жизни всего русского народа. В первой половине своего существования — эпоха Петра и Суворова — можно считать, что объективно его работа имела более полезных сторон, его организаторская деятельность была направлена на пользу большинства народа, а именно: Россия вошла в цикл европейских отношений, открылась эра торгового и промышленного капитала, началось распространение на свободные и богатые земли юга и юго-востока; мы добились выхода к морским берегам. В этот период и армия совершила свои лучшие подвиги. Во второй период (Аракчеев), с малым промежутком (Милютин) и вплоть до нашей Великой Революции деятельность дворянства не только стала узко эгоистичной, но она перестала учитывать интересы народных масс, не выполняя тем своей задачи организаторов.

И этот подъем и падение, объективная полезность класса организаторов народу или его вред, стремление его удержать во втором случае власть путем насилия, влияли решающим образом на армию, делая ее, в первом случае, мощным оружием победы, или, наоборот, во втором — разлагая ее боевую силу, делая из нее лишь средство борьбы со своими

народными массами, но бессильной в борьбе с правильно организованной силой на театре войны.

Курс, который я прочту вам, охватывающий эпоху от Полтавы до Плевны, от Петра до Милютина, даст нам богатый материал для того, чтобы выявить те принципы военного искусства, которые нам нужны сегодня и которые определяют:

1) Влияние внешней политической обстановки и взаимоотношения классов в стране на дух армии и ее материальную силу.

2) Влияние техники на организацию армии, на ее тактику и стратегию.

3) Воспитание и обучение армии, как средство в руках организатора для того, чтобы толпы людей обратить в мощную боевую силу.

4) Соотношение между организаторами—комсоставом и массой в армии и влияние этих отношений на силу армии.

5) Значение дисциплины, самодеятельности и знания дела войны для создания боеспособной армии.

6) В чем заключается искусство ведения армии на театре войны и поле сражения и как им овладеть.

Этим далеко не исчерпывается все, что может дать военная история, изучаемая с точки зрения развития военного искусства. Но в нашем коротком курсе я не хочу разбрасываться. Лучше остановиться на меньшем, но зато овладеть им или хотя бы наметить путь к этому. Во всяком случае, укажу вам метод работы, который поможет вам в вашей самостоятельной работе к раскрытию того, на изучение чего у нас сейчас не хватает времени.

I. Эпоха Петра I.

Возникновение армии дворянской России.

Политическая, социальная и экономическая обстановка, в которой Петр I создавал свою армию.

Конец XVII и начало XVIII века были в истории нашего народа страшной порой перелома, подобной периоду нашествия татар, периоду Куликовской битвы или тяжелым дням Смутного времени. Это была пора, когда решалась судьба независимости государства и самого существования русского народа.

Освобождение от татарской неволи, создание своей новой государственности в тяжелой, почти не прекращавшейся борьбе довело наш народ до крайнего истощения; раскинутый на беспредельной равнине, в дремучих, бесконечных лесах России он жил почти исключительно натуральным хозяйством, продуктов которого едва хватало на поддержание жизни. Торговля была слабо развита; попытки насадить фабрично-заводскую промышленность успеха не имели. Об интенсификации сельского хозяйства не думали совершенно. Между тем на этой слабой экономической базе приходилось создавать большую и дорого стоившую армию, необходимую в той напряженной борьбе, которую наши предки вели на всех фронтах. На юге — с татарами и турками, постепенно захватывавшими весь берег Черного моря; на севере — со шведами, которые оттеснили нас от берегов Балтийского моря и на западе — с поляками, которые не только отрезали области, заселенные русским народом, но при первой возможности, как это было в дни великой смуты, стремились

к полному порабощению России. В этой борьбе нужны были средства и средства не малые; страна, производительные силы которой были очень невелики, не могла справиться со стоявшими перед ней задачами и задыхалась под непосильным бременем налогов и повинностей. Центральные области пустели, «тяглые людишки» бежали на «вольные» места на Дон, в низовья Волги, в Сибирь. Между тем созданная с таким трудом военная сила милиционного характера, справлявшаяся с грехом пополам с татарами, оказывалась бессильной при столкновении с государствами Запада, Польшей и Швецией, владевших какими-то новыми, неизвестными нашим предкам, средствами войн, а именно — регулярной армией, т.-е. армией дисциплинированной и способной к организованным, одновременным действиям на поле сражения. Наша вооруженная сила не могла совершенно противостоять их удару. В борьбе с поляками наша поместная конница была совершенно уничтожена под Конотопом в 1659 году, а в 1669 г. Шереметьев со всей армией был окружен и сдался под Чудновым. Борьба, веденная нами против шведов, во время которой мы потеряли даже Новгород, была закончена Столбовским миром в 1617 г., который, по хвастливому заявлению шведского короля Густава-Адольфа, создал между Россией и Балтийским морем «ручеек, через который русским трудно будет перепрыгнуть». Что-то новое было в этом войске западных государств, — уменье одновременно двигаться, поворачиваться, стрелять, во-время выдвигать артиллерию и конницу и наносить дружные, массовые удары всем войскам, чего наша вооруженная сила — типичная милиция — дать не могла. Мало того, в то время, как наши части в опасности не проявляли единства и решительности, части регулярных войск в атаке и обороне были цельны, как из одного куска сделаны, отчего их удар делался особенно сильным.

Крестьянин Посошков, выбившийся потом в купеческое сословие, в своем донесении в 1701 г. (Платонов, история России 266 стр.): «О ратном поведении», вспоминая недавнее прошлое, пишет к Головину: «Людей на службу нагонят множество, а если посмотреть на них внимательным оком, то кроме зазору ничего не узришь. У пехоты ружье было плохо и владеть им не умели, только боронились руч-

ным боем, копьями и бердышами и то тупыми и меняли своих голов на неприятельскую по три, по четыре и гораздо больше. А если на конницу посмотреть, то не то, что иностранным, а и самим нам на них смотреть зазорно: клячи худые, сабли тупые, сами скудны и безодежны, оружием владеть никаким не умелые; иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то чтобы стрелять по цели хорошенько. Попечения о том не имеет, чтобы неприятеля убить, о том лишь печется, как бы домой быть; а о том еще молятся Богу, чтобы и рану нажить легкую и от государя пожалованy за нее быть; и на службе того и смотрят, где бы во время боя за кустом притулиться, а иные такие прокураты живут, что и целыми ротами притуляются в лесу или в долу. А то я у многих дворян слыхал: «Дай Бог великому государю служить, а саблю из ножен не вынимать».

Это свидетельское показание очевидца, быть-может, несколько односторонне, ибо с ним невозможно понять ни «взятия Казани, ни Астрахани плен», все же, несомненно, в огромной своей части верно, и рисует мрачную картину до Петровской армии; изучая политические причины такого печального состояния армии, мы увидим, что это была армия страны, где господствующей группой было крупноземельное боярство, несмотря на победу дворянства (среднее и мелкое землевладение) в пору опричнины при царе Иване Грозном; боярство снова захватило власть (Василий Шуйский), вторичное крушение бояр произошло под натиском народных масс в Смутное время; но бояре, благодаря своим организаторским талантам, благодаря тому, что дворяне не умели без их помощи наладить народную жизнь, снова постепенно вернулись к власти (царевна Софья). Обстановка была такова, что хотя боярство и было вынуждено допускать дворян и приказных в свои ряды, в боярскую думу и даже в состав правительства дворян (Ртищев, Ордын-Нащокин, Матвеев), но тем не менее оно сохраняло руководство жизнью страны в своих руках и направляло ее в своих классовых интересах. Дворяне, составлявшие главную массу армии, были в управлении страной маловлиятельной группой, так как дворянство *не сознавало* своей связи с государственностью. В донесении Посошкова мы видим и материальное состояние войска, ярко отражающее экономическую разруху страны и

его обучение, а главное его *психологию*, чрезвычайно далекую от сознания общности своих интересов с целями войн и стремление выйти из опасности, как только к тому представлялась возможность. Дворяне в рядах ополчения боярской России чувствовали себя чужими.

Правда, была попытка перейти к новым формам вооруженной силы, к регулярной настоящей армии. Под руководством иностранных офицеров у нас стали формироваться солдатские полки. Но формы новой армии, в которые вливался старый дух антигражданственности населения — приводили к тому, что солдатские полки дрались не лучше дворянских ополчений, солдатские же полки, составленные целиком из иностранцев, как это было под Клушиным в 1610 г., просто перебегали на сторону врага (Пузыревский «История регулярной армии», стр. 17).

В борьбе с внешними врагами и разрухой все идеи, все организационные формы, которые были известны в современной жизни, были испробованы боярской Россией. Старая Россия исчерпала себя вполне. Русская жизнь, как пишет историк Кавелин, «развила все начала, которые в ней скрывались, все типы, в которых непосредственно воплощались эти начала. Она сделала все, что могла и окончив, прекратилась». Соловьев следит за тем, как естественно развивалось у наших предков сознание своей политической слабости, умственной отсталости, экономического бессилия; как постоянно стремились лучшие люди к общению с Западом и как крепло в русском обществе сознание необходимости перемен. Однако, как отмечает справедливо Иванюков в своих очерках политической экономии, «на всякую реформаторскую идею, затрагивающую интересы господствующих классов, последние слишком склонны смотреть, как на посягательства на их права, как на идею, выполнение которой принесло бы лишь один вред, или же как на идею невыполнимую».

Лучшие люди страны видели совершенно ясно, что нам необходимо перейти к какой-то иной, более совершенной форме государственной жизни, которая, во-первых, давала бы нам возможность противостоять в вооруженной борьбе нашим западным соседям, во-вторых, которая давала бы возможность стране выносить те расходы, которые вызывались

потребностями самообороны и иметь в своем распоряжении все необходимые для войны средства и материалы — ружья и пушки прежде всего; наконец, в-третьих, которые уврачевали бы недуги нашей жизни, с одной стороны, бедность, а с другой — страшную грубость нравов, беспросветную темноту, полное бесправие и угнетение низших высшими. Вопросы самообороны и тесно связанные с ней вопросы внутренней экономической жизни властно стояли перед нашей страной, и предки наши, глядя на пример Запада, видели, как это может быть исправлено. Такие люди, как царь Алексей Михайлович, бояре Матвеев, Ордын-Нащокин, Голицын, и даже раньше их Борис Годунов и Грозный царь Иван, тянули на Запад в поисках спасения. Глядя теперь на эту пору нашей истории, мы видим ясно, что страна, выросшая под сильнейшим влиянием Востока как в области экономической, жившая почти исключительно натуральным хозяйством, так и в области политической, с ее абсолютной, непререкаемой, божественной властью монарха и полным бесправием подданных, а отсюда с совершенно *подавленной самодеятельностью граждан* во всех, в том числе и экономической, областях, такая страна, при столкновении со странами Запада, с их богатейшими средствами, создаваемыми зарождающейся фабрично-заводской промышленностью и широко развитой *самодеятельностью* в широких слоях населения, с их государственной дисциплиной, в таком столкновении перед Россией лежало два пути: либо потеря государственной независимости и обращение в колонию, как это случилось с Индией, Африкой и первобытными народами Америки, либо решительный выход на путь европейской культуры и цивилизации.

Мы ясно понимаем, что смена внешних форм жизни не решает вопроса. Солдатские полки иноземного строя были несколько сильнее поместных ополчений милиционного характера старой России в борьбе с татарами, но они также не могли выдерживать натиск польской и шведской пехоты. Внешние формы сильны лишь духом, который их проникает, а новый дух могут влить только *новые* люди. Таким образом, Россия стояла перед вопросом о необходимости замены людей, руководивших всей жизнью нашей страны. Их должны были заменить люди, способные понять новые требования жизни,

проникнуться ими и быть готовыми выдержать страшную борьбу внешнюю и внутреннюю, которая совершенно неизбежно должна была стать перед ними. Внешняя—за разрешение очередных задач, стоявших перед страной, прежде всего защита ее самостоятельности и возможности для нее выхода на путь европейской культуры, а с другой стороны, внутреннюю борьбу за торжество начала новой жизни над старой, с ее темнотой, предрассудками, и крепко державшимися за них целыми группами сильных и влиятельных людей, тогдашних руководителей народа, организаторов его жизни—бояр, которые даже усиленные некоторыми новыми людьми из чиновничества (приказных) и дворян, не были в силах решить те задачи, которые история ставила перед ними. Они должны были быть отстранены и заменены другими, более сильными и талантливыми. Словом, предстояла смена правящей группы — боярства.

То, что мы могли бы назвать социальным переворотом, в этом был вопрос жизни или смерти России и если бы такая новая правящая группа, достаточно сильная числом и талантом не нашлась, то в ближайшем будущем мы увидали бы себя разорванными на части между Турцией, Польшей и Швецией. Желание жить, желание устоять в страшной борьбе за существование, толкали нашу страну на смену боярства, как организующего борьбу класса, новыми более сильными, более умелыми, воодушевленными новыми идеями (идеями, отвечавшими тем экономическим формам, к которым надо было перейти) людьми, т.-е. на дворянскую революцию. Пусть нас не смущает факт, что персонально со времени опричины дворяне появляются у власти. Земское ополчение 1613 г., а потом уничтожение местничества еще усилило состав правительства новыми людьми из дворян и приказных людей. Дворянство, достаточно сильное, чтобы захватить власть, не могло бы делить тогда организаторов, способных решить основные задачи России и оно было вынуждено делить власть с боярством, а потому политика оставалась попрежнему боярская — крупного землевладения. Это положение можно сравнить с вхождением в парламент и в правительство Англии и Германии рабочих. О рабочей политике говорить там не приходится. Нужно добавить, что в той страшной борьбе, которая предстояла России, нужно

было иметь людей, которые не только прониклись сознанием превосходства новых идей, но еще и срослись с ними на жизнь и на смерть. Гибель идеи была бы их гибелью. Торжество идеи открывало бы им дорогу к счастью и довольству. *Новые идеи в жизни требуют людей кровью с ними спаянных,* иначе они восторжествовать не могут, ибо не будет той силы в их проведении, без которой будет половинчатость, колебания в ту минуту, когда нужны хоть и не самые лучшие, хоть и задевающие чужие интересы, но *решительные действия.* Но старая жизнь еще крепко корнями своими держалась, с одной стороны, массой предрассудков, ошибочных взглядов, привязанностей, привычек, а с другой стороны, материальными связями, ибо довольно значительные группы в народе были экономически связаны со стариной. Важнейшей из этих групп были стрельцы, представлявшие собою постоянное, наемное войсковое сословие, нерегулярного типа, имевшие основной задачей охрану городов, но притягиваемые и на театр военных действий. Они были еще сформированы Грозным в 1550 году, набирались из вольных, охочих людей и служили всю жизнь, живя в тех городах, стены которых они должны были оборонять в случае осады города неприятелем. От казны они получали землю для обработки и дом, были свободны от всех податей, тягл и даже торговых пошлин и жили в своих стрелецких слободах торгуя, ремесленничая и обрабатывая землю. Сверх этого они имели жалованье деньгами и провиантом. Это была привилегированная каста, слабая, как вооруженная сила, но чрезвычайно опасная внутри страны даже самому правительству, и тесно связанная всеми своими интересами со стариной. Эти люди в формировании солдатских полков, регулярной армии видели себе прямую угрозу и действительно негодные, как войско, опасные во внутренних делах, они были также негодны как войско для надобностей войны, как боярство было осуждено жизнью, как руководитель всей жизни. Характерно отметить, что и стрелецкие полки, и дворянское ополчение были наиболее дешевым видом вооруженной силы. Те и другие фактически несли службу и находились на иждивении государства лишь небольшой промежуток времени, первые год, вторые только во время войны; остальное же время они сами заботились о поддержании

собственного существования земледелием, ремеслом и «торговлишкой». Это войско было войском экономически слабого народа. Действительной силой, по современным понятиям, была постоянная регулярная армия, находившаяся все время на службе, но и на содержании государства, ибо армия, нанимаемая лишь на время войны, доказала свою несостоятельность и даже опасность для страны во время 30-летней войны. Военная нужда в хорошей армии и отсюда потребность в больших средствах на это в значительной мере определяла необходимость для России перехода от натурального хозяйства к более совершенным экономическим формам. Итак, борьба за существование в военной сфере настоятельно требовала решительного перехода к новым формам военной силы, а в сфере всей государственной жизни к новым формам хозяйства, чтобы дать материальную опору этой новой военной организации. Социальный переворот, сделавший возможными все эти реформы, начался мелкими, казалось, столкновениями в среде господствующего класса, — свержением придворной партии Милославских, поддерживавших правительницу Софью, и торжеством партии Нарышкиных, выдвигавших царевича Петра и его мать (Нарышкину, смоленскую дворянку родом). Петр взошел на престол, опираясь уже на новую группу людей — на среднее и мелкое дворянство, среди лучших передовых людей которого западные идеи были чрезвычайно популярны; в них он нашел преданных ему людей, готовых итти за новым знаменем, готовых оторваться от старины, многочисленных и вместе с тем способных поддерживать и проводить реформы, которые одни только могли дать России необходимые силы в ее борьбе за существование. Найдя с первых шагов своей жизни опору в потешных конюхах [1]), комплектовавшихся из мелкоместных

---

[1]) Царевич Петр с малых детских лет любил военное дело, как забаву. Из своих приближенных мальчиков, конюхов, стольников и т. п. он, будучи еще двенадцатилетним ребенком, в 1683 г. сформировал сначала небольшую команду в 23 человека, разросшуюся потом в два „потешных“ полка Преображенский и Семеновский с бомбардирской т.-е. артиллерийской ротой при них. Увлекаясь стройностью иностранных войск, он и свои потешные полки обучал по иностранному образцу, под руководством иностранных офицеров. Набранные из друзей, окружавших опальный двор царицы Натальи Нарышкиной, которая сама была из

московских и провинциальных дворян, а то и вовсе «худых» людей, Петр в своей титанической борьбе оперся именно на них; то, что было спасением страны, то для этих новых людей был выход к власти, влиянию и богатству (крупнейшими предпринимателями и купцами развертывавшейся новой экономической жизни стали именно новые «имениты» люди). Интересы страны и интересы этой новой группы совпадали в этот период и в этом была их сила.

«Ядро нового господствующего класса образовалось из высшего столичного дворянства: Пушкины, Воейковы, Толстые, Бестужевы. Непрерывным потоком к ним приливало провинциальное дворянство и даже убогое шляхетство из слоев ниже шляхетского: Нарышкины, Лопухины, Меньшиков, Зотов и даже прямо холопство: Курбатов, Ершов. В правительственном кругу удержались и скудные остатки старой московской знати: Голицыны, Долгорукие, Репнин, Шереметьев, Головин, Бутурлин». (Ключевский. IV, стр. 310).

Вот схематически как строился новый правящий слой, сменивший старых бояр, неразрывно связанных со старой восточной Россией. Отметим, что с первого дня переворота, выдвинувшего Петра, иностранцы стали твердо на сторону новых общественных групп и до известной степени содействовали успеху переворота. Но старая жизнь, силы реакции не могли и не хотели сдаваться так быстро. Опираясь на вооруженную силу — наемников-стрельцов, тесно связанных со старым строем и видевших в новом строе создание новой, регулярной армии — свое крушение, они пошли на заговоры, военные бунты и крестьянские восстания. Новое течение — прогрессивное — победило, и побежденные бояре и стрельцы были приведены на лобное место Красной площади Москвы

смоленских «худородных» дворян, потешные по своему составу были людьми именно той новой группы, которой предстояло взять власть в свои руки. В дни переворота эти два полка стали ядром, вокруг которого сгруппировались силы поместных дворян, стекавшихся поддержать Петра, как царя дворян против Софьи, ставленницы боярства. К ним примкнули иноземные полки и иностранцы, и общими усилиями всех упомянутых общественных групп Петр добился победы над реакцией, над старым миром, уничтожив его вооруженную силу, стрельцов. Новый класс, выходя к власти, лично становился в ряды бойцов, ставя свою жизнь на весы политической борьбы.

и сложили свои головы на плахе. (1698 г.). Петр и его приближенные лично рубили головы своим врагам. Убитые были вывешены на всех стенах Кремля и Китай-города и число их было так велико, что на каждом зубце их висело по два-три человека. Реакция была побеждена, но в этой борьбе и победе победители отрезали себе все пути к отступлению. Они знали, что их, в случае поражения, ждет плаха на Красной площади.

Ни заговоры, ни страшные крестьянские бунты, доходившие от Астрахани до Тамбовской губернии, не могли сбросить новых властителей жизни, решавших основные задачи, лежавшие перед страной в ее целом. Связанные пролитой кровью, они шли на все, не стесняясь никакими средствами, лишь бы они приводили к цели. Страшен человек, которому некуда отступать. «Пред ним или смерть или победа».

Однако наши тогдашние соседи очень хорошо понимали, что выход России на путь европейской культуры может быть им и чрезвычайно опасен. Поэтому все меры принимались к тому, чтобы Россия осталась в своем полудиком состоянии. Петр однажды сказал: «Все народы особенно старались не допустить нас до света разума во всем, особенно в военном деле. Но они проглядели, точно у них в глазах помутилось». (Ключевский. Т. 4—282). Петр лично поехал за границу и понял, что единственный путь поднять благосостояние страны, а с ним вместе и ее обороноспособность, лежит в *поднятии производительности* народного труда, направив его с помощью *технических знаний* на разработку нетронутых естественных богатств. Это одно только могло дать возможность усилить государтсвенные тяготы, лежавшие на народе, и перейти от дешевого войска — дворянской милиции и стрельцов, к дорого стоившей регулярной армии. Но так как иностранцы, а особенно шведы, стали нам в этом поперек дороги, то на пути к европейской цивилизации, новые хозяева жизни были поставлены лицом к лицу с необходимостью внешней войны.

По мнению историка Ключевского (IV—273), «война привела его и до конца жизни толкала к реформам», «но сказывалось неестественное соединение взаимно противодействующих сил, война оставалась тормазом реформ, а реформы затя-

гивали войну, вызывая глухое народное противодействие и открытые мятежи, мешавшие собрать народные силы для окончательного удара врагу».

Народные массы, как и всегда, не были способны оценить важность цели, стоявшей перед нами, и необходимое, ради их же блага, временное перенесение тягот. Они видели лишь ту обузу, которая лежала на них, и стремились слепо ее сбросить. Используя это недовольство народа, реакционные круги вели постоянно свою дезорганизующую работу, втягивая в нее широкие слои народа, соприкасавшиеся со старым строем и недовольные новым порядком. В это течение был даже втянут единственный сын Петра царевич Алексей. Поэтому на ряду с суровым, беспощадным подавлением народных мятежей, шла глухая борьба с заговорами, руководимая князем Ромодановским. Преображенский «застенок» с его пытками сохранился в памяти народной. Суровую борьбу с общественным мнением, которую вел Петр, историк Соловьев характеризует, как время «террора».

Но в сердце и уме преобразователя и тех общественных групп, которые шли с ним, жила глубокая вера в то, что вся эта борьба идет *во имя блага всего народа*. Они были глубоко убеждены, что их враги — это враги народа, враги России, и борьба их была беспощадна, а деятельность воодушевлялась несокрушимой энергией [1]) людей, борящихся за великую идею, людей, которым не было пути отступления, ибо за ними стоял призрак плахи на Красной площади.

Война требовала войска и средств. И вот мы видим решительную реформационную деятельность. Дворянство, защищавшее свое право на жизнь, пошло лично и на всю жизнь на военную службу. То, что старый правящий класс сделать не мог, то смогли сделать люди, работавшие с силой от-

---

[1]) Не нужно, однако, думать, что все давалось Петру и его сподвижникам так легко. Периоды огромного подъема сменялись депрессией; но несмотря на все это, через все трудности победа была достигнута. Вот что пишет о положении дел командующий ингерманландской армией Апраксин своему другу Макарову: «Истинно во всех делах точно слепые ходим и не знаем, что делать. Во всем пошли великие расстрои и куда прибегнуть и что делать не знаем; денег не возят ниоткуда и все дела почитай останавливаются». И это он писал после Полтавской победы, когда дело уже было наполовину выиграно.

чаяния и создавшие аппарат принуждения еще невиданной в России силы. Они смогли поставить дворянство на пожизненную службу в армию и гражданское управление. Преображенцы, семеновцы и конница комплектовались полностью из дворян, служивших в этих частях и офицерами, и рядовыми. В остальной армии дворяне служили офицерами, проходя военную науку рядовыми в гвардейских полках. То, что в старой армии было дополнительной мерой для усиления численного состава войск — призыв даточных, — то в новой армии стало основой для укомплектования рядов армейских полков солдатами. Рекрутская повинность, где каждые 20 дворов должны были ставить по одному солдату на пожизненную службу, стал основой комплектования армии. (Батов, II — 42). Стрельцы были уничтожены силой оружия—штыками преображенцев и семеновцев. Таким образом, новый политический строй вызвал полную перестройку всей военной системы. Бояре, опираясь на наемников-стрельцов, выводили против внешнего врага дворянскую милицию, лишь иногда усиливаемую рекрутами от остальных классов населения. Регулярная, постоянная армия была лишь в зародыше. Петр и дворянство перенесли опору на гвардию и конницу, где дворяне служили лично и всю жизнь. Главная же масса армии составлялась из полков, где дворяне составляли только аппарат управления, командный состав, а вся сила были рекруты, по-старому даточные от населения, преимущественно крестьян. Стрельцы и дворянская милиция были уничтожены совершенно, а боярство осталось лишь в виде потерявших всякое влияние групп или частично примкнуло к новому течению жизни.

Перестроилась армия — перестраивалась и ее основа, вся структура народа. Особое покровительство оказывалось торговле и промышленности. За время Петра было заново создано до 200 заводов и фабрик, построен торговый флот, вырыты с величайшим трудом каналы, соединившие бассейн Волги и берега отвоеванного у шведов моря. На торговлю Петр смотрел, как на рычаг общественного благосостояния (Покровский, II т., стр. 425) и таковым в то время действительно был торговый капитал; вслед за экономикой реформировалась вся жизнь, вся государственная машина сверху до низу. Ключевский пишет (т. IV, стр. 281): «Реформа Петра не

имела целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка, не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западно-европейские условия, а ограничивалась стремлением вооружить русское государство и народ готовыми западно-европейскими средствами, умственными и материальными, поставить государство в уровень с завоеванным положением в Европе и *поднять труд народа.* Поэтому реформа, скромная и ограниченная по своему замыслу, постепенно обратилась в упорную внутреннюю борьбу. Она усвоила характер и приемы насильственного переворота, своего рода революции. Она была революцией не по целям и результатам, а по приемам и впечатлению на современников».

Таким образом, условия, в которых формировалась новая армия, характеризуются:

1) Сменой правящей группы истреблением старой вооруженной силы, тяжелой внутренней борьбой, отличавшейся от революции только тем, что народные массы остались в стороне от переворота, отсутствием единства понимания необходимости и полезности реформы в русском мыслящем обществе и сильнейшем пассивном и активном сопротивлении крестьянства.

2) Появлением новой сильной, правящей группы—дворянства, кровью связавшей себя с новым строем, *глубоко верившей в то, что их деятельность отвечает интересам всего народа,* и действовавшей с несокрушимой энергией людей, за спиной которых стоит угроза смерти.

3) Рядом с формированием новой вооруженной силы шла полная перестройка всей жизни. Россия втягивалась в сферу влияния торгового капитала Европы. Насаждалась промышленность, одновременно с этим перестраивался весь аппарат управления и закреплялись отношения классов. Дворянство закрепощалось на службу государству, крестьяне на службу дворянам. Вся страна напряглась в мощном усилии для защиты своей независимости и возможности итти по новым путям к экономическому благосостоянию.

———

Создание регулярной армии Петром I.

Существует мнение, поддерживаемое такими выдающимися русскими историками, как Ключевский и Платонов, что Петр в создании армии не сделал ничего нового. Что уже во времена царя Федора Алексеевича регулярные полки составляли целое войско и Петр только превратил полки дворянской милиции в регулярные и затем усовершенствовал регулярные части вообще. Детальное изучение вопроса с военной точки зрения дает другие выводы. Я нарочно изложил политическую обстановку петровского переворота, чтобы вам стала ясна психологическая база, на которой произошла военная реформа Петра. Дворянство, захватив власть, вынуждено было создать и свою классовую армию для сохранения своего нового положения. Подробное исследование это нам выявит с полной очевидностью. Внешние формы были похожи на регулярные полки допетровской Руси, но внутреннее строение их, давшее им силу справиться со всеми своими врагами, было иное. Действительно, военный историк Баиов (II — 35) пишет о том, как велико было стремление отделаться от похода у московских дворян и жильцов в старой России. Как особенно слабы были преторианцы той поры — стрельцы, обнаруживая леность, строптивость, беспечность, а в решительные минуты прямое непослушание. Естественно, что после малоуспешных азовских походов, когда Петру пришлось на самом себе испытать все недостатки нашей военной системы, он принял решение перестроить ее и создать армию и флот на «европейский манер». Для этого он прежде всего послал молодых людей учиться военному и морскому делу за границу, а затем и сам поехал туда же поучиться уму-разуму, посмотреть как строится армия и флот, силу которых русские испытали и в боях с Польшей и со Швецией.

За границей в это время опыт 30-летней войны заставил перейти от наемных войск к системе постоянных армий. Дикие неистовства наемных ландскнехтов, обращавших целые области в пустыни, полное отсутствие у них чувства долга, чести, любви к отечеству заставило правительства Европы

искать новой формы вооруженной силы, которая была бы послушным орудием в руках создавшей ее власти и таковая была найдена в форме постоянных регулярных армий, где командный состав комплектовался в среде только что политически побежденного королями, но прочно с ним связанного экономически рыцарства — дворянства. Солдаты брались по вербовке среди отбросов населения, не находивших другого способа существовать и путем жесточайшей дисциплины и страшных наказаний содержались в повиновении. Такая армия, где организационный аппарат был прочно привязан к власти, а масса самыми условиями жизни и режимом в армии, воспитанием совершенно обезличена, такая армия была надежным орудием и во внешней и во внутренней борьбе. Для поддержания ее боеспособности эта армия все время содержалась под ружьем, все время училась и технически представляла очень совершенное боевое оружие по сравнению с ландскнехтами, которых она совершенно вытеснила с театра войны. Особенно хороши были в эту пору французские и шведские войска. Правда, постоянные армии стоили дорого, ибо их приходилось содержать не только во время войны, но в периоды мира. Но города,—торговый и нарождавшийся промышленный капитал оплачивал королям эту дорогую затею, при посредстве которой король поддерживал единство страны, т.-е. обеспечивал безопасность территории и путей для совершения торговых перевозок. Эта армия произвела на молодого государя России большое впечатление, по сравнению с нестойкими русскими ополчениями и буйными дезорганизованными стрельцами. Вернувшись из-за границы, Петр (1699 г.) уничтожил стрельцов и образовавшееся уменьшение армии на 40.000 человек решил заполнить вновь сформированной регулярной армией, содержимой всецело на счет казны и постоянно находящейся под ружьем (Баиов II—40).

По внешности Петр для формирования армии обратился к всесословному набору и дворян, и крестьян, и горожан. Но такой внешностью нельзя обманываться, ибо и в допетровской армии служили и дворяне — в конном ополчении и даточные от крестьян и горожане — стрельцы. Нам важно выделить, кто был организующим элементом и кто держал в руках силу принуждения. Таким элементом у Петра стали дворяне, как в боярской России власть была в руках бояр,

осуществлявших ее при посредстве наемной гвардии—стрельцов. Действительно, ядром этой армии стали уже сформированные раньше и доказавшие свою боевую ценность и во внутренней борьбе со стрельцами и в азовских походах Преображенский и Семеновский полки, полки *состоявшие почти целиком из дворян.* Для сформирования остальных частей Петр взял «даточных» — рекрутов по одному человеку на 20 дворов на пожизненную службу, поставив им офицерство частью из иностранцев, а частью из дворян, прошедших обучение в старых гвардейских полках. Гвардейские полки стали как бы школой командного состава, где рядовой дворянин, пройдя военную науку, имел все основания стать офицером новой формирующейся армии. Это были основные опорные точки и рассадники военной науки в армии. Таким образом, командный состав были дворяне, а солдатская масса, — темное бессознательное крестьянство, отрываемое навсегда от родных деревень и сжатое суровой военной дисциплиной.

По набору 1699 года было принято 32 тысячи человек и сформировано 30 пехотных и два кавалерийских драгунских полка. Недостаток конницы восполнялся в первый период дворянской конной милицией, созывавшейся лишь в военное время. Из этой новой армии 10 пехотных и два конных полка — формировались в Москве, 9 — в центральной России и 11 — на Волге. Состав полков был намечен — 3 штаб-офицера, 1.200 рядовых; в полку было 10 фузилерных (фузея значит — ружье) и одна гренадерская рота. Конные полки были также 10-ротного состава. Эта новая армия была сведена в 3 дивизии: первая — под начальством Вейде, обрусевшего немца, вторая и третья с двумя русскими Головиным и Репниным во главе. К концу царствования Петра эта сила возросла до 46 пехотных и 33 драгунских полков, при чем милиционная конница была целиком заменена регулярной, но также целиком составленной из дворян. Общая численность этой армии достигала до 58 тыс. пехоты и 30 тыс. конницы. Если к этому прибавить флот в 48 кораблей с экипажем в 28 тысяч человек и тыловое войско, то под ружьем было до 210 тыс. человек, т.-е. огромная невиданная ранее сила *постоянной* регулярной армии и флота, развернутая менее чем 14-ти миллионным народом. (Платонов—439).

В среднем на каждые 20 взрослых жителей России один служил в армии. Отметим также, что пользу постоянной службы и обучения войск прекрасно понимали и бояре в допетровской России, но у них не было той силы, на которую можно было опереться для того, чтобы заставить крестьян и дворян служить всю жизнь. Но когда дворянство само стало к власти и защищало свое положение, то оно нашло в себе силы стать на стражу своих интересов, совпавших с интересами всей страны пожизненно и других поставить, и создать постоянную армию, немыслимую при боярской власти.

Все, кому теперь пришлось иметь дело с формированием Красной армии, когда из остатков 11-ти миллионной, вполне обученной и всем оборудованной царской армии пришлось сформировать армию в три миллиона человек, могут себе представить невероятные трудности дела, когда не было ни генералов, ни офицеров, ни младшего унтер-офицерского состава, ни обученных солдат, ни артиллерии, оружия, обоза и снаряжения. Все пришлось делать заново. Своих офицеров не было, пришлось брать иностранцев так много, что их было до $^1/_3$ всего командного состава, преимущественно старшего. При чем к нам ехали из-за границы далеко не лучшие офицеры. Так, из 300 офицеров иностранцев, присланных Головину на укомплектование его дивизии, Головин отказался принять половину, за полной их негодностью к делу. Такова была внешняя форма новой армии Петра, хотя и близко похожая на регулярные полки старой армии, но по сути представлявшая собой ясно выраженную армию нового правящего класса дворянства. Дворянство, лично всеми своими интересами связанное с новым строем, при помощи иностранцев было его организующим ядром. Оно же в гвардии и коннице служило и рядовыми, образуя твердые части, на которые можно было опереться в трудную минуту, равно верные как на поле сражения, так и при усмирении мятежа, так и при той или другой невязке в самой армии, например, непослушании солдат-крестьян своим офицерам-дворянам в других полках. Солдатская же масса бралась от населения *навсегда,* на всю жизнь, под угрозой смертной казни не могла вернуться домой, должна была служить и делать то, что им прикажут. В полках она подвергалась не только внешней

муштровке, но и гораздо более тонкой нравственной переработке, которая собственно и делала из темного деревенского парня солдата, начинавшего вместе со своим офицером верить, а в первые десятилетия XVIII века это так было, что они борятся за интересы народа, за лучшую жизнь всей тогдашней России. Таким образом, всесословная армия по внешности, шедшая под лозунгом борьбы за отечество, эта армия была классовой, дворянской и Россия это скоро почувствовала в конце того же XVIII и в XIX веке.

Вооружение петровской армии.

Вооружение, которое было принято в русской армии этой поры, было то же, что и в иностранных армиях. Ружье с кремневым затвором, с дула заряжающееся. Пуля весом 8 золотников. На стрелка имелось 50 зарядов, из них 30 на себе. Ружье стреляло до 300 шагов, но меткий огонь был на сто шагов. Скорость стрельбы была один — два выстрела в минуту. До 1709 года для рукопашного боя в ствол вставлялся багинет, т.-е. деревянная палка с копьем на конце. С ним стрелять было невозможно, но зато ружье обращалось в холодное оружие, в пику. С 1709 года у нас ввели штык, изобретенный в 1640 г. в Баионе во Франции. Из этого очерка видно, как слабо было действие ружья того времени, и как мало было времени для стрельбы против войск, энергично наступающих. Поэтому холодное оружие, казалось бы, имело решительный перевес над огнестрельным. Для усиления огневого действия в армии существовала полевая артиллерия, стрелявшая ядром на версту и картечью на 300 шагов. Картечь наносила очень тяжелые потери. В полках имелись по 2 полковых пушки, весом в 37 пудов и стрелявшие картечью на 300 — 400 шагов. Артиллерия не имела постоянных ездовых и лошадей, а перевозилась как обоз. Только прислуга орудий была военная. Скорость стрельбы была 1 — 2 выстрела в минуту.

Из всего сказанного явствует, что решительное превосходство должно было иметь холодное оружие; быстро веденная атака должна была приводить к скорым результатам с малыми потерями. Но таково свойство человеческой психоло-

гии, что даже такой огонь производил чрезвычайно сильное впечатление и войска втягивались в длительные огневые бои, не решаясь на атаку. Спор «огнепоклонников» и сторонников холодного оружия в эту пору шел в Европе так же горячо, как и в наши дни, при чем лучшие генералы того времени, как, например, Мориц Саксонский, отдавали решительный перевес пикинерам над фузилерами.

Для ясного представления оружия того времени необходимо еще дать характеристику его действительности в бою. Как средства производства решительно влияют на весь экономический уклад жизни, так как средства поражения определяют организацию, тактику и стратегию войны. Мы можем взять для примера, определившее ход войны на 8-летний период — поражение под Нарвой. Наши войска потеряли 7.000 человек, что на $3^1/_2$ — 4 миллиона взрослых людей тогдашней России составляло, примерно, 1 человек на 500 чел. жителей. По своему значению в нашу эпоху Нарве соответствует лето 1915 года, потеря Варшавы. Это поражение стоило нам 500 тысяч убитыми и ранеными и 1 миллион пленными, что на 25 миллионов взрослых работоспособных жителей составляет 1 человек на 17. Потеря Нарвы составляла 22% всей армии, потеря Варшавы около 100% действовавших войск.

Поражение в ту пору охватывало лишь ничтожную часть страны и такую часть армии, которую можно было восстановить укомплектованием, не изменяя самого облика и настроения частей. Если есть хорошие головы, то хвосты всегда можно приставить,—говорил видный полководец того времени Монтекукули.

В наши дни полки меняют часто весь свой состав и поэтому дух части сохраняется гораздо труднее. Свойство оружия определяло возможность иметь *постоянную* армию, воспитываемую в казарме и в поле в том направлении, как это было нужно ее командирам, и дворянский командный состав мог людей, взятых на всю жизнь, перевоспитать по-своему и сделать из них орудие своей политики. Ныне же свойство оружия предопределяет характер народной армии, т.-е. способной побеждать, лишь борясь за интересы, *осознанные* народной массой.

Первые операции новой армии. Нарва.

Несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, набор и обучение шли настолько успешно, что по свидетельству одного из иностранных послов наши полки в июле 1700 года были уже хорошо обучены и производили впечатление регулярного войска. (Баиов II — 43). С этими частями 22 августа 1699 г. Петр выступил против Швеции в союзе с Данией и Польшей и 14 октября приступил к осаде крепости Нарва. Всего наша армия была силою в 35 тысяч человек, из них 5 тысяч поместной дворянской конницы при 95 орудиях крупного калибра.

Однако, 19 ноября 1700 года шведский король Карл XII неожиданным нападением обрушился на наши осаждающие Нарву дивизии, нанес им полное поражение и армия, потеряв всю артиллерию, дивизию Вейде, взятой в плен и 7 тысяч (из 32 тыс. наличного состава) убитыми и ранеными, т.-е. 22%, с позором бежала в полном расстройстве к Пскову и Новгороду. Солдаты во время боя восстали против своих офицеров-иностранцев и, спасая себя, они вынуждены были перебежать к шведам, вместе с герцогом де-Кроа, командовавшим тогда нашей армией. Только гвардия оказала сопротивление и отошла в порядке с поля сражения. Поместная же конница бежала с такой быстротой и в такой панике, что половина всадников утонула при переправе через реку Нарову.

Таким образом, при первом серьезном столкновении с врагом вся постройка разлеталась, как карточный домик. Что было делать дальше?

На первый взгляд те элементы, из которых слагалась тогда Россия, были непрочны и как материал для государственной постройки негодны. Трусость, малодушие, дезорганизация, глупость, отсутствие знаний,—вот что характеризовало русскую армию под Нарвой. Карл XII отнесся к нашим предкам с таким презрением, что не удостоил их даже преследованием — сами, мол, рассыпятся. Но он не заметил, что если постройка была слаба, то потому лишь, что не было связующего цемента, сами же кирпичи, камень, песок все было налицо и все хороших качеств.

Нужно было лишь все эти элементы связать и сорганизовать. Эта задача и лежала перед новыми властителями России.

Не при свете солнца и веселом шелесте ветерка познается сила и доблесть народа и человека, но именно в минуту грозного испытания. Нарва и была таким испытанием новой дворянской России, в котором она должна была показать: имеет ли она, как сильный, право «на место под солнцем» или годна быть лишь «навозом на ниву» других, более сильных народов. В этот момент тяжелого поражения, после Нарвы дворянство должно было показать, чего оно стоит и что может сделать.

Характеристика Петра.

Прежде чем перейти к дальнейшему очерку событий и изучению их, я считаю необходимым хотя бы несколькими словами характеризовать человека, стоявшего в центре всей гигантской работы создания новой государственности, вдохновлявшего ее, руководившего ею и настолько порой заслонявшего собой все остальное, что современники и даже ближайшие потомки считали всю реформу и борьбу делом его гения. Историческая наука с тех пор твердо установила роль личности в историческом процессе; в рассмотрении этой эпохи мы стремились изложить всю ту обстановку, все те мощные слагающие силы, из взаимодействия которых слагаются возможности появления того или другого события. Но в каждой данной обстановке кто-то должен реализовать эти возможности, кто-то должен осуществить то, что требует исторический процесс, то, что позволяет соотношение сил; здесь и выступает класс, группа, наконец, человек, как организатор, деятель и творец. Здесь в эпоху борьбы начала XVIII века выступает гигантская фигура Великого Петра. Он был меньше всего мечтатель, но жил великой мечтой, великой идеей блага русского народа. Он считал своей задачей, бесконечно более дорогой, чем личная жизнь, личное счастье — счастье России и во имя этой идеи была направлена его деятельность всю жизнь, весь день железное здоровье допускало такую работу, которая была не под силу рядовому человеку и —

царь — он везде и в каждой области военного дела, и на море, и в гражданском управлении, и в промышленности, всюду доходил до всего сам, работая часто по 20 часов в день. Выше всего у него стояла польза дела и он не жалел ни личного труда, чтобы научить других, ни жизни, чтобы подать пример, как это было с дрогнувшим левым флангом в Полтавской битве.

Проникновение идеей и готовность все отдать за нее,— это первое, что останавливает в личности нашего великого полководца.

Способность ясно понимать обстановку, делать ясные выводы и предвидеть будущее по тем неясным признакам, которые дает жизнь и на основании этого понимания принимать «большие» решения, проводимые неуклонно и планомерно.

Эта способность решаться, итти на большой риск отличала всегда Петра, но раз решение принято, то оно проводилось в жизнь со всей трудностью без колебания до конца.

Петр не выносил нерешительности, не допускал вялой пассивности, но во всем, что делал, придерживался смелой наступательной тактики, отступая от нее лишь тогда, когда реальное соотношение сил было не в его пользу; а это он умел учесть во-время и вся его деятельность есть именно и прежде всего уменье учесть реальное соотношение сил.

Наконец, он умел подобрать людей и дать им работать так, чтобы использовать их силы полностью. Он умел прощать им ошибки и неудачи, умел прощать даже личные недостатки (Меньшиков был очень нечист на руку) за большую работу и талант. Он понимал глубокое значение духовных сил человека в жизни и на войне. Умел опереться на эти силы, их поддерживать, на них строить свой расчет так же, как это делали все великие знатоки человеческого сердца. Он знал, что «купив сердце человеческое» он берет всего человека и сможет вести его вместе с собой на великую борьбу.

Личность его любят превозносить, ставя его над человеческой толпой; но из всего, что я сказал, видно, что это все человеческие качества, лишь развитые в высшей степени. Там, где обычные люди теряли энергию и не видели, что делать, там Петр своим ясным взглядом вперед, своей

глубокой интуицией предвидел ход событий, сохранял сам и поддерживал веру и бодрость, силу бороться в окружающих его помощниках. Там, где у окружающих падала энергия, Петр своей несокрушимой силой духа поддерживал остальных и укреплял в них веру в успех. В этом смысле деятельность его приносила огромнейшие результаты. Это был центральный ум и воля, воодушевлявшие и направлявшие великую борьбу русского народа за новую государственность, за право на «место под солнцем», за новую жизнь, борьбу, которая в истории названа Великой Северной войной.

Огромная мощная фигура вождя важна для нас потому, что она характеризует эпоху, характеризует класс, *молодой полный сил, исканий нового*, полный *эгоистической жажды наслаждения* и *готовности самопожертвования*, готовый на преступление и *подвиг*, на величайшие *жестокости, распутства* так же, как и на *упорный, настойчивый, тяжелый труд*. Великий Петр был нужен, чтобы решить те великие задачи, которые стояли тогда перед *молодой Россией* и в нем, как «солнце в малой капле воды», отражались ее великие достоинства и ее великие пороки.

Воспитание и обучение армии Петром I.

Изучение истории военного искусства может быть полезно в том лишь случае, если оно воспитывает и учит. Поэтому подход к этому изучению должен быть активный; не только изучать чужую мысль и дело, но самому учиться на великих образцах, сохраненных до нас военной историей. Цель военного искусства нам ясна—это победа. Но мало того. Победа может быть достигнута такой ценой, что она, как победа Пирра над римлянами, по числу жертв и усилий будет равноценна поражению. Поэтому, как учил Петр, *«победу надо искать малым трудом и малой кровью»*. В этом искусство. Для того, чтобы этого достичь, нужно прежде всего, как учил еще грек Ксенофонт,—*«обеспечить себе свободу действий»*. Только в этом случае вы примите или дадите бой, когда это будет для вас выгодно; вы нападете на врага тогда, когда будете для этого достаточно сильны и нападете в такое время и месте, где победа дается легко. Наконец,

вся война на $^3/_4$ слагается из моральных элементов и только на $^1/_4$ из материальных. Люди военные, вдумчиво пережившие 1917 год, поняли на нашем примере, что такое психология армии. *Военное искусство состоит в том, чтобы развить эти духовные силы и, опираясь на них, добиваться победы.*

Великие полководцы дали нам образцы военного искусства, но для того, чтобы понять всю их красоту и силу, попробуйте, изучая их историю, сами принять участие в их работе. Сидя в рабочей комнате, вы находитесь в бесконечно более легкой обстановке, чем они—в кипении борьбы. На вас не лежит ответственность за ход операции; на вас не смотрят тысячи глаз, ожидая приказа; перед вами не поле сражения, а покойная рабочая комната. Постарайтесь уяснить себе обстановку к определенному моменту и затем спросите как бы вы поступили в этой обстановке. Какие решения приняли, какие приказания отдали. И лишь после такой вашей работы раскройте снова книгу истории, где перед вами развивается деятельность большого мастера военного дела,—образец военного искусства. «Читайте, перечитывайте 88 кампаний Александра, Ганнибала, Цезаря, Густава-Адольфа, Тюренна, Евгения Савойского и Фридриха Великого. Учитесь на них. Это единственный способ стать большим полководцем и *понять секреты военного искусства*». Так учил Наполеон. То же говорил Петр и Суворов, всю жизнь настойчиво читавший и учившийся.

Изучая борьбу России начала XVIII в., пусть каждый из вас поставит себя в обстановку после Нарвского поражения. Войско было построено по всем правилам тогдашней науки. С наилучшими из *наличных* генералов армия была выведена по поле сражения, обучена, вооружена и... разбита в первом же бою. Что делать? Датчане, разбитые Карлом XII, уже заключили мир. Не следовало ли тоже сделать и нам, принимая во внимание, что внутренняя обстановка в стране была далеко не твердая; если же и продолжать войну, то не следовало ли отказаться от всех новшеств, придуманных иностранцами,—тем более, что во время боя иностранные офицеры перебежали к неприятелю—и вернуться к своей «родной старине», о чем кричала вся тогдашняя Русь?

Какие военные меры принять немедленно для защиты границ?

Вот вопросы, которые надлежит решить каждому, прежде чем изучать, как поступил Петр.

Прежде всего посмотрим, как же он оценил значение этого тяжелого поражения? «Спасибо брату Карлу,—сказал Петр,—будет время, и мы ему отплатим за уроки». В своем «журнале (Пузыревский, «История пост. армий», стр. 287) Петр пишет: «Шведы под Нарвой над нашими войсками викторию получили бесспорно, но... единым словом сказать можно, все то дело яко младенческое играние было, а искусство ниже вида... Но когда мы сие несчастье, или, лучше сказать, великое счастье под Нарвой получили, то неволя леность отогнала, и к трудолюбию и искусству день и ночь принадлежать принудила, войну вести уже с опасением и искусством велела».

А неволя была страшная. Все они: и Петр, и Меньшиков, и Апраксин, и гвардейцы, знали, что в случае поражения во внешней, так же, как и во внутренней войне их ждет одно—плаха на Красной площади в Москве.

Этот аргумент был в их представлении не последним и входил слагающим во все их соображения, определяя ту бешеную энергию, которую они сумели развить в нищей, голодной стране, не выплачивающей налогов, разбегавшейся от тяготы повинностей, с ее бездорожьем, темнотой, непониманием—чего и зачем от нее требуют. Но они с нечеловеческой энергией молодого организма, борющегося за свое существование, с прекрасным знанием борьбы за Россию в руках, втягивая в свои ряды всех новых людей, готовых бороться под их знамением из старого боярства, из крестьян, купцов и приказных, вели борьбу, организовывали, строили, собирали, усмиряли мятежи и после Нарвы меньше всего думали о сдаче.

Первой мерой было закрыть заслонами от возможности вторжения противника пути на Новгород и Псков. Но Карл XII решил, что «мужики» окончательно уничтожены им, что на них уже нечего больше обращать внимание, что они больше войны продолжать не будут, и пошел в Польшу против короля (Августа Саксонского, которого он считал своим наиболее серьезным врагом. Это дало нам время,—

время, которое дороже всего. Против Петра был оставлен только Шлиппенбах с 15 тысячами, занимавший огромную страну от Рижского залива до Ладожского озера. Непосредственная опасность для нас миновала, можно было исправлять и готовиться к новой борьбе. Прежде всего надо было пополнить потери людьми и материальной частью и, что было особенно важно, восстановить артиллерию, погибшую почти целиком под Нарвой. Металл был собран отовсюду; снимали даже колокола церковные, но через два года, в 1701—1702 году, иностранным мастером Виниусом было отлито 368 орудий, при чем артиллерия была отлита уже не случайных типов и калибров, а по определенным образцам полковых, батарейных и осадных орудий. «Пожар содействовал укреплению Москвы» (Баиов II—59).

Таким образом, основное решение после поражения было, несмотря на тяжесть неудачи, продолжать борьбу и воссоздать вооруженную силу. С восстановлением материальной силы справились относительно легко, но как было сделать армию боеспособной, сделать ее, как говорил Петр, такой, чтобы двинуть ее «не под лапу, а в самую пасть неприятеля»? Как сделать ее, употребляя слово того же Петра, «бесконфузной»? Ведь, казалось, все, что требовали современная военная наука и практика Запада, было исполнено, когда собирались в поход к Нарве, и обучены, и одеты по-иностранному, и командовали иностранцы, а под первым натиском армия разбежалась. И Петр понял, что армии нехватило души, или, кто не любит этого слова,—психологической спайки. Того невесомого, незримого, что составляет $^3/_4$ ее силы. Материально армия может быть вполне обучена и сформирована, но этого мало. Армия или выполняет все, чему ее научили, т.-е. стреляет, маневрирует, атакует, оставаясь в руке своих начальников, или же не выдерживает страха смерти, в глаза которой нужно смотреть, и разбегается, спасая свою жизнь. Вот в чем суть. Сможет ли солдат, смотря в страшное лицо стоящей перед ним смерти, выполнять то, чему его учили, и то, что ему приказывали, или же он будет искать спасения в бегстве. Только что сформированная регулярная русская армия не выдержала напряжения боя и побежала, стихийно, панически, спасаясь от смерти на поле сражения и погибая от паники в реке;

но бежала, проигрывая сражение. Труднейшей задачей было вдохнуть в эту армию то, что я называю «душу живую», и в этом направлении началась огромная работа воспитания армии,—работа, в которой наши предки пошли своим оригинальным, совершенно самобытным путем. В то время, как армии Западной Европы все внимание сосредоточивали на муштровке солдат, стремясь страхом наказания и верной смерти в тылу, под рукой палача, сделать солдата послушным механическим орудием в руках начальника, в нашей армии, кроме *систематического обучения* и утверждения созданного ранее *аппарата принуждения,* началось еще *воспитание духа* в войсках. В армиях Западной Европы при внешнем парадном блеске «дух и дисциплина войск представляли самое печальное явление. Везде жалобы о падении истинной военной доблести, грабежи, дезертирство и трусость... Самые тяжелые наказания не в силах исправить эти недостатки, пустившие глубокие корни и проистекавшие из состава войск, управлении ими и быта» (Пузыревский, «Постоянные арм.», 144). В то время, как в вербованных армиях Запада с солдатом обращались, как со скотиной, петровский офицер подошел к нему не только с ученьем, не только со строгостью, но и как человек к человеку. И в этом заключалась особенность нашего военного искусства XVIII века, причина всего, блеск побед и решительных успехов всех войн Петра и Екатерины. И в этом я вижу неотъемлемую принадлежность всякой армии, вышедшей из социального переворота, революции, гражданской войны. *Ей необходимо опереться на сознание масс.* Действительно, в страшную минуту смертельной опасности в душе бойцов происходит жестокая борьба чувства долга и стремления спастись во что бы то ни стало. Сократ, который простым рядовым участвовал в войнах своих родных Афин с персами, оставил много ценнейших наблюдений над психологией войск. Он сказал между прочим: для того, чтобы победить, начальник должен сделать солдата счастливым. В этом великая неумирающая правда. Мы знаем другой лозунг — «солдат должен бояться палки капрала больше, чем пули врага». Это — основа воспитания прусской вербованной армии Фридриха Великого, как и всех вербованных армий современной Европы.

Первая правда, это — правда граждан. В ней воины привыкли видеть какую-то великую ценность, которой угрожает опасность. Они привыкли считать, что эта ценность бесконечно дороже их жизни, и в таких условиях, в минуту борьбы в их сердце есть твердая точка опоры для борьбы с чувством самосохранения. Нет разлагающего вопроса: к чему, который *позволяет человеку поддаться своей слабости, оправдывает ее.* В сердце и уме войска должна жить идея простая, ясная, понятная каждому, за которую он идет на смерть. Не материальные блага каждого отдельного человека способны сделать его счастливым перед смертью, ибо лучше потерять все и остаться живыми, и с точки зрения узкого себялюбия прав был унтер-офицер на параде в Риге в 1917 году, который ответил Керенскому: «Зачем *мне* земля и воля, если я буду убит». Но идея, переросшая личное счастье, но, конечно, прочно вросшая корнями в экономические условия жизни масс, по форме же большая, красивая идея может сделать людей способными на самоотвержение, броситься вперед и увлечь за собой остальных.

Все было в царской армии 1917 г. Но под влиянием все нароставшего разрыва между требованиями, предъявлявшимися правительством и основным сознанием народа и осознанным им интересами, идея, во имя которой можно было драться — умерла. А с ней умерла и армия. Конечно, масса всегда неустойчива, в ней рядом с героем есть трус, которому никакая идея не дорога и который способен только бежать. Этих людей может удержать в рядах только страх наказания, страх верной смерти в тылу. Но думать, что можно одной «палкой капрала» достичь результатов, конечно, невозможно.

Именно так и стал вопрос в армии Петра. Дворянство, взявшее власть в свои руки, верило глубоко, что, сражаясь за власть и свое личное благосостояние, оно борется одновременно и за интересы всего народа, за «отечество», и эта идея воодушевляла его на тяжелые жертвы. Отдавая свой приказ перед Полтавской битвой, Петр выражал лучшее мечтание, наиболее светлые взгляды своих современников, положенные в основу воспитания войск: «Воины, — писал он, — пришел час, который решит судьбы отечества. Вы не помышляйте, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру

врученное, за род свой, за отечество, за православную веру и церковь... Имейте перед собой в сражении правду и Бога, вашего защитника, а о Петре ведайте, что жизнь ему недорога, жила бы только Россия в славе и благоденствии для благосостояния вашего». Объезжая полки перед битвой, Петр говорил: «Порадейте же, *товарищи*, вера, церковь и отечество этого от вас требует» (Пузыревский. «Развитие постоянной армии», стр. 306).

Петру I (пишет Ключевский IV—288) принадлежит заслуга первой попытки дать своей бесформенной и беспредельной власти *нравственно-политическое* определение. Твердя в своих указах о государственном интересе, как о высшем и безусловном двигателе всякой работы, всякой деятельности, он сам себя ставил в подчиненное положение этим интересам, благу России. Он требовал службы себе, как главному носителю этой идеи, как первому работнику своего народа. Нужно отметить, что идеи, на которых хотят построить воспитание массы, должны быть живыми в данный период, т.-е. находить отклик в тех реальных жизненных интересах, которыми живет масса. Бог, царь и родина — это были лозунги начала XVIII века.

Эти лозунги, как видно, тесно связаны со всей экономической и социальной жизнью того дня, выражали живую идеологию современности, они были бесконечно выше блага отдельного человека, охватывая как счастье одного только человека, так и счастье всех. На этом строилось воспитание армии.

Мы должны, однако, отметить, что только лучшая, наиболее активная или наиболее сознательная часть дворянства ясно понимала свои задачи в деле строительства России и даже свои собственные интересы. Вытащить массу дворян из их поместий, послать ее учиться, поступать в войска стоило невероятных усилий. Все уклонявшиеся лишались своего именья, «шельмовались» и ставились вне закона. Каждый донесший на дезертира получал все его именье, хотя бы это был крепостной (Ключевский, IV—101). Посошков, которого мы уже цитировали в своей книге «О скудости» на стр. 23, пишет: «На какие плутни и извороты пускались дворяне, чтобы отлынить от службы, пристраивались к какому-нибудь бездельному делу, а непомерное увеличение всяких

комиссаров и командиров облегчало уклонение от действительной службы. Куда ни посмотришь, нет у государя прямых радетелей, все судьи криво едут, кому бы служить, тех оставляют, а кто не может служить, тех заставляют, пособников у него (у Петра) мало, он сам десять тянет на гору, а под гору миллионы тянут, как же его дело скоро будет». Вот при каких соотношениях внутри самого правящего класса шла работа и все-таки пришла к нужным результатам, привела к полной победе и класса и России.

Я умышленно рисую и светлую, и темную стороны современной жизни, чтобы те, которые часто с отчаянием глядят сегодня на тяготы и разруху нашей жизни, в уроках нашей истории — не истории каких-нибудь иностранцев, которых у нас многие воображают сверх-людьми—черпали силу.

Вместе с воспитанием армии в сознании важности ее подвига стояло и отношение офицера к солдату; признание в солдате человеческого достоинства, укрепление в солдате лучших сторон человеческой души поднимало солдат до офицера, при чем отличавшийся солдат мог всегда получить офицерское звание (Марченко. «Духовный элемент в военной деятельности Петра I», стр. 1). Офицер и солдат в борьбе, в лишениях и перед смертной опасностью боя были товарищи, боровшиеся за общее дело — за отечество. В уставе 1716 года сказано следующее: «Понеже офицеры суть солдатам, яко отцы детям, того ради надлежит им равным образом отечески содержать и понеже дети перед отцом суть бесловны во всяком послушании, полагая свою надежду на отцов во всем, чего ради их отцы *недреманное попечение* имеют о их учении, пропитания и всяком снабжении, особливо же дабы нужды и недостатка не терпели, тако офицерам делать надлежит (а особливо наши офицеры должны суть, понеже не единый народ в свете тако послушлив, яко российский) о пользе солдат делать, что в их мочи есть, а чего не имеют доносить вышним и не тяготить их лишними церемониями и караулами и прочими, а особливо во время кампании». Нижним чинам разрешалось приносить жалобы в случае обиды, а на прапорщиков в роте была возложена особенная обязанность быть ходатаем за своих людей и «егда они в наказание впадут, тогда ему об них бить челом вольно» — «особе во вся дни немощных посещать и смотреть, нет

ли им в призрении какова недостатка». Вот в каких словах устав определял отношение офицера к солдату, и, действительно, офицер не мог относиться к нему иначе, видя в нем боевого товарища, борца за общее дело (Баиов. «Ист. Воен. Иск.» II, 103, 104).

Это не исключало сурового отношения к нарушению дисциплины. Дезертирство и бегство с поля сражения каралось смертью. Да и вообще военный суд того времени был очень суров, и аппарат принуждения действовал со страшною жестокостью. В самом сражении устав прямо требовал, чтобы офицеры убивали солдат, пытающихся бежать, а сами, хотя бы все солдаты разбежались, оставались на месте, «хотя бы пехотные при коннице, или конные при пехоте».

Итак, *воспитание массы армии строилось, с одной стороны, на развитии сознания важности цели, за которую шла борьба,* в стремлении поднять *человеческое достоинство в солдате,* сближая его с его начальником-офицером, а с другой стороны, на суровой военной *дисциплине, карающей тех,* кто не проникнется готовностью пожертвовать своими эгоистическими побуждениями — общей пользе государства. Характерно, что как воспитание массы, с перенесением опоры на представления, уже осознанные, а, с другой стороны, силы, чтобы осуществить принуждение, всегда были принадлежностью молодых армий, выраставших в пламени гражданской войны, и это давало им всегда необычайный прирост силы.

Воспитание командного состава.

Неменьшее внимание Петр уделял командному составу. Он ясно видел, что только армия, которая *уверена* в своем искусстве и действительно *знает* свое дело, только такая армия способна к победе. Поэтому в офицеры допускались только те дворяне, которые прослужили установленный срок солдатом и «с фундамента солдатского дела знают». Воинский устав 1716 года прямо определяет: «шляхетству российскому *иной способ не остается* в офицеры происходить, кроме что служить в гвардии». И, действительно, гвардейские полки обратились в командные курсы, где рядовыми служили дворяне, подготовляясь к производству в офицеры в армейские полки. Они жили в казарме, несли караулы, полу-

чали солдатский паек и в бою дрались рядовыми в своих полках. В то же время это были части — основная опора как во внешней, так и во внутренней борьбе. Но дворянство не было в эту эпоху замкнутой группой. Решительный перевес был дан *службе над породой.* Дорога к офицерскому званию была открыта всем, и обер-офицер, какой бы он ни был «породы», имел первое место перед бесчиновным дворянином. (Интересно отметить, что дворян было всего 15 тысяч человек. Таким образом, организующая группа, вынесшая на своих плечах перестройку жизни всего 14 миллионного народа, была так ничтожна по своей численности. (Ключевский. IV — 109 и 87).

Особо внимательно относился Петр к развитию самодеятельности среди своего командного состава. Всякий, кто становится к большой работе, знает, какое огромное значение имеет участие, активное сотрудничество всех—коллективная работа. В нашем военном деле, при строгом соблюдении дисциплины, при ясном сознании необходимости все усилия направлять к *единой поставленной приказом цели,* самодеятельность имеет решающее значение. Блестящим развитием самодеятельности объясняются успехи немцев в войнах последнего времени. Армия, в которой развита и воспитана самодеятельность, может быть уподоблена живому организму, в то время, как армия без самодеятельности — это лишь мертвый механизм, способный действовать лишь при особых искусственных условиях, которых на войне создать нельзя. Это — паровоз, выпущенный с рельс на вспаханное поле.

Но самодеятельность может развиться лишь там, где есть импульсы к деятельности. Их нет у наемника, нет у забитого автомата, но она может быть и есть у *гражданина,* защищающего дорогое ему достояние. Таковы были новые люди России, которые сами грудью стали защищать свое новое государство. Но, конечно, воспитать самодеятельность, сделать из нее организующий фактор в один день нельзя. Старая Русь, с ее азиатским укладом, принесенным к нам татарами, еще цепко держала в руках наших предков. Со свойственной Петру решительностью, он требует от своих командиров: «рассуждения *под страхом жестокого наказания»,* ибо, как дальше говорит регламент, *«порядки писаны, но времен и случаев нет».* В письме Апраксину, который спрашивает,

как исполнить его приказ, Петр эту же мысль высказывает так: «Меня в том спрашивать нечего, *но как удобнее исправлять;* а мне нечего больше писать, только что кузнецу без клещей работать нельзя». В другом письме Шереметеву (III том писем и бумаг Петра, № 769): «а ты будто по нашему указу никуда итти не смеешь... а сие подобно, когда слуга, видя тонущего господина, не хочет избавить, дондеже справиться, написано то в договоре, чтобы его из воды вынуть».

В дворянстве и офицерах Петр видел своих идейных помощников, видел людей, связанных общими интересами, он мог им доверять, он знал, что их стремление, их цель совпадает с теми целями, которые и он ставил себе как во внешней, так и во внутренней политике. Поэтому самодеятельность, необходимая для успеха дела, могла быть допущена в то время, как Фридрих, король прусский, в своей армии или Николай I в своей ее допустить не могли.

Но начальник, действующий самостоятельно, всегда рискует неудачей, за которую он же будет отвечать. Ему могут сказать: нечего было выдумывать, а исполнять то, что приказано. Если дело поставить таким образом, то самодеятельности не будет. Каждый должен быть уверен, что «ошибка в фальшь не ставится». Так Петр и поступал. Когда Шереметев потерпел неудачу под Мур-мызой в 1705 году, то Петр ему писал: «не извольте о бывшем несчастьи печальным быть (понеже всегдашняя удача многих людей ввела в пагубу), но *забывать* и паче людей *обадривать*». А офицерам зародившегося при нем генерального штаба (колонновожатых) Петр твердил: «понеже таковому надлежит разве родиться впредь, который всем угодить может».

Таким образом, воспитывая командный состав своей классовой армии в тот исторический момент, когда этот класс еще только формировался, определенно стремился втянуть туда все ценное, сильное, *готовое итти с новой Россией,* что было тогда на горизонте. В офицеры выходил дворянин, если он знал свое дело, но доступ туда был открыт каждому «настоящему» человеку. *Знание дела* для начальника (понимая под этим, конечно, не теоретическое знание, а знание и уменье) было решающим фактором. Но рядом со знанием, Петр воспитывал в своих птенцах другой великий двигатель на войне—*самодеятельность*, о которой армии современной

Западной Европы еще и не мечтали, ибо *армия Петра была в значительной мере армией революции.*

Обучение армии.

Обучение нашей армии велось по уставу, составленному в 1669 году генералом Вейде, по указанию Петра. «Варварски сложные строи и порядки Западной Европы сделались гениально-просты в русском военном искусстве» (Баиов, II—7); пехота знала только один, 6-шереножный строй, а конница—3-шереножный. Простые повороты в коннице, вздваивание рядов в пехоте, простые ружейные приемы и стрельба,—вот и вся несложная наука. Петр требовал учить только тому, что нужно будет в бою и в походе (инструкция Нарышкину; Баиов, II—101). Он ясно понимал, что залог успеха заключается не в хитростях плацпарадной науки, а в решительном, смелом наступлении. Он учил свою пехоту: «Ежели от пушек неприятеля великий урон есть, то надлежит прямо и поспешно на оные итти; то же делать и в кавалерии, ибо чем ближе к пушкам, тем меньше вреда и опасности». (Масловский. «Ист. Воен. Искус.», прилож.). Ибо при сближении с врагом у неприятельских канониров глаза туманятся страхом смерти и руки наводчиков дрожат. Коннице тоже совершенно определенно дается указание: атаковать «с едиными шпагами, отнюдь из ружей не стрелять, прежде того, как с Божьей помощью, неприятеля в конфузию не приведут». В этом направлении любви к наступательному бою и ведется все обучение армии. (Баиов, II—109).

Характерной особенностью обучения Петровской армии является ныне часто забываемое реальное обучение рекрут и обучение старых солдат. «Старых солдат,—учит петровский устав,—не учить вместе с молодыми, ибо они того грандуса миновали. Старого солдата тому учить, как в бою поступать. Сначала на поле порознь, а потом паки вкупе, яко и в самом деле».

Свойства оружия той эпохи определяли и тот порядок, в котором войска выходили на поле сражения. Крупнейшее значение придавалось огнестрельному действию ружей и пушек. Это может показаться нам странным, как такое

слабое оружие могло привлекать столь серьезных военачальников. Но ведь все дело не в абсолютной силе оружия, а в его впечатлении на психику *современников*, еще помнивших бои, где главная роль возлагалась на пехоту, вооруженную *одними пиками*. По сравнению с такой пехотой даже слабое ружье и пушка были страшным оружием, а это, в свою очередь, объясняет то значение, которое тогда придавали огню, так как ружья и пушки были тогда очень несовершенны, стреляли медленно, меткостью не отличались. Единственным способом усилить огневое действие было увеличить число стрелков.

Отсюда длинный линейный порядок и тесное расположение стрелков в ряд, плечом к плечу. Шеренги стрелков, поставленные так, чтобы огонь был непрерывным. Заряжание ружья с дула, с забивкой пыжей требовало в 6 раз больше времени, чем самый выстрел, поэтому самая боевая линия делалась из 6 шеренг, стрелявших одна за другой, в то время, как остальные шеренги заряжали ружья.

Но огонь был очень недальний, хорошее действие его было на 100 шагов, самый дальний, уже неверный, выстрел на 300 шагов. Между тем, атакующее войско быстрым шагом могло преодолеть это расстояние в 1—2 минуты. Мужественная часть, способная атаковать в штыки, имела, конечно, много шансов на успех. Поэтому позади 1-й огневой линии, тоже в 100 шагах, чтобы иметь время поддержать первую линию, ставилась вторая линия, имевшая целью прийти на помощь первой в случае расстройства. Ясно, что длинные линии, вся сила огня которых могла быть использована лишь если они сохраняли свой порядок, были очень мало подвижны. Ротные командиры, проводя свои роты церемониальным маршем, знают, какого труда стоит обучить 100—200 человек итти развернутым строем, не сбиваясь в кучу и не разрываясь. Можно себе представить, как трудно было двигать линию в 2—4 версты длиной, числом в 30—40 тыс. человек. Отсюда необходимость тщательного обучения войск, а в плохо обученных войсках — стремление к оборонительному бою, стоя на месте. Особенно это стремление усиливалось тем, что обороняющийся мог полностью использовать свою артиллерию, ставя ее в промежутках между полками, в то время, как наступающему приходилось тащить орудия

на лямках, что, с одной стороны, затрудняло самое движение, а с другой стороны, — уменьшало продолжительность действия артиллерийского огня атаки по сравнению с огнем обороны.

Отсюда выучка войск имела в бою решающее значение. Хорошо обученное войско, не терявшее порядка, при быстром движении знавшее, как мало действителен огонь обороняющейся пехоты, могло делать чудеса при столкновении с плохо обученными войсками, незнавшими, по собственному опыту, бессилие огня. С плохо обученными войсками переход в наступление было предприятием крайне рискованным, потому что во время движения войска могли потерять порядок и сами себя привести в полное расстройство.

Главной силой шведской армии, а вскоре затем прусской— Фридриха Великого, было именно уменье ходить в развернутых строях, не теряя порядка; отсюда и решимость в атаке.

Наиболее слабым местом таких длинных линий были, естественно, фланги. Их усиливали, ставя там конницу, способную броситься на фланг неприятеля и опрокинуть его. Атаки конницы на фланг длинной линии со слабым огневым действием могли иметь и, действительно, часто имели решающее влияние на ход боя. Нужно отметить так же, что весь этот боевой порядок, находившийся на глазах одного начальника, весь на одном небольшом, по нашему масштабу, поле сражения, мог управляться командой одного человека, дополняемой приказами, развозимыми его адъютантами. Пехота должна была только точно поддерживать порядок и исполнять приказы. Больше самостоятельности имела на флангах конница, которой приходилось выдержать бой с конницей врага и потом действовать против пехоты противника.

Поэтому боевой порядок требовал сравнительно мало самодеятельности начальников, сосредоточивая все внимание создателей армии на выучке и дисциплине войск и начальников.

Недостаток времени не позволяет больше остановиться на технике обучения, с которой вы сможете ознакомиться по трудам Баиова и Масловского, особенно последнего: «Строевая и полевая подготовка русской армии при Петре и Елизавете».

Я остановлюсь лишь на важнейшем приеме обучения, примененном Петром. Он не ждал, пока его армия будет совершенно хорошо обучена. Но постоянно ученье прерывалось операциями против шведов. Карл XII с главными силами направился, как я говорил, в Саксонию и Польшу, оставив небольшие силы Шлиппенбаха в Эстляндии, Ингерманландии (Ингрии) и Финляндии, а также гарнизон в ряде небольших крепостей на Неве и по берегу Финского залива. Эти части противника и послужили Петру объектом для боевых упражнений своей молодой армии. Он собирал сравнительно крупные части и бросал их на небольшие отряды противника, приучая войска к бою, приучая их не бояться шведов, подрывая веру в их непобедимость. Так, в 1701 году Шереметев с 5 тыс. пехоты и 8 тыс. конницы атаковал небольшой шведский отряд у Эрестфера и разбил его. В следующем году, сосредоточив 30 тыс. человек, он нанес поражение Шлиппенбаху у Гумельсгофа. В 1703 году он сосредоточенными силами всей своей армии взял крепость Нотебург (ныне Шлиссельбург) у истока Невы из Ладожского озера, затем овладел устьем Невы и основал Петроград с крепостью Кронштадт, обеспечивая, таким образом, за собой все течение реки Невы. Наконец, в 1704 году взял Нарву, где было нанесено нам первое тяжелое поражение, и, продвигаясь далее на запад, занял Дерпт. Все эти бои были ведены в духе самого решительного наступления и были лучшей школой, воспитавшей и обучившей нашу армию, а главное, заставившей ее нравственно оправиться и *приобрести веру в себя*.

В 1705 году Петр вышел на арену главного театра борьбы, ибо события в Саксонии принимали для союзников тяжелый оборот, и возникало сомнение, что Август будет раздавлен и Россия останется одна в этой борьбе.

Краткий очерк той огромной работы, которая была проделана Петром и его сподвижниками после Нарвской неудачи, позволяет нам остановиться на следующих главных приемах, которыми они пользовались при воссоздании армии.

1) Глубоко продуманная военная система, опирающаяся, с одной стороны, на *реальные, живые силы* той группы организаторов, класса, который наиболее тесно связывал свои интересы с интересами всего государственного соединения,

а с другой стороны, — с *мнением, взглядами и верованием масс.* Первое давало организационный аппарат — гвардию, как точку опоры и источник комплектования офицерами, — командный состав для всей армии и конные полки; второе давало единство настроения, связывающее всю постройку прочным цементом — духа. Ко времени поражения под Нарвой Петру удалось организовать лишь аппарат управления, механически организовавший армию; после поражения он перенес опору и на психологию народной массы, организуя уже не только ее *материальные,* но, что много важнее, ее *духовные* силы.

2) Организация духовных сил армии осуществлялась путем постепенного и планомерно проводимого воспитания, в котором, впервые в новой истории Европы, к солдату, к бойцу обратились как к человеку, открыв ему дорогу к офицерскому званию и аппелируя к его лучшим, человеческим сторонам его духа, к сознанию долга перед обществом, отечеством, готовность к подвигу в борьбе за него и т. п. Эти методы поднятия боеспособности армии были полной противоположностью палочной дисциплине армии современной Европы.

3) Особое внимание уделял Петр воспитанию своего командного состава, воспитывая в нем людей, *способных решаться,* полных *самодеятельности* и готовности принять на себя *ответственность* и верных своему долгу. Он считал и требовал от своих офицеров знания своего дела, давая прямой перевес *знанию над породой,* ясно видя, что для победы нужны таланты, нужны сильные люди; втянутые в его новую армию они станут более верными сторонниками новой России, чем дворяне по крови, но старые духом, а еще хуже не знающие дела люди, которые по незнанию погубят то дело, которое им будет доверено.

4) Техника той опоры была слаба, потери сравнительно невелики, поэтому возможность держать постоянную армию и длительным воспитанием в казарме и на войне облегчала дело воспитания в армии тех идей, которые были нужны для сплочения войск. При том состоянии техники можно было не заботиться о том, насколько эти идеи поняты и усвоены всей массой народа. Можно было лишь заботиться о воспитании и обучении армии, а не всего народа.

В боевой подготовке армии Петром особенно обращает внимание необходимость строгой выучки, тренировка масс в стройных движениях, а особого внимания заслуживает обучение предпочтительно наступательным действиям, прием обучения армии настоящей борьбе с мелкими частями врага, обучая их военному делу на войне, но там, где слабость врага исключала опасность поражения, наоборот, где победы, хотя и мелкие, приучали войска верить в себя. Отметим сейчас же, что воспитание в духе той или другой идеи возможно в том лишь случае, если ему соответствует и вполне с ним согласована определенная система обучения, с тем, чтобы определенно создаваемое настроение немедленно закреплялось в твердых, механических приемах, которые своим ритмом направляли весь уклад мышления в ту же сторону, в которую направлено воспитание войск. Без этих двух тесно согласованных сторон одного дела создания армии сделать боеспособное войско нельзя.

Гродненская операция.

В первых двух лекциях мы затронули в общих чертах вопрос о том, как Петр создавал свою армию, сейчас я перейду ко второму интересующему нас вопросу: именно — каким образом он вел вооруженную силу на театре войны и как добивался победы на поле сражения. При этом должен обратить внимание, что события великой северной войны, естественно, носят резкий отпечаток той эпохи, в которой они происходили, — эпохи без железных дорог, без телеграфа, без машинного оружия, без прессы и потому развертываются крайне медленно, захватывая в сферу своего влияния небольшое сравнительно число людей. То, что ныне происходит в течение недель и месяцев, то в ту эпоху затягивалось на годы. Нас же интересует идейная сторона управления войсками. Нас интересует, каким образом довести до победы вооруженную силу, созданную с такими усилиями целой страны и вверенную руководству одного человека.

Мы с вами остановились на том моменте, когда Петр Великий в 1705 году двинул свои войска на главный театр, на помощь союзникам. Непосредственное командование прин-

лось, за отсутствием достаточно подготовленных русских генералов, доверить иностранцу Огильви. Не чувствуя в себе силы атаковать главную армию шведов, Петр решил сначала давлением на тыл шведской армии помочь саксонцам. Для этого он занял своей армией район Гродно, где сходятся дороги: на север — через Вильно на Ригу, на запад—через Варшаву в Саксонию, а также восток и северо-восток на Петроград и Москву.

Армия Карла XII находилась в это время в западной Польше. Пропуская за недостатком времени подробности, изучение которых может принести большую пользу серьезному исследователю, мы перейдем сразу к чрезвычайно интересному моменту, когда действия Карла дали поверку правильности расчетов Петра, считавшего, что после 4-летней подготовки его армия может принять участие в большой войне. Петр расположил свои войска в районе Гродно, сильно укрепил самый город и выдвинул вперед, верст на 100, в местечко Тыкоцин, прикрывающие части — армейскую конницу, 10 тысяч коней под командой своего лучшего кавалерийского начальника Александра Даниловича Меньшикова.

В таком положении нашу армию застал январь месяц 1705 года, когда шведы, почувствовав угрозу нашего сосредоточения в их непосредственном тылу, бросились на нас. Главное превосходство шведской армии того времени заключалось в удивительной маневренной способности армии и в блестящих военных дарованиях их короля Карла XII. В длинных неуклюжих строях тогдашнего линейного порядка они умели в полном порядке стремительно атаковать, быстро проходя полосу слабого в то время огня, сходясь сразу на штык; такой способ действий производил на слабые духом тогдашние армии потрясающее впечатление.

Такой удар они не выдерживали. Что же касается самой личности полководца — Карла XII, то это был человек быстрого взгляда, т.-е. быстро оценивавший положение, безудержной смелости, дерзости, даже и беспощадной решимости; решившись на что-нибудь, он проводил свою мысль до конца с потрясающей силой; из него, несомненно, выработался бы великий полководец, если бы прибавить ему уменье методически мыслить и вести операции, учитывая

всю широкую обстановку, а не только то, что у него было перед глазами.

Леер назвал его стратегию авантюристической, ибо он не рассчитывал свою операцию во всю глубину, со всеми возможными последствиями. Он рассчитывал только на успех в бою, ставя свою армию в критическое положение в случае поражения. Но тактик он был блестящий и при исключительных способностях его армии он врезался в боевые порядки врагов, как нож в масло. Так и в данном случае, оценивая нашу армию, как армию очень плохую в маневренном отношении, несколоченную, без внутренней спайки, он решил действовать наступательно. В то время, как его армия была едина духом, построенная на твердых исторических традициях, гибко подчинялась его воле, а технически была способна к исполнению своих задач, армия Петра, наоборот, внутренно еще не сформировалась, ибо вооруженной силе, созидаемой в кипении гражданской войны, нужно известное время для того, чтобы выковать свою мощь; даже руководящие группы, само дворянство — офицеры, еще не воспитались в одних идеях и лозунгах, не были едины; о воспитании же солдатской массы в 1705 году, еще так недавно начатом, при невыявившихся вполне идеях и отсутствии печати для их широкого распространения, нельзя было серьезно и думать, а потому надо признаться, что армия Петра еще не была серьезной силой. Армия, как говорил Петр, была конфузлива. Кроме того, она не была достаточно обучена. Поэтому, выходя на главный театр действий, Петр считал, что его войска еще не могут вступать в генеральное сражение с врагом, и наш план заключался в том, чтобы уклоняться от боя и тем временем работать над совершенствованием армии и всеми способами расстраивать врага до тех пор, пока не установится перевес сил на нашей стороне. Итак, со шведской стороны мы имели сильную армию и решение искать боя, с нашей же стороны армию еще не готовую, ясное понимание этого и стремление затянуть войну.

В середине января 1705 года Карл XII с армией около 20 тысяч человек, имея против себя около 37.000 русских, обошел правый фланг конницы, стоявшей у Тыкоцина и бросился в промежуток между нею и главными силами армии в Гродно. Уже тот факт, что Карл мог это сделать, показы-

вает, как плохо была обучена петровская конница, если вся армия шведов, т.-е. и пехота, могла выйти ей в тыл. Конница начала отход, и, вероятно, в большом беспорядке, так как ее едва удалось собрать лишь в Минске в 200 верстах в тылу главных сил армии. Пользуясь этим, Карл XII, переправившись через Неман выше Гродно, вышел в тыл нашей армии и стал на единственном пути нашего отступления, между Гродно и Минском. Таким образом, необученность нашей конницы и малая ее стойкость повели к тому, что при первом же столкновении с противником армия оказалась в безвыходном положении, запертая в своих укреплениях у Гродно. Однако, твердость армии по сравнению с Нарвой 1700 г. настолько возросла, настолько порядок усилился, что Карл не решился вновь атаковать нас открытой силой и стал в непосредственной близости от нашего лагеря в расчете, что голод заставит Огильви выйти из укреплений и пробиваться на восток.

Я прошу вас теперь поставить себя в положение Петра, находившегося в это время в Москве, и подумать, чтобы вы стали делать на его месте? Вот страшная минута для человека, которому была доверена вооруженная сила; что нужно было сделать, чтобы ее сохранить и продолжать борьбу? Обстановка была очень серьезна.

Единственная наша серьезная сила армии окружена в Гродно. Карл XII не предпринял пока атаку укреплений Гродно, но мог это сделать каждый день, а пока что стерег нашу армию, отрезая нам все пути подвоза. Конница находилась в 200 верстах в тылу. Что делать? Здесь могло быть несколько решений. Одно решение — выйти из укреплений и драться со шведами. Это решение сулило верное поражение. Первое столкновение нашей конницы со шведами показало, чего стоят наши силы по сравнению с силами противника. Другое решение было пойти на переговоры с врагом. Но пойти на переговоры в таких условиях, это значило лишиться всего, что было достигнуто пятилетним усилием и вновь потерять уже взятый с боя у врага выход к морю. Это было тогда вопросом жизни и смерти для страны. В этой критической обстановке Петр решил все же не сдаваться и продолжать борьбу, но боя не принимать и стремиться прежде всего к тому, чтобы спасти свою армию.

Прошу обратить внимание на то, каким способом Петр спасал свои вооруженные силы, при условии, что он не мог сам ехать в Гродно и принять командование, потому что, в случае несчастья и плена вместе с армией, он терял возможность руководить действиями, обороной страны, и, что особенно важно, политикой внутри государства. Петр знал, что в нем, как в фокусе, сосредоточивалась сила сопротивления страны и поэтому он собой рисковать не мог. Армией в Гродно командовал генерал Огильви. Ему Петр и поручил исполнить свое решение. Но уйти без боя казалось невозможным, т. к. шведы вплотную стояли у наших укреплений, так что не было даже возможности подвозить к армии продовольствие. Нужно было прежде всего заставить шведов отступить от лагеря нашей армии и дать нам возможность снабжения по кружным путям. Для этого Петр развил энергичную деятельность. Прежде всего в Минске он собрал конницу и рекрут, сколько можно было собрать со всей страны, и этими силами он стеснил шведов с востока. Малороссийскими казаками, под командой Мазепы, он занял все проходы Полесья и ими тревожил их с юга. Наконец, часть нашей конницы, под командой Баура, которая была расположена на правом фланге и прикрывала направление на Ригу, начала действия против Карла XII, стесняя его с севера, прервав его сообщение с Ригой. Карл, который окружил нашу армию, сам оказался в тяжелом положении. С одной стороны, армия Огильви в Гродно, с другой стороны, конница и новые формирования в Минске, в Полесьи казаки Мазепы, на севере конница Баура. Это очень характерный момент Северной войны, на котором нужно остановиться со вниманием. Нужно отметить прежде всего, что на войне тяжелые минуты неизбежны. Иногда кажется, что все погибло. Но именно в эти минуты необходима твердость духа и решимость бороться *до конца*, а все внимание обратить на то, чтобы использовать то, что имеется в вашем распоряжении; остальное часто доделывает счастливый случай. Так было и здесь. Меры, принятые Петром, как бы ни были они ничтожны, каждая порознь, вместе создали что-то крупное и вынудили Карла отодвинуться от Гродно, для расширения района, в котором он сам мог довольствовать свою армию. Это был уже успех, ибо Петр получил возможность через

Брест доставлять в свою армию продовольствие и спасти ее от необходимости принять бой или капитулировать. Можно было отсиживаться за укреплениями.

Посмотрим теперь, как поступал Петр дальше для спасения своих войск. 25 января он в первый раз приказал Огильви отступать. Но Огильви был человеком нерешительным, неспособным, но зато весьма упорным. В то время, как Петр требовал от него, чтобы он вывел из соприкосновения с противником живую силу, Огильви держался обратного взгляда и считал, что отступление опасно и ненужно, так как надеялся на подход и помощь саксонцев, которых Петр, в свою очередь, ценил очень невысоко. Как поступить на месте Петра? Когда вы изучаете военную историю так, чтобы оценить каждое из создавшихся положений, все за и против и намечаете свое решение, тогда военная история может принести вам пользу. Она позволяет, читая, как дальше произошли события, проверить правильность вашего решения, и укажет вам ваши ошибки. Что было делать в этом положении? Обсудив этот вопрос, можно было предложить убрать Огильви, а самому принять командование и спасать армию. Но если, как показано выше, этого предпринять нельзя, что же тогда делать? Сменить командующего? Но некем было его заменить. Командовать издали? Но это тоже неправильно. Или же, наконец, предоставить командующему свободную волю, хотя бы его решение расходилось с вашим? Большое решение может быть: либо ехать самому и самому командовать, либо предоставить командующему свободу действий, ибо хорошо действовать можно в том лишь случае, если начальник убежден в правильности того, что он делает. Если же насиловать его волю, то часто в этом одном лежит причина неудачи операции. Петр выбрал второе, предоставив Огильви делать по-своему.

Прошел месяц, наступило 28 февраля. Саксонцы, на помощь которых Огильви рассчитывал, не могли подойти потому, что шведы их разбили под Фурштадтом. Теперь у Огильви отпал последний довод к колебанию, ожидать или уводить армию, и Петр поставил ему задачу отступать во что бы то ни стало; если нужно, бросить даже артиллерию и обозы, но спасти живую силу. Однако, Огильви все-таки отказался исполнить это распоряжение, опасаясь, что как

только он оставит свои укрепления, Карл его настигнет и разобьет. Петр снова не настаивал на исполнении этого приказа, понимая, что нельзя командовать издали, что «ближнему на месте виднее». Наконец, положение стало трудным в смысле подвоза продовольствия. Тогда, видя, что дальнейшее колебание нерешительного Огильви угрожает самому существованию армии, Петр взял ответственность на себя и приказал Огильви, как только начнется ледоход на Немане, немедленно воспользоваться тем, что Неман, на котором не было подходящих мостов, на время отделит его от шведов и даст возможность отойти через Тыкоцин на Брест и Украину.

Вот три этапа, через которые прошел Петр, стремясь спасти армию, не желая стеснять в то же время власть командующего. На этот раз Огильви исполнил приказ Петра, и в момент начала ледохода, когда шведы не могли, вследствие разрывов мостов, перейти на западный берег Немана, Огильви начал отступать на запад в обход Полесья. Карл восстановил через несколько дней мост, бросился преследовать, но, задерживаемый казаками, догнать нашу армию не мог.

Вот в кратких чертах тот интересный эпизод, на котором я хотел остановить ваше внимание. Какие мы можем сделать выводы? Мы видим, что основное решение в этот период войны было — оказать помощь своему союзнику — польскому королю. Это решение привело нашу армию, еще не готовую для большой войны, в тяжелое стратегическое положение, из которого могло быть два выхода — бой или отступление. Петр правильно оценил силы своей армии. Прорыв шведов через конницу Меньшикова был хорошим уроком. Он считал, что еще не может драться в открытом бою со шведами и решил отойти. Весь дальнейший план операции цельный, связанный логической нитью от начала до конца преследует именно эту цель. Вы видите, что все мероприятия, окружение шведов нашей конницей, вдумчивое, не стесняющее самодеятельность Огильви управление войсками, наконец, организация снабжения, — все было направлено к тому, чтобы наша армия могла благополучно вырваться из той западни, в которую она попала, благодаря неподготовленности к маневренной войне, и могла бы сохранить свои силы для дальнейшей борьбы.

Головчинская операция.

Не имея возможности излагать все подробности хода этой войны, я должен сразу перейти к описанию событий осени и зимы 1706—1707 года. За это время вкратце произошло следующее. Наша армия из Гродно ушла в район Киева. Пути на Москву и Петроград были открыты, но Карл XII, который так блестяще действовал на поле сражения, не овладел стратегической обстановкой; имея полную возможность движением на основные, жизненные центры нашей страны,— на Москву,—вынудить нашу армию к бою в невыгодных условиях, он не воспользовался этим, повернул в сторону Польши и Саксонии с тем, чтобы покончить с королем Августом, положение которого в Саксонии было очень тяжелым и который склонялся к миру. Несмотря на нашу помощь, на тяжелое поражение, нанесенное конницей Меньшикова шведам под Калишем, саксонцы все же заключили в конце 1706 года мир со шведами, и Россия осталась в этой борьбе предоставленной своим силам.

В этом периоде войны есть основная линия, которая строго выдерживалась, и это указывает, насколько руководители нашей армии ясно понимали обстановку. Они избегали генерального сражения; точно взвешивая реальное соотношение сил, они не желали ставить всего на карту, зная, что это соотношение еще не в нашу пользу; нам, военным людям, нужно с большим вниманием отнестись к этому моменту, не считая себя обязанными всегда и во всех случаях бросаться вперед и подвергать себя этим самым верному поражению. В этой области нельзя допускать никаких мечтаний; нужно ясно видеть то, что действительно есть. Учитывая этот фактор, руководители того времени не шли на генеральное сражение, но когда какая-нибудь часть шведов оказывалась в изолированном положении, то с небольшими даже силами они набрасывались на нее. И если под Гродно мы видели хитрые маневры, чтобы избежать боя, то в столкновении под Калишем и в целом ряде сражений на северном фронте,—Эрстфер, Гуммельгоф и т. д.,—наши мало обученные войска переходили в наступление, смело бросались на неприятеля и нередко одерживали успехи над шведами. Так воспитывалась армия.

Когда осенью 1706 года польский король Август (он же король Саксонии) заключил мир, то Петр также вступил в переговоры со шведами, стремясь окончить войну. Но мир ему предложили на условиях отказа от всех приобретений на Балтийском море. На этих условиях Петр не мог заключить мира. Выход к морю был необходим России, чтобы прорвать то кольцо блокады, в которой ее держали соседи-враги, закрывая ей возможность приобщиться к европейской культуре. Выход к морю был для России возможностью начать новую жизнь. Потеря своего берега означала возврат к старой жизни, а с ней неизбежное торжество реакции, ибо экономика настоятельно продиктовала бы и соответствующие политические формы. Война продолжалась. Карл XII мог освободившимися от борьбы с Саксонией и Польшей войсками обрушиться совершенно свободно на нашу страну в любом направлении. Что было делать? Как защищать границы России, при условии, что наша армия не могла еще надеяться на успех в решительном бою. Петр был вынужден уклониться от боя. С точки зрения военного искусства, этот момент Великой Северной войны, а именно осень 1706 года, когда Россия осталась одна против шведов, представляет огромный интерес. Как решить эту задачу?

Условия местности, характер театра войны в крупных чертах был таков. Наша государственная граница к началу войны, охватывавшая на севере район Новгорода и Пскова, без выхода к Финскому заливу, который мы потеряли по Столбовскому миру в 1616 году, проходила в 100 верстах к западу от Смоленска, далее, оставляя Могилев полякам, выходила к Днепру, шла по его течению до Киева, охватывая Киев с запада на 50 верст, и далее по Днепру до пустых южных степей, где она шла в 200—300 верстах от берега Черного моря. Полесье, как и сейчас, делило границу на два участка — северный и южный, при чем пути на Москву и Петроград лежали к северу от Полесья. К югу от Полесья лежал путь на богатую Украйну, в это время еще недавно присоединенную к Москве и сохранявшую часть своей автономии. Важнейший центр был, конечно, Москва и вновь завоеванный Петербург; магистральные пути шли из Польши, через Вильно на Петроград, а другой — через Минск, Смоленск на Москву. В этой трудной обстановке

Петр принял следующее основное решение: если обстоятельства еще не позволяют искать сражения, нужно стремиться к затягиванию войны, к *выигрышу времени*, сберегая и укрепляя свою армию; одновременно сделать все для того, чтобы расстроить вооруженную силу врага; поэтому стратегически нужно использовать выгоды, даваемые глубиной театра, выдвинуться возможно дальше вперед из предела своих границ, жить по возможности за счет населения чужой страны. Значит — стратегическое наступление, чтобы иметь глубокий театр за собой, тактическая оборона и даже, быть-может, уклонение от боя, так как соотношение сил было не в нашу пользу.

Осуществляя это решение, Петр выдвинул армию к району Минск — Вильно, имея того же Меньшикова с конницей в виде авангарда в районе Белостока, главные силы в двух группах — Шереметев — на юге у Минска, Репнин — на севере у Вильно. Отметим, между прочим, что к этому времени выдвинулись крупные начальники из среды русского дворянства; иностранцы уже не занимали видных постов в армии; свой командный состав настолько вырос, что мог руководить войсками. Занимая такое расположение, глубоко войдя на чужую землю, Петр прикрывал оба важнейшие пути через Минск и через Вильно, в полной готовности сосредоточиться туда, куда Карл направит свой удар. Сверх этого, Псков, Смоленск, Новгород и даже Москва укреплялись; на границе полоса в 200 верст подготовлялась к тому, чтобы в случае вторжения шведов все население эвакуировать и все сжечь с тем, чтобы на пути наступления врага создать пустыню по всей границе.

В начале 1707 года (снова зимой) Карл XII с армией в 33 тыс. человек перешел, как всегда, в стремительное наступление, стараясь, как и в 1705 году, решительным маневром ворваться в наше расположение и, разделив две группы, стоявшие в районе Вильно и Минска, разбить их одну за другой; но за протекшие годы войны наша армия технически так выросла, что Карлу не удалось повторить свой гродненский маневр; наши войска, прикрываемые конницей, отошли назад и сосредоточились в центре своего квартирного района за рекой Уллой, готовые преградить шведам пути на Москву и Петроград. Несмотря на вынужденное

оборонительное положение, Петр стремился сохранить свободу действий. Обстановка была еще темна, как это часто бывает на войне; командование не знало, что будет дальше делать неприятель, поэтому надо было следовать основному правилу, выработанному еще Ксенофонтом: *военное искусство заключается в искусстве сохранить за собой свободу действий.* А потому, заняв расположение в центре путей, имея авангарды во всех направлениях и разведывающую конницу впереди, Петр гарантировал себе эту свободу действий для дальнейших операций, при всех возможных способах, какие бы ни принял Карл XII.

Во время этого отхода наши войска на своем пути уничтожали все, и неприятель всюду находил пустыню. Не видя возможности заставить нас принять бой, истощенный в своем стремительном марше, Карл остановил свои войска на широких зимних квартирах между Вильной и Сморгонью. Решение же Петра осталось неизменным: наши войска остаются в центральном положении, готовые преградить шведам тот или другой путь, куда бы они ни пошли.

Посмотрим более внимательно, как оценивал в это время Петр обстановку. Во-первых, Карл мог соединиться с теми шведскими войсками, которые находились на севере в районе Риги, сгруппировать, таким образом, весьма крупные силы и двинуться прямо через Смоленск на Москву. Во-вторых, он мог подтянуть Левенгаупта, направиться в Ингерманландию, присоединить Шлиппенбаха и Финляндский корпус, и, отрезав нас снова от моря, перейти в наступление на Москву с северо-запада. Наконец, третья операция: итти на Украину, создать себе базу на юге и оттуда двинуться на Москву. Не зная, какое из трех направлений будет выбрано шведами, Петр остался в своем центральном положении, имея конницу впереди, готовой преградить шведам пути в каждом направлении. Здесь интересно привести некоторые подробности, которые представляют большой интерес. Перед тем, как решиться, каким путем наступать, шведы получили ряд сведений о внутреннем положении России и сведения, не лишенные для нас оттенка современности. Карл получил сведения о Булавинском и Башкирском бунтах, о том, что Мазепа и украинские верхи готовы предаться на его сторону, что в Москве негодование по поводу нового порядка вещей,

созданного Петром, очень велико. Поэтому, казалось, можно было прямо итти на Москву, добиться сражения Петра, поставить старую власть и, разделив Россию на уделы, сделать ее вновь безопасной для Запада. Именно так и решил поступить шведский король, и решение его рисуется довольно правильным. В начале июня 1708 года шведы перешли в наступление через Минск на Смоленск. Однако, несмотря на беспорядки в тылу, несмотря на необходимость выделить дивизию, чтобы подавить внутреннее движение, наша армия чувствовала себя гораздо более сильной, чем в 1705 г., и, не доходя до Могилева, летом 1708 года наши войска пытались остановить движение шведов на укрепленной позиции у Головчина; эта первая попытка дать генеральное сражение окончилась неудачей; шведы прорвали наш центр, но, не будучи в состоянии, вследствие больших потерь, развить успех, дали нашей армии возможность благополучно отойти. Таким образом, мы видим, что за эти годы наша армия сильно окрепла и выросла духом. Она уже могла маневрировать на нескольких направлениях, во-время узнала о наступлении врага, во-время сосредоточилась и преградила путь неприятелю. Правда, она не умела еще маневрировать, она была вынуждена обороняться на поле сражения, но при неудаче не приходила в такое расстройство, как под Нарвой и наносила атакующему такие потери, что лишила его плодов успеха, и благополучно отошла.

Полтавская операция.

Все лето прошло в нерешительных действиях шведской армии. Необходимость довольствования войска из местных средств заставляла их менять квартирные районы; они бросались вперед, но наши войска, отступая, сжигали все за собой. Отойти же на Украину Карл XII не мог, так как ожидал подхода Левенгаупта из Риги с подкреплениями до 15 тыс. человек, а главное, с артиллерийскими припасами. Наша конница внимательно следила за неприятелем и, пользуясь малейшей оплошностью шведов, тревожила их. Однажды, 30 августа, мы даже перешли в частичное наступление у деревни Добра, где Голицын разбил колонну Росса, неосторожно отделившуюся от главных сил армии шведов.

Неудача под Добрым была как бы последним толчком, решившим движение Карла на Украину, не ожидая даже соединения с Левенгауптом, не ожидая тех боевых и продовольственных запасов, которые тот должен был ему подвезти, рассчитывая, что Левенгаупт сможет подойти к нему на юге на Украине. Посмотрим, как использовал эту обстановку Петр? Это опять минута для решения. Каждая война состоит из минут, когда вы свободно можете решиться итти в ту или другую сторону, и часто длинных периодов, когда события увлекают вас и вы должны подчиняться ходу событий. Такой минутой был для Петра поворот Карла на Украину, оставив Левенгаупта одного. Петр решил так: главной армии продолжать движение, преследуя шведов, все время оставаясь между ними и Москвой. Одновременно с этим конница, лучшие части пехоты, гвардейцы и старые полки армии, посаженные на лошадей, образуют «летучий корпус-«корволант», силою около 20 т. человек, под непосредственной командой Петра, с задачей: найти и разбить Левенгаупта. Наша армия избегала решающего столкновения с главными силами врага, но Петр пользовался каждым случаем нанести частное поражение шведам, проявляя в таких случаях беспредельную решимость. Этот эпизод, закончившийся почти полным уничтожением Левенгаупта, представляет большой интерес. В кратких чертах события протекали так. Петр развернул веер конной разведки, которая противника не нашла, и Левенгаупту удалось пройти на Шклов. Наконец, конница наша обнаружила шведов, и Петр бросился их преследовать, выслав часть своих конных частей для того, чтобы перехватить путь движения Левенгаупту; 28 сентября 1708 года, в районе деревни Лесной, между Могилевым и Пропойском шведский отряд был настигнут. Петр, ведя свои войска двумя колоннами, подошел к шведам, которые, прикрывая отходящие обозы, заняли оборонительное положение у дер. Лесной. Наши полки развернулись в одну линию, не имея возможности за недостатком сил построить 2-й линии, и стремительно атаковали шведов. Бой длился целый день, и к концу сражения шведы в значительном расстройстве под прикрытием темноты отступили.

Наступила ночь, дул холодный, ледяной ветер со снегом. Наши войска ночевали на поле сражения, готовые с рассветом продолжать бой. Вместе со своими войсками Петр остался ночевать в плаще под ветром и снегом. Этот яркий момент имеет чрезвычайно важное значение для того, чтобы привлечь сердце солдата на свою сторону. Если солдат видит, что начальник в трудную минуту его не покинул, остался с ним, то невольно между ними вырастает тесная духовная связь. «Купите сердце человеческое, и человек все отдаст вам»; когда сердце солдата привязалось к своему вождю, он пойдет с ним куда угодно, в огонь и воду, и самые трудные подвиги станут возможны. Потери в бою под Лесной у нас: 1.000 убитых и 3.000 раненых; у шведов общая цифра убитых и раненых до 8.000 ч., при чем 700 человек, 17 орудий и 5.000 повозок достались победителям, и Карл не получил своих боевых запасов, в которых очень нуждался.

Сражение под Лесной, которое Петр называл матерью Полтавской победы, характерно тем, что здесь впервые крупные части наших войск рискуют вести наступательную операцию против значительного шведского отряда, руководимого одним из лучших генералов Карла XII. Мы видим, что крупная стратегическая разведка конницы, сначала неудачная, привела, однако, к обнаружению врага. Что наши войска перешли впервые на поле сражения в крупных силах в упорядоченное наступление и решительно атаковали шведов, достигнув почти полного уничтожения их крупного отряда. Наконец, при внимательном изучении операции, мы должны будем отметить, насколько сам Петр вырос, как начальник, на поле сражения. Операция под Лесной показала уже большее искусство командования и выросшую устойчивость войск. Она дала много бодрости войскам и начальникам, начавшим верить в свои силы и возможность победить шведов.

Посмотрим каким образом развивается дальше история Северной войны. Карл XII ушел на Украину. Мазепа, гетман Малороссии, перешел на сторону шведов. Трагическая судьба украинцев; мужественный, сильный и талантливый от природы имеет слишком развитое чувство индивидуальности. Можно сказать, что они анархисты от природы, что

они неспособны поступиться своим мнением ради солидарности работы по созданию своей государственности, и потому они все время вынуждены искать каких-нибудь иностранных организаторов вне страны, опираясь на которых, обеспечили бы им создание государства, без которого—увы! — жить на земле еще невозможно. То они шли в союзе с поляками, то со шведами, то с турками, то с нами. При чем народная масса охотнее всегда оставалась все-таки с нами, так как за организацию государственности мы брали «дешевле» всего. Украинская старшина с Мазепой и 2.000 казаков перешли на сторону шведов, подготовив большой склад продовольствия в Батурине. Но Меньшиков успел взять Батурин до подхода шведов и уничтожил не только склад продовольствия, но и все население города. С этого времени шведская армия, окруженная со всех сторон нашими отрядами и лишенная связи со своей базой, тревожимая нашей конницей и казаками, медленно, но верно начинает клониться к упадку. На зиму 1708—1709 года шведы становятся на зимние квартиры между Ромнами и Гадячем. Эта война есть действительно яркий пример авантюристической стратегии со стороны короля, который оказывался без связи со своей базой, без возможности пополнить свои ряды укомплектованием, получить артиллерийские снаряды, и т. д. «Он проходит,— как пишет Леер,—подобно кораблю по неприятельскому морю, которое замыкается вслед за ним». Участь Карла XII нам ясно указывает, что ждет полководца, не рассчитывающего своего тыла в соответствии с оперативными замыслами. Он считал, что ему все даст успешный бой. Петр не считал еще возможным драться, он учил и совершенствовал свою армию в мелких боях, расположившись в Лебедяни, рядом с зимними квартирами шведов, окружив их своими отрядами и все время беспокоя их нападениями. Ни один швед не мог показаться вне квартирного района без того, чтобы его не уничтожили наши разъезды. Ни одна фуражировка не проходила покойно. В этих постоянных нападениях росла наша уверенность в своих силах, а сила шведов таяла. Так постепенно назревала обстановка, в которой наша армия почувствовала в себе довольно силы для того, чтобы решиться на бой с главными силами шведов. В нашей армии шел постепенный рост сознания своей силы, про который

Суворов говорил: «на себя надежность—основание храбрости». Вот эта «на себя надежность» почувствовалась в нашей армии после Лесной, где впервые в регулярном сражении был разбит один из лучших генералов Карла, где выявилась способность нашей армии маневрировать, а командный состав получил уверенность в твердости войск и в своем умении руководить ими.

В мемуарах Наполеона вы прочтете: «хороший генерал, хороший командный состав и твердые кадры достаточны, чтобы создать наилучшую армию, *независимо* от цели, за которую армия борется. Но фанатизм, любовь к родине и тому подобные духовные силы могут спаять даже и молодые войска». У нашей армии в 1700 году не было ни вождя, ни командного состава, ни выучки, ни дисциплины; но роль кормчего государственного корабля взяла молодая, сильная группа людей, сбросившая старый затхлый порядок вещей Московской Руси, с ее азиатскими татарскими пережитками. Небольшая энергичная группа Семеновского и Преображенского полков, которая прошла через кровь стрелецкой казни на Красной площади, постепенно в ходе войны втянула в свою орбиту всех, кому была дорога Россия; в процессе роста, в процессе борьбы за новое устройство жизни, за идеи западной культуры и цивилизации образовывалось идейное единство и в самой стране. Небольшая группа объединила широкие слои, создала правящий класс. А единство в стране отражалось в армии, на войне и на поле сражения. Мало того, я уже упомянул и должен подтвердить это еще раз, а мы, как военные люди, должны это знать в особенности хорошо, что войска, идя на смерть, должны чувствовать,—как это и было в то время,—что люди, занявшие место у власти, боролись не за свои только классовые выгоды, но что они являлись защитниками всего народа в его целом, представляя его интересы, угрожаемые в данный момент внешним врагом и теми группами в стране, которые во имя своих классовых выгод готовы погубить страну, предав ее иностранцам, как это готово было сделать боярство, подобно тому, как оно сделало это в Смутное время; сверх того постепенный успех создавал веру армии в своего вождя и все это в совокупности создавало все большее и большее внутреннее единство—дух армии. К лету 1709 году армия стала настолько

крепка внутренно, что, когда шведы решили взять крепость Полтаву, то Петр почувствовал себя в силах дать генеральное сражение шведам. Вот великая минута, когда во власти вождя было повернуть колесо истории в ту или другую сторону. Давать или не давать бой? В этот момент все нити жизни сходились в одной точке, в руке Петра, и Петр принял «большое» решение. Была вера в себя! Армия улучшилась. В эту минуту все было брошено в борьбу. Таково было основное решение; теперь посмотрим, как это решение было приведено в исполнение, как добились победы. Решение есть дело сердца—дальше дело техники.

Полтавское сражение.

Мне хочется более подробно остановиться на самом Полтавском сражении, которое, с точки зрения военного искусства, есть не только блестящий образец творчества, но представляет собой этап не только в нашей русской истории, но и в военной истории всего мира. Посмотрим более внимательно на обстановку, которая предшествовала этому бою.

Карл XII осаждал Полтаву, гарнизон которой, несмотря на целый ряд штурмов, поддерживаемый местным населением, отбивал все попытки противника. Полтава лежит на берегу реки Ворсклы, правый берег которой высок и обрывист, левый низменен и болотист. Вдоль правого берега, выше Полтавы, тянется лес, в котором находится Воскресенский монастырь. В 4 верстах лес прекращается, но зато новая полоса леса—т. наз. Будищенский лес—на $1\frac{1}{2}$ версты западнее начинается, образуя между обрывом к реке и лесом открытое поле, шириною в $1\frac{1}{2}$ версты, совершенно ровное; Будищенский лес расположен на местности, понижающейся к западу, так что с поля его не видать. Еще выше по течению реки Ворсклы, между деревнями Семеновка и Петровка, имелись броды через реку, где удобнее всего было переправиться через р. Ворсклу. Такова местность, на которой разыгралось сражение, определившее весь ход новейшей истории России.

Попробуйте сделать оценку обстановки, в которой находился Петр в середине июня 1709 года. Возьмите прежде всего соотношение сил: у нас 61 батальон пехоты, 23 полка

конницы, 72 орудия, т.-е. около 50.000 тыс. бойцов. Со стороны неприятеля было 24 батальона, 41 эскадрон и 4 орудия, которые одни только вследствие нашей победы и захвата артиллерийских запасов под Лесной могли действовать, ибо для остальных у шведов пороху не было. Мы его отобрали в обозах Левенгаупта. Шведов было не больше 25.000 человек. Но это соотношение сил в это время еще более изменялось в нашу пользу. Новый гетман, сменивший Мазепу—Скоропадский, предок хорошо нам известного Скоропадского, организовал казачью конницу, которая должна была со дня на день присоединиться к Петру. Сверх этого Петр формировал конницу из калмыков. Ту и другую он поджидал к себе около 25 июня. Что же касается качества войск, то извольте вспомнить весь ход событий с 1700 года. Победы под Эрстфером и Гумильгофом, взятие штурмом Нотербурга 1701—1704 гг.—удачи. В 1705 году поход к Гродно—неудача, почти полная катастрофа, наша армия спасается чудом; но в 1707 году, в бою под Калишем—снова победа над частью шведской армии. В 1708 году под Головчиным, при столкновении с главными силами шведов, опять неудача, но неудача, показавшая значительный рост нашей армии, и, наконец, под Доброй—победа, под Лесной—победа. При чем победа под Лесной, это—победа над одним из лучших шведских генералов в упорном бою, где стойкость нашей пехоты и конницы была доказана. Какой же сделать из этого вывод, как нужно оценить силы своего войска; каково соотношение своих сил и сил шведов, и какое принять решение. Дать ли наступательный или оборонительный бой. Вот вопрос, который каждый изучающий для пользы дела должен себе поставить. Взвесьте все данные и подумайте, как бы вы поступили на месте Петра. Дать ли бой вообще, и если дать, то наступательный или оборонительный?

Петр считал, что его войско ужо достаточно сильно духом и числом, чтобы решиться на генеральное сражение с главными силами шведов, но еще недостаточно маневроспособно для наступательного боя; в маневрировании шведская армия значительно превосходила нашу. Вспомните, как в ту пору, при наступательном образе действий, войска выстраивались в боевой порядок. Наступление вне поля сражения совершалось глубокими походными колоннами, и в

линии колонн армия наступала до соприкосновения с неприятелем, затем колонны развертывали фронт в две линии, конница выходила на фланги и так развернутым фронтом наступала 1—2 версты, одновременно выкатывая вперед батареи и обстреливая противника артиллерийским огнем. Техника наступления была крайне сложна, на это мог решиться только полководец, у которого войска были блестяще тренированы. Такой тренировки, да еще проверенной на поле сражения, у нас не было. Наоборот, именно это и составляло сильную сторону шведов, которая не раз давала им победу. Вспомним, однако, что все бои, которые были проведены нашей армией и приводили к успеху, были бои наступательные. Поэтому Петр, как будто бы, должен был склониться в сторону боя наступательного, но ведь все это были бои частичного характера. Поражение в этих боях еще не представляло судьбу страны, поэтому в генеральном сражении естественна была большая осторожность. И Петр решил сломить шведов в оборонительном бою, но использовать наступательный дух своей армии и перейти от обороны в наступление, когда противник будет расстроен. Петр решил дать бой оборонительный с решительной целью, т.-е. то, что наша военная наука называет боем выжидательным. Нужно было найти способ как лишить шведскую армию преимуществ, даваемых им их блестящим маневрированием, этой главной их силой и главной слабостью нашей. Как помешать их маневру, как сломать их линию, их боевой порядок, к которому они привыкли, создать неожиданность, которая поколебала бы ту страшную веру в себя, которая еще со времен Густава Адольфа, со времен 30 лет войны, составляла главную силу шведских войск.

Для этого Петр осуществил мысль, примененную впервые в истории военного искусства; он построил на поле сражения линию редутов. Как для защиты устоев моста от сплошной линии весеннего льда строят ледорезы, которые взламывают цельный крепкий лед, так Петр впереди своего расположения построил редуты, в столкновении с которыми прямая линия шведов должна была сломаться и это заставило бы их вступить в бой с главными силами в расстроенном порядке. Если вы посмотрите на то, какой вид имели современные поля сражения Западной Европы, то увидите,

что обыкновенно обороняющийся устраивал непрерывную линию окопов высокого профиля, за которыми располагались войска и ставились орудия. Но из такого укрепленного положения перейти в наступление было невозможно. Это была пассивная оборона. А в наших войсках любовь и понимание пользы наступательного образа действий уже крепко привилась. Петр хотел добиться расстройства противника и для этого строил укрепления, но затем он сам собирался атаковать и добить врага. Поэтому, вместо линии окопов, он строит линию замкнутых укреплений, редутов, располагая их соответственно дальности современного ружейного огня, на 100 саженей одно от другого; в соответствии с этим на пути возможного наступления шведов от Полтавы на $1^1/_2$ версты было поставлено 6 редутов, и, таким образом, все поле от леса до леса было перегорожено этим барьером. Развивая ту же мысль—расстройство боевого порядка шведов,—он выдвинул линию из 4 редутов перпендикулярно первой, в виде волнолома, вперед. Мысль эта не может быть применена в наше время в той же форме, как на Полтавском поле сражения, но самая идея представляет очень большой интерес, и если вам когда-нибудь придется изучать Кумановское сражение, которое дали сербы туркам в 1912 году, то вы увидите основную идею сербов, подобную этой, но, конечно, совершенно иначе выраженную. Значит, цель была сломать боевой порядок противника при посредстве фортификационных сооружений, и довершить поражение ударом своих свежих войск; этот встречный удар намечался в направлении фланга противника, прорвавшегося через редуты. Для этого Петр устроил за левым флангом линии редутов прикрытый лесом укрепленный лагерь, где была поставлена его армия со всей артиллерией; в промежутке же между редутами он поставил нашу многочисленную армейскую конницу под командой Меньшикова, хитрейшего Александра Даниловича, как бы в виде приманки, изображая боевой порядок, усиленный укреплениями, с тем, чтобы отходом своим, после боя на линии редутов, подвести преследующих шведов под фланговый удар главных сил армии. Таким образом, противник, перейдя в наступление, должен был прорваться через редуты и опирающуюся на них конницу, а прорвавшись, оказался бы под фланговым ударом всей остальной армии.

Имейте в виду, что разведка в те времена была очень несовершенна, что лес считался почти непроходимым препятствием, ибо вербованное войско вести через лес было очень опасно, оно могло в лесу совершенно разбежаться. Значит, разведка через лес была затруднена, и войско, расположенное за лесом, на фланге позиции, имело все шансы оказаться вне сферы наблюдения врага. Поэтому шведам после прорыва пришлось бы под сильнейшим фланговым огнем врага делать захождение всем фронтом и снова атаковать нашу армию, которой нужно было простым фронтальным движением довершить успех. Однако, Петр не настолько доверял маневренным способностям своих войск, чтобы сразу рассчитывать вести их в атаку. Он предполагал, что шведы, совершив весь этот маневр, должны будут еще атаковать его в его укрепленном лагере, и лишь после этого он перейдет в встречное наступление, для чего в его укреплениях были сделаны многочисленные выходы. Итак, замысел: выжидательный бой с решительной целью; план боя строится так, чтобы сравнять преимущества шведов в их маневренной способности тем, что армия их ставится в исключительно трудное положение. Ей, собственно говоря, расставляется западня. Этот бой по своему замыслу напоминает засаду целой армией, осуществленную Ганнибалом на Тразименском озере.

Посмотрите теперь, как осуществлялось управление войсками в самом бою. Шведы узнали о движении Петра на помощь Полтаве. Для Карла наступала минута, которую он ждал 9 лет,—минута, когда русская армия была готова принять бой. Чтобы развязать себе руки, он пробовал в последний раз атаковать крепость; это ему не удалось; тогда, поставив против Полтавы небольшой заслон, Карл повернул свою армию на север и поставил себе задачу разбить Петра в наступательном бою. Около 3 часов ночи,—а это июньская ночь, когда светает рано,—Петр получил первое сведение о том, что шведы перешли в наступление 4-мя колоннами, имея позади себя конницу в 6-ти колоннах. Наши войска были подняты, заняли свои места в укрепленном лагере, а конница стала за редутами. Около 4-х часов утра загорелся горячий кавалерийский бой на линии редутов. Поддерживаемая огнем нашей пехоты из-за брустверов наша конница успешно атаковала конницу противника, но кава-

лерию шведов поддержала пехота, и Меньшикову не удалось добиться решительного результата. Шведы взяли 1-й и 2-й редуты, из 4-х перпендикулярных; они подошли к главной линии редутов и пытались прорваться в промежутки между ними, однако, насквозь простреливаемые с флангов из наших редутов и атакуемые нашей конницей, которая достигла известного совершенства и в маневренном отношении и в смысле внутренней сплоченности, они не смогли сразу форсировать нашу передовую оборонительную линию. В этом бою Меньшикову удалось взять у шведов 14 знамен, и он послал Петру несколько донесений о том, что шведы настолько расстроены, настолько близки к поражению, что желательно ввести изменение в основной план боя и, развивая первоначальный успех, принять столкновение на линии редутов.

Извольте смотреть обстановку перед командующим. Что делать? Он задумал известный план, но «фортуна» дала неожиданный выигрыш; казалось, как будто шведы не настолько сильны, как он думал. Меньшиков доносил об этом и представлял в доказательство 14 знамен. Что делать? Вот опять минута, когда все в руках командующего. Броситься вперед, используя благоприятную случайность, или же продолжать развитие своего прежнего плана. Вот в эту минуту, оценивая реальное соотношение сил наше и шведов, великий полководец, творец нашей регулярной армии, остался при прежнем своем решении не двигаться вперед, и дальнейший ход боя ясно показал, как много было еще неизрасходованных сил в шведской армии и как с ней еще приходилось считаться.

Посмотрим, как развивался бой дальше. Это был момент сражения, когда от полководца требуется высшее проявление искусства руководить войсками, что Наполеон называл: «Le sublime de l'art». Нужно было по ряду мелких признаков понять силу врага. Повторными усилиями шведам удалось прорваться через редуты; однако, редуты свое дело сделали, оторвав от главных сил колонну Росса, шедшую восточнее «волнолома». Петр решил все-таки остаться при первом своем плане, не увлекаясь первой удачей, твердо проводя свой основной план. Но это далось не без труда; Меньшиков рвался вперед, он считал действия Петра ошибкой; для того,

чтобы дать исход энергии Меньшикова, Петр поставил ему задачу с частью конницы уничтожить колонну Росса, оторвавшуюся от главных сил шведов, что Меньшиков быстро выполнил и успел еще вернуться во-время на поле сражения. План был выдержан, а силы и энергии горячего кавалериста получили применение, помогая делу. Колонна Росса была загнана в лес и взята в плен.

Увлекая за собой шведов, другая часть нашей конницы отошла на правый фланг укрепленного лагеря, а шведы, преследуя ее, оказались своим правым флангом в 30 саженях от нашего расположения. Засада удалась. Боевой порядок шведов, простреливаемый насквозь картечью из нашего укрепленного лагеря, пришел в полное расстройство, и шведы в беспорядке бежали и скрылись за перегиб местности в Будищенский лес. Новая обстановка сложилась с молниеносной быстротой. Что делать? Либо оставаться и ждать, покуда шведы выйдут, или броситься за ними, или выдвинуть конницу? Какое решение принять? Вот опять минута, когда начальник должен сказать свое слово: да или нет? Нужно ли продолжать проводить свою основную идею или каким способом ее изменить. В основной идеи был выжидательный бой с решительной целью. Первая половина задачи была выполнена. Все предварительные расчеты оправдались. Линия редутов не только расстроила, но и расколола врага, а нападение из засады вышло совершенно неожиданным и действительно расстроило, хотя, быть-может, и на время, всю шведскую армию. Петр решил перейти в наступление и добить войска Карла XII. Петр, не торопясь, в полном порядке выве звои полки из укреплений и построил в боевой порядок по заранее установленному плану. Расстроенные шведы в это время с величайшими усилиями приводили себя в порядок и не могли препятствовать нам. Здесь интересно отметить особенность боевого порядка, принятого Петром. В ту пору построения армии, как выше было указано, имели целью использование огнестрельного оружия; для этого стрелков выстраивали в длинную линию, в промежутках которых ставились пушки. На случай расстройства 1-й линии за ней ставили в 100 шагах вторую линию, которая имела задачей поддержать первую. Петр хотел добиться более действительной взаимной поддержки одной линии другой; для этого он раз-

делил полки пополам между линиями, поставив один батальон в первую линию, а другой—во вторую. Благодаря тесной товарищеской связи в полках, первая линия в трудную минуту опиралась на полковое товарищество, тесно связывавшее таким образом весь боевой порядок. Для нас это мысль привычная, мы иначе себе бой не мыслим, но в ту пору эта мысль была нова, поддержка из глубины, вместо линейного боя, представляла собою нечто совершенно новое, и в этом отношении Петром также было сказано новое слово.

Вернемся теперь к изучению самого боя. Петр считал, что подготовительный период окончился, что обстановка изменилась в его пользу настолько, что теперь он должен подумать не только о победе в сражении, которое уже было наполовину выиграно, но думать и об эксплоатации победы. Вот оно мастерское понимание обстановки и смелость решения. Что для этого надо было сделать? Надо часть войска послать, чтобы отрезать противнику путь отступления. И, действительно, 6 полков конницы, под командой Волконского, он отправил в тыл противника и 3 батальона пехоты Головина отрядил к Полтаве к Воскресенскому монастырю. Петр учел соотношение сил и видя, что у него сил больше, чем достаточно, он эти силы отправил для того, чтобы добиться полного уничтожения армии противника после победы. Это один из ярких примеров управления войсками, основанном на точном учете своих сил и сил противника, так как обычно мы знаем, что к решающему моменту мы должны все сосредоточить на поле сражения. То же самое считали ближайшие помощники Петра, Шереметев и Репнин, которые доказывали Петру, что нельзя выделять ни одного человека перед боем, но Петр считал, что достижение победы будет обеспечено теми силами, которые оставались, а излишек он мог применить для использования победы и полного уничтожения противника.

Это третий момент Полтавского сражения. Шведы в 6½ часов утра восстановили порядок и вышли из Будищенского леса навстречу нашей армии, развернувшейся и медленно наступавшей в развернутых линиях. К 9 часам армии сблизились, и наша артиллерия открыла огонь. Раненого Карла несли на носилках перед правым флангом его войск. Ветераны шведы, воодушевленные присутствием короля, бро-

лись в атаку на наш левый фланг и смяли первую линию. Петр бросился ко второй линии и решительной контр-атакой отразил натиск шведов. В это время Меньшиков зашел своей конницей в тыл противнику; превосходство наше оказалось очень значительным, и победа решилась в нашу пользу. Шведы побежали в полном расстройстве; к 11 часам победа определилась на нашей стороне.

Разбитая шведская армия отошла в панике в лес. Конница, посланная наперерез, добила их остатки, а то, что успело спастись, было перехвачено Головиным у Полтавы, а остатки взяты в плен при попытке переправы через Днепр. Только Карл с небольшой свитой успел уйти, все остальное уничтожено или взято в плен. С тех пор народная пословица говорит: «Погиб, как швед под Полтавой».

На самом поле сражения Петр Великий устроил пир для армии и приближенных, и на это торжество он пригласил пленных шведов, при чем первый бокал поднял за них, как своих учителей.

Я хотел упомянуть вам еще об одной стороне Полтавской победы. В тяжелую минуту ожидания боя полководец должен сосредоточить мысль своих бойцов на той идее, которая для них, по крайней мере для большинства, дороже жизни. Он напоминал им, *за что* они идут в бой, *за что*, быть-может, будут умирать. В эту эпоху в России такими идеями были: вера, монарх и родина. Мы знаем, что в этот момент борьба фактически шла за выход к Балтийскому морю, к новым торговым путям; победа должна была открыть нашей родине новые возможности культурного развития, недоступные ранее, ввести нас в круг европейской жизни. Но мы знаем, что непосредственно каждому тульскому, новгородскому земляку в солдатском мундире, а, быть-может, и не всякому офицеру были понятны интересы всей страны, связанные с выходом к Балтийскому морю, и общие идеи борьбы. Но всем были понятны, близки лозунги, на которых строилась 9 лет вся система воспитания армии. Эти лозунги, без всяких длинных речей, Петр напомнил своей армии в решающую минуту. На этих лозунгах сходились все. Единство делает армию сильной. Воин шел, говоря словами Сократа, в бой счастливым. Для нас этот вопрос представляет высокий интерес. Если идеи в течение времени меняются,

если за этими лозунгами теперь массы не идут, то смысл и *значение идейной подготовки* на поле сражения остается все тот же. Полководец должен сделать своих солдат «счастливыми», если он хочет добиться победы. Петр перед боем объехал свои полки, беседовал с солдатами, с командным составом, напоминал о том, за что они борются, напоминал о тех победах, которые уже были ими достигнуты над шведами. Он будил в них *веру в себя;* наконец он отдал приказ, приведенный мною выше, в котором напоминал простые, всем знакомые, привычные идеи, на которых *было построено все воспитание армии:* «Имейте перед собою правду и Бога, защитника вашего, а о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога. Жила бы только Россия для благоденствия *вашего*».

Этот приказ представляется мне чрезвычайно важным вот в каком отношении. Вы видите прежде всего, что каждому солдату, каждому командиру внушается мысль, что он борется не за чьи-то чужие интересы, не за своего государя даже, не за тот или другой класс (дворянство), (что все-таки объективно было так), а что они борются за благосостояние всей страны, всего народа (которое в известной мере совпадало с классовыми интересами дворян), и в том числе за свое собственное счастье, за то, что в широких массах называлось «*отечеством*». И вот в тяжелую минуту, когда перед каждым бойцом стояла смерть, Петр выдвигал, гипнотизировал, сосредоточивал всю мысль на том, что цель, во имя которой воины шли, была выше смерти и дороже жизни каждого отдельного человека.

Это удар по психилогии войск, у которых в решающую минуту внимание приковывается к великим, быть-может, мало понятным, но именно поэтому мистически важным целям от поражающего ужаса смерти и сосредоточивают на той идеи, которая должна победить.

Это один из приемов, который каждый из вождей, понимающих сердце человеческое, применяет, чтобы вести свои войска к победе.

Выводы, к которым приводит изучение Петровской эпохи.

Изучая военную историю, мы должны извлечь из этого пользу для сегодняшнего дня. Нашу историческую работу мы должны кончать вопросом: ну, так что же? Мы не можем

увлекаться интересной фигурой вождя, подвигами героя, красивым маневром. После каждого изучения надо спросить себя: ну, так что же? Какое значение это имеет для «сегодняшнего» дня?

Нас интересует каждое событие в истории постольку, поскольку оно имеет значение для нашей борьбы, для нашего дела. В этом отношении подвиг Петровской поры представляет для нас большой интерес.

Когда мы изучаем историю России по Карамзину, то узнаем, что до Петра России не было, была лишь варварская страна. Появился Петр и сделал Россию великой. Нам, привыкшим подходить к изучению истории иначе, интересующимся жизнью народных масс, *выделяющих, дающих опору и возможность работы выдающимся людям*, для нас ясно, что тот подвиг, который совершил Петр в великой Северной войне и под Полтавой, этот подвиг совершил целый русский народ, к которому и мы принадлежим и который сражался за свое существование и свое будущее.

Представьте себе, что Афганистан, разбитый англичанами 2 года назад, через некоторый промежуток времени организует настолько серьезные силы, что разобьет англичан. Что мы тогда скажем? Мы скажем: это народ, способный на великий подвиг, в нем зародилась новая жизнь.

То же, примерно, было в России в начале XVIII века.

Такое же значение имела победа над шведами. Русский народ, который стоял на задворках жизни, который стоял на границе полного поглощения более активным соседом, нашел в себе силы сопротивляться. Народ выделил группу организаторов, выделил гигантскую фигуру Петра, который через величайшие лишения, через холод, голод, поражение, внутреннюю войну, заговоры, восстания, темноту народа, преследовал свою цель, и, в конце-концов, смел со своей дороги врага, который мешал народу развернуться и начать новую жизнь — европейской культуры и цивилизации. Вот в чем представляется тот интерес, который представляет Петровская пора, тот великий подвиг, который был совершен нашими предками. Правда, эта группа организаторов, вышедшая из самого народа, вскоре потом замкнулась в обособленный класс, использовавший свое положение во вред народным интересам, но в ту минуту великого напряжения

он решал общенациональную задачу и главная масса народа была с ним.

Оглядываясь на историю Петровской поры, мы бодро можем смотреть вперед и почерпать веру в себя и в свой народ и силы для борьбы сегодняшнего дня. Это первый вывод.

Нас интересует, несомненно, еще сторона в этом вопросе. Нас интересует, почему великий подвиг, совершенный в начале XVIII века народом экономически и культурно отсталым, без своей промышленности и техники, победа, одержанная в борьбе с неприятелем, располагавшим последними приобретениями европейской мысли, организации и техники, почему этот подвиг мог быть совершен именно в это время, а не 50 и 100 лет раньше. Мы должны сверх этого учесть, что и руководство нашими врагами было в руках недюжинного полководца, имя которого отмечено признанием таланта всеми историками, изучавшими эту эпоху,—полководцем, уничтожавшим одного за другим противников из трех, соединившихся против Швеции.

Нас не может не заинтересовать политический момент в жизни и борьбе Петровской армии, который, как мне кажется, и может дать ответ на этот вопрос. Мы слышали неоднократно и довод этот приводился врагами нашей армии, пытавшимися доказать неизбежность ее гибели, что армия строится лишь на принципе национальном, при чем таковой признавалась армия, созданная Петром. Краткий очерк формирования армии, вписавший в русскую историю Полтаву, показывает, что создать новую армию в хаосе смуты, неясных внутренних соотношений зарождавшейся новой жизни, мог только новый властвующий класс, каким тогда были дворяне, проявившие крупный организационный талант как в личности самого царя, так и в коллективном творчестве целого класса; несмотря на то, что сознание своих собственных классовых интересов было далеко неясно всему классу, а лишь его наиболее сильной и яркой верхушке, эта верхушка, спаянная кровью убитых врагов, без пути отступления, имея перед собой «смерть или победу», дала такой пример самоотвержения, проявила такие подвиги, такую готовность лично итти на все опасности борьбы вне и внутри страны, что увлекла за собой колеблющиеся элементы и действительно создала из всего сильного, талантливого, готового учиться

группу командиров и вождей, которая от нарвского погрома привела армию к полтавской «виктории» (победе). Этот пример заставляет признать, что в известной исторической обстановке такой выход, какой избрал Петр и который сейчас снова избрали преемники упавшего дворянства, этот путь действительно может создать армию, способную победить. Отмечаем, как близко, до деталей, схема создания Петровской армии подходит к нашей.

Но укажем на один фактор, представляющийся мне чрезвычайно важным. Действительно формирующееся в процессе борьбы дворянство взяло на себя роль организаторов и оно за это получило и политическую власть и богатство, но оно победило в борьбе потому, что сумело ответить на действительные нужды широких и влиятельных слоев населения (торговый капитал), с одной стороны, а с другой — сумело опереться на психологию народной массы, являясь выразителем тех чаяний и *верований* (общественное мнение масс), *которые к этому времени имелись налицо.*

Именно в этом задача организатора. Взять те элементы, материальные и моральные, которые имеются в жизни и на них создавать ту организацию, которая нужна по ходу истории.

Нужно только, чтобы в решающую минуту организаторы умели и были готовы поставить *свою голову на карту.* И это «птенцы гнезда Петрова» делали и не раз и не два: и в боях со стрельцами, и восстаниями внутри, и в страшных боях со шведами.

Уменье *создать аппарат управления армии,* вовлекая в борьбу все сильное, талантливое, независимо от «породы», открывая широко двери каждому, кто готов был примкнуть не словом, но делом и жизнью к борьбе новой армии, *опереться и развить действительно имеющиеся силы масс* и в решающую минуту пойти *на жертву собой* — вот задача организаторов армии, выполненная дворянством в начале XVIII века и приведшая к полной победе в Северной войне, которая ясно указывает нам, что в методах, принятых в нашей борьбе, может быть признано верным и что может быть усовершенствовано.

Изучая эпоху Петра и его деятельность, мы должны будем с глубоким вниманием остановиться на впервые понятом

в Европе воспитании армии. Объясняется это тем, что армии Европы вырастали, опираясь на силу исторических традиций, тогда как у нас, в обстановке государственного переворота, величайших тягот, упавших на плечи массам и, как результат их, грозных народных движений, всякое требование, всякую форму нужно было психологически построить так, чтобы она нашла отклик в общественном мнении массы и была ей принята. Вот почему воспитание армии носит такой ярко выраженный человеческий характер.

В то суровое время, когда не только личность человеческая, но и самая жизнь ценилась очень дешево, солдат и офицер были поставлены в отношения сына и отца. Устав требовал заботы о солдате, устав требовал, чтобы офицер рядом с твердой дисциплиной опирался и на сознание своих подчиненных, беседуя с ними, разъясняя им стоявшие перед ним задачи. Петровская армия понимала, что не пушки и ружья решают победу, но маленькое, слабое «сердце» человека. К этому «сердцу» обращался начальник, давая ему лозунги, простые, понятные тогдашнему сознанию, сплачивая начальника и солдата вокруг одной мысли, воспитывая в них убеждение, что даже смерть легко принять, лишь бы «жила Россия для общего счастья».

Твердой рукой проводилась в Петровской армии *дисциплина*. И в этом в русской жизни не было ничего нового. Татарское иго, сломав анархическое самовольство удельного периода, научило русский народ повиноваться, быть-может, сделав его более покорным, чем это было нужно. Но что было величайшим новшеством, это — требование *самодеятельности*, проявление *инициативы*, о которой в Западной Европе стали лишь говорить в XIX веке. Уже тогда, в век гладкоствольного, медленно стреляющего оружия, в армии появился спрос на «коллективное» творчество, на творческое участие в работе всех от мала до велика. Не меньшее значение придавалось уже тогда *знанию дела*, как ни просто оно было по сравнению с его состоянием в наши дни. Петр ясно видел, что победы можно иногда добиться и без военного знания, но лишь случайно и с огромными потерями; если же ценить жизни и усилия, если хочешь победы «малым трудом и малой кровью», то здесь нужно *знание и уменье*, и это требование мы видим в его армии везде сверху донизу. Техника

современного оружия, наносившего сравнительно небольшие потери, упрощала это обучение. Укомплектования, вливаясь в ряды, успевали обучиться всему, что нужно, а потребность в них была не настолько велика, чтобы страна не умела их выполнить.

Нас интересует затем такой вопрос: что те соображения, которыми руководился Петр во время операции и боев этой войны, те соображения, которые им руководили во время этих классических операций, что это—искра гения, недостижимая для каждого из нас, или же и мы можем извлечь какие-нибудь указания, которые могут помочь каждому из нас на поле сражения. Когда мы обратимся к мемуарам Наполеона, то находим там интересную мысль. Он говорит: «Не гений, прилетающий с неба, бросает мне ту или другую мысль, а глубокое размышление».

Я пытался изложить вам этот период истории так, чтобы выяснить тот путь мысли, посредством которого великий полководец приходил к своему решению, и те качества духа, которые были необходимы для того, чтобы свои выводы осуществлять на деле. Действительно, до Петра в России не было регулярной армии; до Петра в старом военном искусстве не было понимания необходимости поддержки боя из глубины, идеи резервов; до Петра никто не знал сомкнутых укреплений на поле сражения. Если вы вспомните Тюренна, великого полководца Франции, то, отдавая приказ к бою, направляя своих генералов, он в заключение говорил: «а затем, господа, я рекомендую *«здравый смысл»*.

Вот то, что мы должны принять, как вывод из всего того, что мы изучали. Прежде всего, необходимо иметь здравый смысл. Мы должны усвоить себе полную свободу взгляда, отбросить всякие закоснелые формы, рутину, связавшую нас по рукам и ногам. К разрешению каждого вопроса мы должны подходить с простым здравым смыслом, мы должны выяснить *цель*, которая стоит перед нами, и *реальное соотношение сил*, при котором эту цель мы будем достигать. Наполеон говорил: «На войне обстановка повелевает», и, действительно, реальное соотношение сил позволяет делать выводы, как в данной обстановке легче всего достичь *нашу цель*, доводя свое решение с холодной решимостью до конца, как бы тяжело это ни казалось, ибо если в нашей мысли мы оторвемся от

логики мысли, то на поле сражения такой логический разрыв неизбежно кончается поражением. Давайте проследим эту мысль в Петровской работе. Посмотрим, как оценивал Петр реальное соотношение сил. Как он определял его. Прежде всего, к учету бралась численность, вооружение, обученность его армии и численность армии шведов. Все ли это? Нет, не все. Тут входит еще ряд множителей. Если возьмете мемуары Наполеона, то там прочтете, что $^3/_4$ это психология и только $^1/_4$ — материальная сторона. И вот посмотрите, как внимательно присматривается Петр к этой стороне дела. Если численность армии легко определить, то как узнать величину этих сил духа, которые на $^3/_4$ определяют силу армии; их можно определить только точным учетом жизненного опыта. А это можно сделать в *действии*. Петр послал свою армию под Нарву. Под Нарвой армия потерпела поражение. Петр понял необходимость что-то сделать с армией, для того, чтобы она стала боеспособной. Началась большая работа внутри армии, направленная, с одной стороны, на обучение, на совершенствование материальной стороны дела, а с другой стороны, работа над психологией армии, направленная на то, чтобы создать единый дух в войсках, чтобы связать командира с солдатами, чтобы связать командный состав и армию в одно психологическое целое, которое на поле сражения может дать максимум сил.

Работа шла пять лет, все время сопровождаясь боевой школой. Армию пробуют в боях под Нотербургом, Гумельсгофом и снова под Нарвой. Опыт кончился удачей, казалось, что силы выросли, что их можно более смело вывести на главный театр военных действий и дать генеральное сражение шведам. Вы видите, как внимательно следит великий полководец за ростом своей военной силы. Он учитывает каждую данную, которая позволяет так или иначе ему самому смотреть на свое войско и войску самому смотреть на свои силы, верить или не верить в себя. Но если в боях на второстепенных участках, с малыми силами врага, он действует со всей решимостью — наступательно, то, сходясь с самим Карлом, его действия носят весьма осторожный характер. Он вывел в 1705 году армию под Гродно, но первое же столкновение с неприятелем показало, что оценка сил преувеличена; все усилия пришлось направить на спасение живой

силы. И ему удалось искусным маневром вывести армию из-под удара. Снова началась работа над обучением, комплектованием, воспитанием войск, и когда он увидел, что работа его дала результаты, что армия сделала еще шаг по пути развития, он сейчас же направил ее на испытание, выдвинув под командой Меньшикова часть сил под Калиш и одержал победу. В следующем году работа продолжалась и Петр снова решил искать боя с врагом. Но если под Калишем было решительно веденное наступление, то в новом столкновении с главными силами врага под Головчиным была оборона на укрепленной позиции. Армия потерпела неудачу, но ее успешно вывели из боя и опять Петр продолжил свою созидательную работу, учтя реальное соотношение сил: он пользовался каждым случаем, чтобы армию воспитать в бою, совершенствовать ее и главное— дать ей веру в себя. Эта работа дала результат: первая серьезная победа над частью главной армии шведов была одержана под Доброй, вторая—под Лесной.

Это является определенным показателем сил армии. Одновременно медленная, но верная, истощавшая силы врага деятельность, не давая ему разбить себя в генеральном сражении, втягивая его в бесконечные болота, леса и поля нашей страны, используя глубину театра войны. Петр постепенно ослаблял врага постоянными нападениями, и когда в результате этой 9-летней работы соотношение сил стало выгодным для нас, Петр решил вывести свою армию на поле сражения под Полтавой, добить истощенного врага и окончательно решить судьбу своего войска и своей страны.

Вот вывод, который представляет для нас глубокий интерес в истории Петровской эпохи, это *уменье ценить реальное* соотношение сил, внимательно присмотреться к тому, что именно было нам по средствам. И то, что ему было по средствам, то Петр и делал. С теоретической точки зрения наступление выгоднее обороны. И Петр это знал. Он так и воспитывал свою армию. Но Петр понимал, что реальное соотношение сил было против него, и он, терпеливо выигрывая время, выжидая соответствующей минуты, принимал всевозможные меры к тому, чтобы усилить себя и ослабить врага, пока нарастание внутренней и внешних сил не до-

стигло такой степени, что он мог с полным правом пойти в решительный бой под Полтавой.

Другой принцип, на котором мы со вниманием остановимся, это *планомерность* всей войны и каждой операции, где все действия, все бои связаны *единой руководящей идеей, твердо и гибко* проводимой от начала до конца. Благодаря этому, несмотря на превосходство сил врага, *инициатива действий* почти все время оставалась в руках Петра, приведя его к Полтавской победе.

С точки зрения военного искусства мы отметим блестящую по замыслу и осуществлению полтавскую «баталию», где талантливый полководец, применивший на поле сражения впервые редуты и установивший взаимную поддержку в линейном построении из глубины, сумел искусным расположением фортификации и маневра организовать как бы засаду целой армии, нейтрализовал маневренное превосходство врага и, доведя неустанными преследованиями до полного уничтожения армии врага, оставил военной истории незабываемый образчик искусства, как побеждают, говоря его словами, «малым трудом и малой кровью». В заключение очерка Петровской поры и всей великой борьбы, которую мы вкратце изучали, отметим одно крайне важное для дальнейших выводов явление. В области политической мы наблюдали яркий, бурный расцвет народной жизни, выход на историческую сцену новой группы организаторов, считавших себя выразителями воли народной и свои интересы совпадающими с интересами масс. Их враги внешние и внутренние представлялись им врагами всей России. Идейно дворяне шли в ногу с главной массой русских людей; ни в самом дворянстве, ни между ним и основной массой народа не было раскола.

И эта политическая обстановка решающим образом влияла и на состояние военного искусства, достигшего настолько высокой степени, что значительно переросло таковое в современной Западной Европе. Внутреннее доверие позволяло выбирать людей по их знаниям и талантам и позволяло дать широкое поле самодеятельности всем, т.-е. привлечь к делу коллективное творчество—наиболее мощный фактор прогресса человеческого общества. В дальнейшем в XIX в. условия изменились; военное искусство России пало, и армия Полтавы узнала позор Мукдена.

II. Эпоха Суворова.

Расцвет армии дворянской России.

Значение эпохи Суворова.

Именем нашего великого полководца, тонкого мастера военного дела и знатока человеческой души, я хочу назвать эпоху расцвета военного искусства нашей старой армии. Особо благоприятные условия внешней и внутренней обстановки сделали его появление возможным, вызвали Суворова на историческую сцену. Но с его смертью, новые потрясения борьбы с французской революцией сохранили еще на некоторое время условия, поддержавшие военное искусство на его прежней высоте, несмотря на то, что действовали уже его ученики и соподвижники, далеко уступавшие ему в даровании. Это особенно интересно потому, что направление внутренней политики в промежутке между его смертью 1799 г. и 1812 г. сделало все, чтобы подавить, уничтожить идеи и методы Суворова. Но на войне «обстановка повелевает» и люди не смогли нарушить то, что властно требовала жизнь.

Длинный период войн царствования Екатерины и «Отечественная война» 1812 года, разделенные коротким временем павловской реакции (с военной точки зрения; с политической точки зрения можно говорить лишь об ее усилении), представляют собой в истории военного искусства России крайне интересный период расцвета, после которого длительный период «аракчеевщины» кажется особенно тяжелым, особенно беспросветным. Эта пора расцвета наиболее ярко характеризуется деятельностью Суворова и созданной им школы военачальников. Она наполнена славой его побед, возвы-

шенным духом его ученья, всем его ярким, благородным образом вождя, никогда ни в радости, ни в горе не порывавшим со своими офицерами и солдатами, делившим их трудную жизнь, опасность боя, обожаемого своим войском и никогда не жалевшего себя, своей жизни в трудную минуту. Обаяние личности Суворова и его духовная связь с армией будут всегда для военного человека его заветной мечтой.

Каждый военный много раз слышал имя этого полководца, но, мне думается, мало кто знает, в чем величие этого человека. Между тем, идеи и подвиги, взгляды на воспитание, обучение и вождение войск, которые были выдвинуты Суворовым, представляют глубочайший интерес и в особенности для нашей молодой армии, которой предстоит решить столько великих задач. Может-быть, из всей истории нашей армии Суворов и его эпоха представляют для нас наибольший интерес, ибо в борьбе за наше существование и торжество наших идеалов мы, с военной точки зрения решаем собственно спор, что на войне имеет довлеющее значение—техника или дух, основной вопрос, который в пользу духовных факторов решал Суворов. Если вы возьмете работы целого ряда даже таких выдающихся знатоков военного дела, как немец Бернгарди, то увидите стремление уделить решающее значение технике. И это понятно, немцы хотят найти объяснение своего поражения во внешнем превосходстве сил. Легче перенести поражение в сознании, что ныне высокие «чувства» и готовность к подвигу не в силах бороться с грубой силой машины. Но если вы познакомитесь с мнением французов, то они твердо говорят о преобладающем значении духа, в особенности в бою пехоты. Этот спор не нов. Всегда были, есть и будут люди, утверждающие, что дух человеческий будто бы занимает второе место по сравнению с техникой, которая и является тем решающим фактором, который определяет победу или поражение. Я считаю своей обязанностью человека, излагающего перед вами историю военного искусства, резко-отрицательно отнестись к этой мысли. Я должен сказать, что спор о значении техники и духа — спор не сегодняшнего дня; это спор, возникающий каждый раз, когда техника делает мощный скачок вперед. Когда сильно вооруженные рыцари дрались с безоружным простолюдином, тогда

считалось, что, закованные в броню, они являются хозяевами на поле сражения. Когда появилось огнестрельное оружие, оно смело рыцарей; оружие, заряжающееся с казны, вытеснило кремневое. Но рядом с этим мы знаем, как ткачи с гогендагами и крестьяне с пиками побеждали рыцарей, а абиссинские дикари победили итальянцев. С точки зрения этого спора техники и духа, эпоха Суворова представляет большой интерес, ибо и он сам смотрел на дело иначе, и свои войска воспитывал совершенно иначе и выдвигал мысль, что в основе борьбы лежит все-таки «сердце человеческое». «Бои ведет не оружие, а сердце героя», как говорит пословица сербского народа, 500 лет боровшегося за свою независимость против турок и, в конце-концов, завоевавшего свою свободу.

Мы можем сказать, что при равной технике побеждает более сильный духом. Мы можем сказать, что при равных духовных силах побеждает тот, в чьих руках более сильная техника. Еще не значит, что при более слабой технике дух обязательно будет подавлен; духовные силы могут дать такой перевес даже слабым технически, что победа останется за ним. Такова история всех победоносных войн революции— французской, английской, голландской и т. д. Видите, насколько этот вопрос для нас злободневен. И вот, именно эту мысль о превосходном значении духовных факторов в борьбе, о довлеющей роли психологии на поле сражения нужно знать и верить в великие силы духа. Не забывая развития техники, мы должны обратить внимание на воспитание духа, сосредоточить на этом наши главные усилия развить, организовать и обосновать на этом нашу победу.

С этой точки зрения я хочу обратить ваше внимание на эпоху Суворова. Вы увидите там много такого, что давно пережито нами: в технике там кремневое ружье, в области воспитания духа там лозунг «за веру, царя и отечество». То и другое отошли в вечность, но что-то вечное, не знающее времени было живо в эту пору, и именно это характеризовало всю суворовскую полосу истории нашей армии и также и всю деятельность великого «российских войск победоносца». Этот полководец не знал ни одного поражения, строил всю силу своей армии на психологических факторах, изучение которых, методов использования которых

и представляет наибольший интерес с точки зрения военного искусства.

Попробую изложить в нижеследующей последовательности: а) Обстановка, в которой имел место этот расцвет военного искусства. б) Система воспитания и обучения, создавшая суворовскую армию—«чудо-богатырей». в) Поход Суворова в Польшу в 1794 году. г) Итальянский поход Суворова в 1799 году. д) К этой же эпохе, как мне кажется, нужно отнести и поход 1812 года, настолько он близок по духу, методам борьбы и главным деятелям — ученикам Суворова, что без этого эпоха Суворова не была бы полна.

Политическая обстановка.

На прошлых лекциях мы познакомились с эпохой Петра, с тем, как молодое дворянство захватило власть в России и взяло на себя руководство как в деле борьбы с внешним врагом, так и в построении внутренней жизни на новых началах. Мы видели, как этот класс, руководя и организуя вооруженные силы России, добился победы на поле сражения под Полтавой и закончил затем 21-летнюю Северную войну славным для русского оружия Ништатским миром.

Из малоизвестной, полудикой Московии Россия превратилась в европейское государство, с влиянием на ход европейской политики, — государство, ставшее на путь европейской культуры и цивилизации. Вы видели, что в результате большой и определенной внутренней работы среди дворянства оно достигло единодушия и путем единодушных усилий стало полновластным хозяином России. Внутренняя и внешняя опасность заставила его требовать чрезвычайных усилий от населения, но заключение мира положило конец напряжению, а вместе с ним уменьшились необходимые жертвы, которые население приносило в борьбе, а вместе с тем разрядилось недовольство, нараставшее внутри страны, которое выражалось бесконечными заговорами и бунтами. Началось успокоение, победители почили на лаврах и... принялись делить добычу. Различные течения внутри формировавшегося господствующего класса, боярство, которое сохранило недовольство новыми порядками, иноземцы, которые были привлечены во время войны, как техники, но сохранили свое

положение и после нее, все эти группы вели ожесточенную внутреннюю борьбу, правда не имевшую в итоге большого политического значения, ибо каждый раз, когда та или иная общественная группа пробовала повернуть руль государственного корабля не в ту сторону, которая отвечала интересам главной массы среднего и мелкого дворянства, а также вышедших при Петре новых людей, так сейчас появлялись на сцену Семеновский и Преображенский полки, где дворяне попрежнему *служили лично,* и силою их штыков политика направлялась туда, куда было угодно этому «новому хозяину жизни». Все склонялось перед вооруженной силой, олицетворявшей волю «новой России».

Эта внутренняя борьба сказалась чрезвычайно тяжело на вооруженной силе страны. Распри внутри господствующего класса неизбежно ведут к нарушению доверия, столь необходимого внутри армии. В ход были пущены сыск, пытки, суровый аппарат принуждения. В Петербурге достаточно было крикнуть на улице: «слово и дело», как сейчас же полиция по первому доносу брала человека, подвергала допросу с пристрастием, т.-е. попросту мучила в застенке, с целью узнать имена воображаемых и настоящих заговорщиков. Это вопрос политики, но он тотчас же отражается на армии, как давление пара в котле на работе поршней.

Раз нет единства в государственной работе, нет единства и в армии, а раз нет духовного единства в армии, его стремятся подменить внешним безмолвием, слепой исполнительностью и армейская политика склоняется в сторону вкоренения палочной дисциплины всеми возможными способами. В армии получают значение не люди таланта, богатые знаниями, а люди, готовые проводить эту гнусную политику «убивания духа». Лучшими исполнителями такого рода задания являлись иностранцы, особенно немцы, не связанные с Россией, презиравшие наш народ. Без особых знаний, без традиции, без любви к стране эти люди проводили в стране и армии линию, о которой я здесь говорю. Если вы прочтете переходный период от Петра до Екатерины, то увидите ряд выдвинувшихся деятелей немцев. Вспомните Бироновщину, Миниха, Левенвольда, Голштинцев и т. п. Это была одна из самых тяжелых страниц нашей истории. Благодаря этому мы видим упадок во всех областях армейской

жизни, упадок военного искусства, дисциплины и самого духа армии. Этот период характеризуется двумя основными течениями, влиявшими на весь ход русской жизни. С одной стороны, дворянство, стоявшее с ружьем в руках в рядах гвардии и заполнявшее все ячейки аппарата управления страной—боролось за свое освобождение от государственных повинностей. Внешняя опасность, столь сильная во время северной войны, была ликвидирована, внутри государства господство дворянства никем не оспаривалось и дворяне стремились облегчить себе возможные повинности, которые возложила на них страшная борьба петровской поры. Сверх этого дворянство кристаллизуется в замкнутую группу, в которую доступ для людей, выдвинувшихся на службе, все больше и больше затруднялся, нарушая основной принцип, по которому Петр формировал новый класс организаторов. Он основывался на личных качествах человека, давая перевес службе над породой. Но, захватив власть, они стремились ограничить число привилегированных лиц в стране, увеличивая в то же время свои привилегии. Дворяне замкнулись от всех остальных сословий, они утвердили за собой исключительное право покупать земли, населенные крестьянами, они потребовали и получили право отпусков и льготы по службе. В 1727 году двум третям офицерства разрешили вернуться в свои поместья. В 1732 году был устроен шляхетский (дворянский) кадетский корпус, в котором дворяне могли получать военное образование и офицерский чин без прохождения тяжелой службы в рядах войск. В 1730 году служба, возлагаемая на дворянство, была из пожизненной сокращена до 25 лет. В 1760 году дворяне получили дешевый государственный кредит. В 1765 году Петр III объявил указ о «дворянской вольности», по которому дворяне освобождались от обязательной службы государству и, наконец, Екатерина внесла прочную организацию в дворянское сословие. Раньше дворянство, находясь в полках и на службе, в этом постоянном общении находило свою организацию, когда же за дворянством было закреплено право жить в своем поместье, то возникла надобность организации по губерниям и уездам на местах, что и было сделано Екатериной созданием дворянских собраний, предводителей дворянства и выборных от дворян на различные должности и передача

фактического управления страной в руки выборных от дворян. Это первая характерная черта политики дворян после победы.

Вторая характерная черта заключается в том, что, освобождаясь сами, дворяне стремились к увеличению своей власти над крестьянством. Когда при Петре I закреплялась, создавалась известная зависимость крестьян от помещиков, то это делалось с целью *дать возможность дворянам служить государству*. Но по мере того, как дворянство освобождалось от службы, крестьянство, наоборот, становилось все более и более зависимым от помещиков. И в царствование Екатерины эта зависимость сделалась максимальной. Фактически крестьяне стали в положение вещи или рабочего скота. При Петре крестьянство приводилось к присяге наравне с остальными слоями общества. Елизавета этого уже не позволила, а при Екатерине каждый дворянин мог торговать крестьянами, как он хотел, продавать их без земли, порознь, разъединяя семьи и т. д. Эта вторая линия представляет для нас огромный интерес, особенно с военной точки зрения. Посошков, современник Петра, писал: «крестьяне повинны помещику, поскольку помещик повинен государю». Ко времени Екатерины повинность помещиков государю отпала, зависимость же крестьян от помещиков, наоборот, возросла, так что положение крестьян в государстве потеряло даже и тень справедливости и стала явной, неприкрытой формой эксплоатации одного класса другим. Вот почва, на которой выросло страшное крестьянское восстание Пугачева. Историю его вы изучите более подробно в ином месте. Нас же, военных людей, интересует вот что: лозунги, с которыми двигались народные массы при восстании, находили отклик в рядах регулярной армии, которая была двинута на усмирение восставших. Как во времена великой французской революции лозунги восстания проникали через стены казармы, через все кордоны в сердце солдата и заставляли его перейти на сторону восставших. Вместе с этими солдатами переходил часто и командный состав, как это было, например, в Симбирске и Саратове. Также к восставшим примкнули и уральские рабочие, привезшие с собой артиллерию и уменье стрелять из пушек.

Движение Пугачева развивалось с необычайной силой; им была захвачена Казань, он двигался к Тамбову, т.-е. весь юго-восток был объят восстанием, помещиков убивали и уничтожали поместья. Как это отразилось на армии? Перед грозной опасностью господствующий класс должен был забыть свои внутренние ссоры. Дворянство должно было обратить все силы на борьбу и для этого *объединиться* в организацию с единым руководящим центром. В эту пору внутри офицерства—дворян—создается единство и развивается то доверие, которого в предшествующую эпоху не было. Командный состав соединился перед лицом общего врага и мог больше доверять друг другу, чем в то время, когда его силы тратились в борьбе за власть в придворных интригах. Начальник мог быть уверен, что если тот или другой подчиненный совершает ошибку, или если его постигает неудача, то в этом виновна не его злая воля, а *несчастное стечение обстоятельств*. Вследствие всего этого в армии среди командного состава установилась более здоровая атмосфера, снова явилась возможность выбирать людей не в зависимости от принадлежности к той или другой группе, к Бирону, Семеновскому полку, Левенвольду или еще кому-нибудь, а появилась возможность выбирать людей с военным талантом, не разбираясь в том, что он думает по другим вопросам, которые сразу стали второстепенными. Господствующий класс слился более или менее в одну семью, выдвинув монархическую власть,—полновластного рулевого в опасном фарватере, а внутри класса появилась более здоровая, с нашей точки зрения, атмосфера, позволявшая выбирать людей независимо от всего остального. В эти дни впервые в армии был провозглашен лозунг, что «армия должна быть вне политики». Почему это так? Очень просто, потому что сильная верховная власть была единственным спасением интересов дворян.

Следствием этой обстановки было то, что целый ряд талантливых людей выдвинулся в это время. Я могу назвать крупные имена Суворова, Потемкина, Румянцева, Панина, Репнина, Салтыкова, Каменского и т. д. Из рядов армии выдвинулись ученики Суворова—Багратион, Кутузов, Платов, Тучков, Раевский и т. д., имена, хорошо известные в последующей эпохе борьбы с Наполеоном в начале XIX века.

Лозунгом того времени, высказанным Екатериной по военному делу, была фраза, что *«крупные успехи достигаются только силами всех: а кто умней, тому и книги в руки»*. Вот как великая умница, сидевшая силой штыков гвардии на нашем престоле, Екатерина II формулировала основную мысль нашей военной политики.

Если вы посмотрите через все времена и народы, то увидите, что этот лозунг был осуществлен всегда, в периоде расцвета военного искусства. Посмотрите, что значит этот лозунг. Этот лозунг означает, что победа достигается не одним командиром, что победа достигается усилиями всех от мала до велика, мысль эта выдвигает *необходимость привлечь к работе каждого человека, дать широкое поле самостоятельности для каждого*, но *все эти условия связать руководящей волей и умом*. И тот, кто умней, тому и книги в руки.

Другим следствием, чрезвычайно интересным для нас, военных людей, было отношение офицера к солдату. Вы помните, как Петр относился к солдату. Он учил, что офицер для солдата—отец, а солдаты—дети. Петр настаивал, чтобы офицер работал вместе с солдатом, наблюдая и поощряя его. В эпоху Северной войны, когда нужно было, при угрозе внешней опасности, добиться внутреннего единства, Петр выдвинул лозунги, связавшие офицера и солдата общностью борьбы за общее отечество. Но когда внешняя опасность исчезла, тогда это было забыто. Вместо простого петровского устава стали привозить иностранные «строевые фокусы», началось избиение солдат, воровство солдатских пайков,—словом, все те непорядки, которые всегда бывают в пору, когда народные массы не контролируют своих правителей. Но когда эта опасность выросла в гораздо большей мере, чем это было в пору Петра, например, во время восстания Пугачева, тогда пришлось вспомнить заветы, которые выдвигал основатель нашей регулярной армии, и тогда возродилась система воспитания, создавшая нам армию невиданной в Европе силы. Тогда в Европе смотрели на солдата, как на пушечное мясо. Надо сказать, что в то время, до конца XVIII века, в Европе повсеместно, а в некоторых странах и позже, борьба велась при помощи вербованных армий. Это была пора, когда с такой военной славой действо-

вал Фридрих Великий, создав из вербованных солдат армию настолько выдрессированную, что она представляла собой как бы совершеннейший механизм, вполне послушный воле своего гениального вождя. Его армия была воспитана на том, что каждый солдат должен бояться «палки капрала больше, чем пули неприятеля» и что никто в ней «не должен сметь свое суждение иметь». Эта армия была орудием точного проведения в исполнение мысли и воли командующего. Ум и воля тысячной армии были лишь выражением мысли и воли одного человека. Линейный боевой порядок был внешним выражением этой формулы. Для того, чтобы достичь такого полного обезличения, в армии были введены суровые законы, жестокие наказания. Армию заставляли проделывать сложнейшие маневры, построения, ружейные приемы; строго обдуманная система воспитания убивала личность в офицере и солдате, обращая его лишь в точный бездушный механизм. Если вы вспомните, в чем заключалась сущность вербованной армии, то увидите, что все там строилось на началах, совершенно чуждых русской армии Петра и Суворова. Политическая обстановка того времени в Западной Европе создавала условия, в которых именно такая армия была нужна. Король победил феодалов при поддержке торгового капитала городов. Развившийся город стремился к созданию обширной, безопасной для торговли территории, созданию из мелких феодальных владений крупных национальных государств. Со времени этой победы начинается рост торговли и промышленности, для поддержки которых король строил дорого стоившую вербованную постоянную армию. В этой армии командный состав можно было набрать лишь из дворянства, еще вчера только поддерживавшего феодалов. Но король твердо знал, что вчерашний феодал и дворянин, который пришел к нему на службу, еще далеко не верный союзник. Поэтому вы видите, что в армии Фридриха Великого собственно полной связи и полного доверия не могло быть ни между королем и офицером, ни тем более между офицером и вербованным солдатом. Вот почему в вербованной армии вся система была построена на жесточайшем подавлении личности человеческой, она вся была построена на том, что каждый член ее должен был бояться «палки капрала больше, чем пули неприятеля». Я подчеркнул эту картину для того,

чтобы вы могли сравнить военные идеи, господствовавшие в Западной Европе, и всю оригинальность и всю красоту тех идей, на которых строилась наша тогдашняя армия,— армия, выдвинувшая таких людей, как Потемкин, Румянцев, Суворов.

В эпоху Петра и Суворова лучшие люди в нашей армии *смотрели на солдата, как на собрата по оружию, прежде всего, как на человека, прислушивались к тому, во имя чего бьется его сердце, искали в нем себе союзника.*

Такова в общих кратких чертах обстановка внутри страны, с которой приходится считаться, изучая историю военного искусства той поры.

Посмотрим теперь в кратких чертах внешнюю обстановку, в которой жила тогда Россия. Вспомните наши границы. На севере в конце царствования Петра границы охватывали Выборг, который Петр называл «подушкой Петербурга». Он считал, что Петербург, как выход к морю, не обеспечен до тех пор, пока с севера он не прикрыт Выборгом. Далее граница охватывала Эстляндию, Лифляндию с Ревелем и Ригой, затем спускалась на юго-восток по Двине, затем проходила на восток от Двинска, охватывая Дриссу, шла к Днепру, охватывая Киев, не доходя до Черного моря по так называемому Дикому полю, она поворачивала на восток, через Дон на Кубань. Южная Россия, которая сейчас имеет для нас такое значение, Екатеринославский район, Новороссия, Донецкие угольные копи и плодородные степи Таврической губернии тогда были пустыней, нам не принадлежавшей. Азов временно был захвачен Петром, но при Петре же был потерян, так что на юге выхода к морю не было. Затем наша граница уходила к Кавказским горам, к Каспийскому морю, где она продвигалась до соприкосновения с Персией. Соседями нашими были: на севере в Финляндии—Швеция, на западе—Польша, на юге — Турция. Вот что представляла собою тогдашняя Россия и кто были ее соседями, отношения к которым складывались следующим образом.

Швеция не могла нам простить своего поражения под Полтавой, потерю Невы, Эстляндии и Лифляндии; поэтому на северной границе мы имели врага, который подстерегал каждый наш шаг, чтобы при первой возможности броситься на нас. На западе мы соприкасались с Польшей. Я не имею

возможности входить в анализ отношений с этим соседом, но должен сказать, что настроения в Польше по отношению к нам были весьма недружелюбны, примерно, как в 1613 году, когда поляки, воспользовавшись нашей смутой, заняли Москву и сели в Кремль.

Поэтому Екатерина видела один возможный выход, именно, раздел беспокойной Польши между Австрией, Пруссией и Россией. Петр Великий относился к этой мысли в свое время весьма недоброжелательно; он считал, что раздел поляков принесет еще больше неприятности. И действительно, думать, что можно поглотить такой народ, как поляки, и, таким образом, обеспечить свою независимость было бы величайшей ошибкой. С другой стороны, междоусобицы в правящем классе Польши совершенно подрывали ее силы. Польша была легкой добычей сильных соседей, те и другие причины невольно толкали на войну с Польшей.

Затем на южной границе, по пути к Черному морю, нас стерегли новые опасности. Прежде всего, приходилось считаться с разбойничьими набегами татар, владевших Крымом, и с возможными нападениями со стороны Турции, которая в ту пору представляла серьезную агрессивную силу, угрожавшую всем южным государствам Европы. В татарских владениях Крыма турки имели опасный для нас плацдарм на северном берегу Черного моря. Отсюда Турция могла вести наступление на наши пределы.

Вот в кратких чертах то, что собою представляло наше внешнее положение и внешние отношения. Внешняя политика России стояла перед задачей обеспечить неприкосновенность нашей территории с запада и с севера и расширения наших земель до берегов Черного моря. Поэтому вся внешняя обстановка того времени, с военной точки зрения, была чрезвычайно тревожной, а соотношение внутренних сил давало возможность к тому, чтобы вести ряд войн на всех фронтах. Это была пора, когда наша внешняя политика носит явно империалистический характер.

В ту пору, о которой я буду рассказывать, с 1767 года по 1796 г., т.-е. за 28 лет, Россия вела 2 войны с Турцией, 3 раза воевала за передел Польши между нами и соседями и один раз со Швецией для обеспечения нашей северной границы. Это ли не поле для развития военных талантов.

Вот обстановка, в которой развертывается блестящая пора нашего военного искусства,—пора, которую можно назвать эпохой Суворова.

Таковы в общих чертах основные моменты, которые характеризуют обстановку, в которой наше военное искусство могло развиться в столь блестящие формы, как взятие Измаила, польский и итальянский походы. Его определяют, прежде всего, сплоченность *и однородность интересов внутри правящего класса,* определявшие взаимное *доверие* отдельных его представителей в стране и армии, позволявшие сосредоточивать свое внимание при *выборе начальников на его дарованиях* (ибо его преданность делу была обеспечена), не стесняясь в этом выборе и, вдобавок, имея возможность опереться на их *самодеятельность*, ибо импульсы, толкавшие их на боевую работу, со времени петровского переворота успели, с одной стороны, кристаллизоваться в совершенно определенные формы, а с другой стороны, принцип *добровольчества в службе* дворян, осуществимый при более трудном положении класса внутри страны, позволял иметь в армии только тех, кому военное дело было по сердцу, кто в нем видел свое призвание.

С другой стороны, освобождение дворян от обязательной службы в войсках заставило перейти к комплектованию армии и гвардии, к *рекрутской повинности.* Это повлекло за собой *уменьшение политического влияния гвардии,* потерявшей постепенно значение главного политического орудия, каким она была в начале и средине XVIII века; но в то же время правительство было *вынуждено опереться на идеи и верования народа, ставшего основным ядром армии.* Суворовская эпоха характеризуется перенесением опоры на сознание масс как во внешней, так и во внутренней борьбе. Характерно и заслуживает особого внимания, что даже во внутренней борьбе господствующий класс мог опереться на тот же лозунг—«Бог, царь и отечество», который был такой сильной базой в постройке армии для внешней войны. Исследование этого вопроса влияния этих идей на массы лежит вне пределов моего курса, но отметить мы их должны. Суворовская армия опиралась на общественное мнение *большинства наций,* понимаемой в старом смысле этого слова. И сила этого мнения была настолько велика, что когда Пуга-

чев поднимал восстание против помещиков, то и он вынужден был звать людей во имя «Бога, царя и отечества». Священник был в его стане видной и почетной фигурой, и сам он принял звание царское. *Жизнь в эту пору еще не создала ни новых идей, ни новых лозунгов*, и построение армии на этой психологической базе находилось в очень легких и благоприятных условиях.

Таким образом, те идеи, которые зародились в «огне и буре» петровского переворота, получили к эпохе, когда Суворов выступил на историческую арену в качестве идейного вождя русской армии, ясные и яркие формы, а возникший в этом перевороте класс приобрел единство, внутреннюю спайку и проникся сознанием своих интересов. В то же время государственная идея, выражавшаяся в лозунге «Бог, царь и отечество», объединила огромное большинство народа, представляя твердую базу для организации психологии войск.

Вооружение армии.

Наравне с той психологической обстановкой, которая создается соотношением сил в стране, чрезвычайно серьезным фактором, определяющим формы военного искусства, является оружие, шире—техника данной эпохи. В военном искусстве успех связан в такой же мере со средствами борьбы, при посредстве которых ведется война и бой, в какой мере экономическая и политическая жизнь связана с теми средствами производства, которыми люди располагают в данную эпоху.

Оружие было почти то же кремневое ружье, как и в петровской армии, стрелявшее хорошо на 100 шагов и плохо на 300, при чем войска с собой носили 30—40 патронов и возили в войсковом запасе 20—30 штук на человека в полковых фурах. Стало-быть, стрелку было обеспечено до 50 выстрелов. Артиллерия стреляла хорошо картечью на 300 шагов, а ядрами—до 1.000 шагов, но, падая на землю, ядра рикошетировали и могли наносить поражение на расстоянии до полутора верст.

Вот оружие того времени. Сила его была такова, что, стоя на месте и ведя самый сильный огонь, пехота и артиллерия не могли быть уверены, что противник не сможет до

них дойти. Убить всех атакующих за короткое время прохождения 300 шагов было физически невозможно. Когда вы сейчас стоите с хорошо поставленным пулеметом и ведете покойный, выдержанный огонь, то уверены, что ни один неприятель до вас не дойдет: вы успеете всех убить. Конечно, при условии, если сердце пулеметчика бьется ровно, если он не трусит и не разбрасывает огонь зря. Не то было в эпоху Суворова. Решительно веденная атака всегда доходила до врага.

Страх, а не физическая невозможность обычно останавливал атакующего. Поэтому раз удалось на практике убедить войско, что сила огня не велика, то войска будут понимать, что кратчайший путь к победе, это—стремительная атака.

В смысле потерь сила оружия определялась следующими цифрами. Для укомплектования армии за время с 1767 года, когда началась первая турецкая война, и до 1795 года, т.-е. за 28 лет, было взято в общей сложности у населения около ½ миллиона рекрут, при чем армия к началу екатерининской поры имела около 250.000 человек, а к концу—около 500.000 человек, т.-е. потери за все время были около 250.000 человек. Поражения в ту пору были настолько невелики по сравнению с нашей эпохой, что никогда целая рота или полк не выходили из строя. *Укомплектование вливалось в ряды войск и принимало в себя его воспитание, его идеи, его настроение.* Наиболее крупным по своим потерям сражением этой эпохи было сражение Елизаветы Петровны с немцами под Цорндорфом. Наша армия потеряла около 50%, при чем на этом сражении была лишь небольшая часть всей вооруженной силы (50 т. чел.). Так что потери, которые войска несли на поле сражения, были настолько сравнительно невелики, что укомплектование, вливавшееся в ряды, воспринимало те идеи, те взгляды и те методы, которые господствовали в армии. Сверх того, при малых потерях и малых укомплектованиях, можно было сделать службу солдата длительной—25 и больше лет, и тем совершенно оторвать его от населения. Эта особенность имела для нас большую практическую ценность. Благодаря таким свойствам оружия в эту эпоху, вы могли взять из населения некоторое количество рекрут, поместить их в казарме, затем детально разработан-

ной системой воспитать их, привить те идеи, которые были нужны в то время. Если эта кучка людей, взятая в армию, была хорошо накормлена, хорошо напоена, одета, обута, если она не чувствовала себя постоянно оскорбляемой, если чувство справедливости резко не нарушалось, то с этой группой людей вы могли делать все, что угодно. Их можно было воспитать так, что они с чувством полной своей правоты пошли бы на подавление восстания своих отцев и братьев, как это случилось во время Пугачевского бунта. Вот что такое казарменное воспитание, вот то, чего можно было достигнуть настойчивой работой над человеком в казарменных условиях. В тех же случаях, когда были нарушаемы основные положения воспитания, т.-е. когда солдата оставляли голодным, холодным, когда его оскорбляли незаслуженно, на него не обращали внимания, а еще хуже, когда к нему относились с презрением, на что особенно были падки офицеры из немцев, этого наш солдат не выносил. Я могу вам привести один разительный пример в этом отношении. В эпоху крепостного права, в одном поволжском поместье был управляющим немец; когда крестьянин, бывало, в чем-нибудь провинится, то управляющий, вместо порки, сажал его посреди села на стул и привязывал ниткой к стулу. Дело кончилось тем, что крестьяне убили этого управляющего. Когда их спросили, за что они это сделали, то в ответ они сказали: «что я птица, что меня за ногу привязывать?» Наш народ прощает резкость, если она только идет от сердца, срыву, но не прощает насмешки и издевательства. Поэтому, когда немецкие полководцы, в типе Миниха, вели солдат на Пугачева и издевались над ними, то войска вместе с офицерами переходили на сторону восставших. Но, как общее правило, соответствующим воспитанием при соответствующем укладе жизни можно было иметь войска, настроенные так, как это было нужно для решения внешних и внутренних задач, независимо от настроения, которое в это время господствовало в народных массах. Тем более легко было, однако, вести дело подготовки армии, если пользоваться той внешней общностью лозунгов, которая тогда соединяла все классы России. Таким образом, свойства современного оружия как нельзя более облегчали работу командного состава по воспитанию армии (организации ее духа),

ибо не было нужды распространять свою работу на все население страны. Усилия должны были, как и в петровскую пору, сосредоточиться на небольшой части народа—армии, где бойцы служили почти всю жизнь и где потери никогда не были настолько велики, чтобы влившиеся укомплектования могли нарушить цельность мировозрения части. Вся задача, подобно тому, как это было при Петре, но в гораздо более легких условиях *сложившейся исторически традиции*, состояла в том, чтобы обучить и воспитать армию. В этом суворовская пора резко расходится с нашим временем.

Господствующие взгляды на военное дело той эпохи.

На лекциях о Петре мы беседовали о том, что дворянство, выдвинувшееся в эту пору, как организатор и руководитель русской жизни, было глубоко убеждено, и это убеждение являлось его силой, что дворяне являются выразителями мнения всего народа, что они являются творцами жизни всего народа, защищают интересы *всей России*. Сейчас нам это может показаться странным, как люди, владевшие крепостными, усмирявшие взбунтовавшихся пугачевцев, как они могли себе это представлять. Не задачей истории военного искусства является углубляться в этот вопрос, но я считаю себя обязанным сказать, что это было так; тогдашнее офицерство черпало нравственные силы из этого источника. Оно было убеждено, что, идя на смерть, оно выполняет основную задачу России, что оно жертвует собой во имя высокой идеи, во имя того ценного, что им казалось более дорого, чем жизнь человеческая. Эти мысли, впервые появившиеся при Петре, были тем импульсом, который двигал наш командный состав и на войне и в мирное время при подготовке армии. Живая мысль била ключем, и из рядов войск выдвинулся не только целый ряд крупных полководцев, но и организаторов. Наиболее крупным из них нужно признать Потемкина. Оставляя в стороне темную сторону его биографии и беря его таким, каким его знала армия, мы должны сказать, что это был большой русский человек, с большим сердцем, с светлым умом, один из тех людей, которые интуитивно чувствуют настроение масс; он понимал, чего хотел солдат, куда тянуло его сердце, как

оно билось, о чем думала «серая» масса. Посмотрите его реформы. Величайшим бременем того времени были рекрутские наборы. Мы плохо себе это представляем. Теперь условия воинской повинности сильно изменились по сравнению с тем временем. Теперь человек уходит на призыв на несколько месяцев, на 2—3 года, каждый надеется вернуться обратно, эта надежда его утешает, и большинство действительно возвращаются домой в свои семьи. Каждый тульский или саратовский мужик, идя на фронт, идя на поле сражения, все-таки считает себя саратовским или тульским мужиком и надеется вернуться на свои поля. При рекрутских наборах было иначе: солдат уходил из дома на всю жизнь: он не мечтал вернуться обратно, а если и дожив до отставки, он возвращался, то возвращался стариком, когда терял силу работать, а вся окружающая деревня становилась чужой. Все, что было родного, за эти годы изменялось и было чужим. Человек, уходивший по рекрутскому набору, умирал для жизни, как покойника провожали его родные. Вот почему реформа Потемкина была направлена для упорядочения и облегчения наборов. До Потемкина рекрутские наборы носили характер случайный и поэтому особенно тяжелый. Из одних районов люди брались на службу каждый год, а другие районы оставались незатронутыми. Целый ряд районов—Украина, Белоруссия—не давали рекрутов совершенно. Потемкин постарался упорядочить этот вопрос, чтобы по отношению к каждому округу была проявлена по возможности справедливость разверстки и очереди давать рекрутов. Он распространил повинность и на Украину, и на Белоруссию, стараясь этим облегчить службу в коренных русских губерниях. Затем Потемкин одел солдата красиво и просто. Это кажется мелочью,—одеть солдата,—не все ли равно, как он одет? Но Потемкин снял с него прусский мундир, который стягивал его поперек живота, снял гетры, стеснявшие ноги, букли, которые надо было зачесывать с такими трудами, и одел солдата в простую широкую, свободную одежду. Он написал простой устав, без хитростей, без замысловатостей. В промежутке между Петром и Екатериной считалось, что солдат должен прежде всего уметь выкидывать «артикулы» ружьем (ружейные приемы). Потемкин понял, что только тот может побеждать на поле сра-

жения, кто не смотрит на оружие, как на орудие истязания. А в ту пору в войсках занимались ружейными приемами, как особым искусством. Для образца и установления темпа на столе перед упражняющимися войсками ставился «флигельман»—капрал, который лучше всех умел делать ружейные приемы, и войска вслед за ним, бесконечное количество раз, повторяли ружейные приемы до тех пор, пока в проделывании их не достигали высокой степени совершенства. Вместо того, чтобы изучать стрельбу, они под «флигельмана» проделывали ружейные «артикулы» в 20—30 приемов. Это было, конечно, лишь забивание головы солдата или офицера. Потемкин же хотел обратного. Он хотел, чтобы солдат своим простым сердцем пошел за своим начальником, а для этого нужно это золотое сердце солдата к себе привязать. Он понимал, что *целесообразность и простота* ученья—это одно из мощных средств для достижения успеха воспитания, а затем и победы на поле сражения.

Солдатскую науку Потемкин старался упростить, не требуя излишней «звучности» и отделки ружейных приемов, Потемкин требовал, чтобы «ногу не били». Между тем до войны 1914—1918 года лучшие части нашей армии считали лишь того хорошим солдатом, кто умел твердо ставить ногу, и когда шел хорошо обученный полк, то кругом земля гудела. Если мерный шаг в ногу очень полезен, ибо стройность движения, одновременность его создает в массе уверенность в солидарности, сознания обученности,—словом, содействует возникновению *чувства мощи*, хорошо знакомого каждому, кто служил в хорошей части, то чрезмерное увлечение муштром только забивает людей. Потемкин, который понимал настроение войск, знал, что если освободить солдата от требований, ненужных в бою, то это верный путь привлечь сердце солдата. Надо требовать то, что необходимо для победы, а ненужные детали должны быть отброшены. Затем Потемкин старался воспитать войска в духе наступательной тактики. Он учил войска ходить «вихрем» в атаку, маневрируя колоннами, уметь быстро развертывать ряды для открытия огня. Это было впервые применено в боях с турками. Потемкин, составляя устав, подчеркивал необходимость наступательного духа и уменья маневрировать. Самым решительным образом Потемкин восставал против

«коснения фронта». Это все живая жизнь и теперь эти указания ценны и для нас; вы сейчас можете выйти в запасный полк и увидите, как там «хлопают ногой» и заботятся о «коснении фронта». И вот человек, который понимал, что это неважно, а что есть что-то другое, о чем должно позаботиться, и это—дух войск и уменье маневрировать.

Вот в кратких словах те основные идеи, которые в нашей армии выдвигались вперед к тому моменту, когда на арену выступил наш великий полководец Александр Васильевич Суворов. Выдающиеся люди нашей армии после пугачевского восстания снова стали понимать, что нужно строить армию, учитывая психологию солдатской массы и психологию офицера. Политическая же обстановка и свойства современной техники позволяли, как я пытался это показать, это сделать. В этой обстановке и создалась суворовская «наука побеждать», в которой многое будет жить до тех пор, пока придется строить войско и вести его к победе.

Взгляды Суворова на воспитание и обучение армии.

Считаю необходимым более подробно остановиться на основах воспитания и обучения армии, как они понимались Александром Васильевичем Суворовым,—идеях, представляющих такой глубокий интерес и в наши дни создания новой армии. На поле сражения, перед *лицом смерти*, ценность всяких благ ценит жизнь. Мы, военные люди, должны ясно их нейтрализуется[1]). Всякий человек, несомненно, выше всяких благ ценит жизнь. Мы, военные люди, должны ясно учитывать, что перед лицом смерти для индивидуальной психологии бессильны наиболее крупные импульсы материального мира и лишь идеи, опирающиеся на основные экономические интересы масс, способные увлечь лучших, наиболее сильных людей, за которыми идет уже и вся масса армии; идеи, даже мечты, могут стать той духовной основой, на которой можно создать армию победы. Такова в наши

---

[1]) Вопрос этот, вопрос большой важности, чрезвычайно сложен. Разбору его нужно уделить больше места в военной психологии. Там я попытаюсь развить его и добиться полной ясности и точно пометить, в какой связи находится идейная надстройка и материальный базис. Здесь же я могу только указать на его значение.

дни идея социализма, идея создания на земле великой новой организации жизни, где «владыкой будет труд» и где все будут счастливы. Эта мысль была ясна еще и в древности, эта мысль была глубоко понята и в той армии, о которой я говорю. Вот почему первое, на что направляется воспитание суворовской армии, и заключается в том, чтобы в армии не только офицеры, но и солдаты до последнего рядового понимали ясно, *за что они борются.* Когда перед бойцом выступает близость смерти, тогда в душе начинается борьба: не лучше ли бросить все, попытаться выйти из борьбы и спасти свою жизнь, то в эту минуту в душе лучших людей должно встать бы что-то более твердое, более сильное, чем стремление спасти свою жизнь, и чтобы, опираясь на лучших людей, можно было и всю остальную массу повести за собой до победы. Нужна большая идея, всем знакомая, всем близкая, более дорогая, чем жизнь. Только при этих условиях в психологии бойцов создается то душевное равновесие, которое необходимо, как основа для всей дальнейшей работы по организации армии, о которой речь будет впереди.

В ту пору, в эпоху Суворова, как вы помните, живыми идеями народных масс, вокруг которых группировалось общественное мнение широких слоев народа, были: «вера, царь и отечество». И вот основная работа Суворова была направлена на распространение, популяризацию этих, тогда понятных солдатской массе идей. Как далеко мы не отошли от того времени, от мыслей и чувств, которые воодушевляли тогда войска, но мы все же можем судить о влиянии, которое они имели на массу. Человек, который шел на смерть, знал, что ему и после смерти «там» будет хорошо, так как он идет в бой за веру, за «дом святой богородицы». Суворов говорил: «убьют, что на пенсию с полным пансионом, останешься живым, тому честь и слава!» Религиозный фанатизм часто бывал цементом, которым в истории человечества не раз талантливые вожди, как, например, араб Магомет или турок Солейман Великолепный, сплачивали свои армии; они давали солдату, шедшему на смерть, счастье и спокойствие перед лицом смерти.

Вспомните Крестовые походы, когда десятки тысяч людей шли через моря и пустыни из Западной Европы, из Фран-

ции, Италии, Испании и Англии освобождать гроб Господень. Мы знаем, какие мощные экономические причины вызвали эти походы, но в то же время изучение показывает, что эти массы людей сплотились в армии в религиозной мечте и умирали счастливыми «за гроб Господень», веруя, что перед ними откроются двери рая.

Вся система воспитания Суворова построена, как на базе, на развитии и углублении ясного основания, *за что* борется воин. Второе, что для нас чрезвычайно интересно, это стремление Суворова добиться, чтобы *каждый человек, каждая часть верили в себя, в свои силы.* Представьте себе двух человек, из которых один не уверен в себе, нерешителен; он слаб, так как не знает, справится ли он с опасностью, которая стоит перед ним. Человек даже с очень большим умом, способный к глубокому анализу всех трудностей, которые перед ним выростают, слаб, если у него нет уверенности в своих силах, в себе, в способности преодолеть их. Возьмите другого человека, он может быть ограниченным и менее сильным, но если он верит в себя и готов на все, то из этих двух победит, или, по крайней мере, имеет больше шансов на нее тот, кто верит в себя. Лозунг Суворова: «На себя надежность—основание храбрости», есть также одна из основ суворовского воспитания.

Существует расчет, что для поражения одного человека на поле сражения надо выпустить столько пуль, чтобы вес их был равен весу человека. Из этого иногда делают вывод, что, стало быть, бесполезно учить стрелять, в бою от волнения все равно никто не целится и убивает лишь масса выпущенных пуль.

Если подойти без понимания человеческой психологии к этому вопросу, то, пожалуй, можно согласиться с таким взглядом. Но Суворов даже в то время учил стрелять в цель, и если вы подойдете к этому вопросу с точки зрения Суворова, то придете к совершенно иным выводам. Представьте себе двух стрелков: один знает, что при старании он на 400 шагов умеет попасть все пули в головную мишень; другой никогда не стрелял и не знает свойств своего ружья. Кто лучше устоит перед кавалерийской атакой противника? Нет сомнения, что тот, кто верит в себя, в свою винтовку. Волнуясь, он будет плохо целить, но все же

останется стрелять, а свойства винтовки доделают остальное. Второй просто убежит и будет зарублен в спину. Вера в себя—один из мощных факторов силы, который Суворов старался воспитать в своих войсках.

Вы помните то пренебрежение, с которым Западная Европа относилась к России, с которым образованные классы относились к простому человеку, даже как мы сами смотрели на себя: «где уж нам, что уж». А за границей говорили: «эти русские свиньи» и прочие «неприятные» слова. Суворов никогда не относился с презрением к своим подчиненным. Человек может ошибаться, может быть охвачен случайным малодушием, но основной его посылкой было: «Мы русские и потому с нами Бог». Лишь бы была вера в себя, а остальное приложится. Когда он приезжал в часть, роту, полк, если он замечал какие-нибудь недостатки, то вместо чтобы, как это делают обыкновенно суровые начальники, «пушить» и кричать, вселяя в часть мнение, что она плоха, Суворов, наоборот, делал вид, что он дремлет и в таком дремотном состоянии проезжал мимо провинившейся части, не делая выговора; потом, призвав командира, с глазу на глаз выговаривал ему все, что думал и требовал. Это показывает, как Суворов берег самолюбие части. Если же он находил состояние части удовлетворительным, то он говорил, уезжая: «вся ваша рота, весь ваш полк — чудо-богатыри. Спасибо, утешили старика!»

И когда этот разговор повторялся изо дня в день, то силою повторения он гипнотизировал каждую часть, массы начинали расти в своем представлении, начинали верить в себя. И те самые михрютки, тамбовские, тверские мужики становились «чудо-богатырями», потому что они сами себя такими считали и с этой верой в свою непобедимость бросались в атаку. Огонь же того времени был преодолим, и атака давала победу. Все эти вещи, которые и для нас не пережиты, это сегодняшний день. Разве мы не должны строить нашу армию, развивая в наших стрелках привычку видеть в себе воинов великой мировой революции, несущих новые слова всему исстрадавшемуся человечеству. И с верой в себя, имея на своей стороне великие силы истории, наша армия сделает чудеса, которые ни Фош, ни Людендорф не могут себе представить.

Чувство чести—это следующий фактор, на котором Суворов строил воспитание армии. Главное условие—это твердость духа в войсках, готовность погибнуть, но не бежать, не уронить своей чести. Если вы вспомните одиночного бойца, скажем, рыцарской поры, то увидите высокое воспитание чувства чести у рыцаря. Рыцарь, который побежал перед неприятелем, потерял свою честь, такому человеку нельзя было больше показаться перед лицом своих сограждан, он был посрамлен, он был осмеян, он умирал гражданской смертью.

Однажды мне пришлось слышать рассказ одной старой бабы Тульской губернии: «Вот мой сыночек умный, не глупый, сдался немцам, теперь жив будет и домой вернется». Вот разница двух психологий—рыцаря и тульской бабы. Наличие и отсутствие понятия воинской чести. Если вы возьмете немецкого солдата 1-й мировой войны, то вы увидите, что немец не мог бежать с поля сражения, ибо это считалось бесчестным. Мать и жена выгоняла дезертира на улицу, ибо все общество, весь народ Германии не допускали мысли о возможности одному уклоняться от долга крови и в то время, когда умирали другие. Бежать с поля сражения, оставить свою часть—это значит поступить бесчестно. Мы, военные, ясно себе представляем, насколько воины с рыцарским понятием чести будут сильнее в бою, чем сыновья той тульской бабы, о которых я говорил. Эти понятия Суворов умел привить и командному составу и солдатам. Они были живы не где-нибудь во французском или немецком рыцарстве, а в нашей армии, в нашем офицере и нашем солдате. Он также стремился развить в них *чувство долга*, составляющее одну из основ войска в тяжелых переживаниях похода и боя. Эти качества заложены в области духа, и только воспитывая дух, можно армию сделать твердой.

Немаловажным фактором в деле воспитания войска Суворов считал воздействие на *честолюбие* бойцов. Можно считать честолюбие одним из отрицательных свойств духа, но Суворов, развивая в войсках ясное сознание, за что они борятся, веру в себя, чувство долга, чести, он сверх этого стремился воздействовать на командный состав, открывая достойнейшим быструю дорогу наверх, к влиянию и славе,

увлекая в его ряды наиболее подготовленных и законченных людей из солдатской массы. Это уменье опереться на естественное чувство самолюбия характерно не только для Суворова, но для всех великих полководцев, всех армий, перед которыми стояли большие задачи. «Каждый солдат в ранце своем носит фельдмаршальский жезл». Этот же принцип стремился выдвинуть и Суворов. В те времена можно было в 28—30 лет отроду сделаться генералом.

Наше тогдашнее войско характеризуется еще совершенно *особенным отношением к солдату*. Вспомните, что в ту эпоху в Западной Европе за малейший проступок солдата гнали сквозь строй, били шпицрутенами. И в нашей армии применялись суровые наказания, но только для дезертиров и для лиц, нарушавших основные требования дисциплины. То, что мне придется вам рассказать об эпохе Николая I, это несравнимо с тем, что было в войсках Суворова. Суворов учил своих офицеров, что нужно *прежде всего воспитать уважение солдата к самому себе*. В наставлениях того времени для ротных командиров говорится: *солдат есть звание почетное*, рядовой солдат носил ту же форму, которую носил и фельдмаршал, и ему внушалась мысль, которою Суворов особенно дорожил, которую защищал затем Драгомиров, что солдат должен *уважать самого себя*. На солдата возлагается важная обязанность защищать государство, он жертвовал за Россию своей жизнью, тем заслуживал общее уважение. Часовой на посту был лицом неприкосновенным. Мало того, на грубое слово он мог ответить обидчику ударом штыка. Эти факты надо оценивать с точки зрения того времени отношение к солдату тогда и теперь нельзя сравнивать. Ведь солдат был крепостной, а офицер барин. Крепостной был вещью своего господина, которую он мог продать, купить, проиграть в карты и за малейшую провинность запороть на-смерть.

Я хочу остановить ваше внимание еще на одном вопросе. Необходимость дисциплины тогда была совершенно очевидна, об этом долго говорить не приходилось. Воспитание дисциплины, созданное всем укладом русской жизни, начатое при Петре, продолжалось и при Суворове. Субординация и тогда была основой военного дела. Но что особенно характерно для Суворова, это—стремление развить *само-*

деятельность. В Западной Европе о развитии самодеятельности стали говорить только с половины девятнадцатого века, у нас разговоры об ней возобновились только после русско-японской войны. Но эта мысль была настолько очевидна Суворову, как и Петру, что все воспитание его армии было построено на развитии самодеятельности. Суворов прямо говорил, каждый воин должен понимать свой маневр: «ближнему на месте виднее. Я говорю направо, он видит налево, меня не слушать». 3 мая 1799 года он отдал приказ: «местный в его близости по обстоятельствам лучше судит, нежели отдаленный, он проникает в ежечасные перемены их течения и направляет свои поступки по правилам воинским». В то время, когда на Западе за малейшее отступление от приказа отдавали под суд и гнали сквозь строй, в это время фельдмаршал русской армии учил: «если ближнему виднее, то меня не слушать, делать так, как обстановка на месте велит».

Вот основные задачи, которые Суворов ставил при воспитании войск. Теперь перейдем к вопросам обучения. В ту пору в Европе еще господствовал взгляд, что тот главнокомандующий может считаться мастером военного искусства, который одержал победу без единого сражения. Верхом искусства считалось занять такие укрепленные позиции в тылу противника, которые неприятель не мог бы взять, и был бы вынужден к отступлению. Так должны были поступать генералы вербованной армии, у которых даже после удачных боев дезертирствовали тысячи солдат. Иначе стояло дело у нас, где имелась совершенно отличная от Европы политическая база для армии.

Суворов и его друзья в то время могли выдвинуть все великое значение *наступательного боя*. До нас сохранился завет Суворова: «*ничего, кроме наступательного*». В наши дни, для нашей армии с ее особыми качествами, этот завет Суворова особенно значителен. *Ничего, кроме наступательного*. Этому он учил, на этом строил воспитание, теперь посмотрите, как он построил всю систему обучения в наступательном духе.

Вы знаете, что человеку трудно сделать то, к чему он не привык и, наоборот, то, с чем он освоился, это дается ему легко. Возьмите гимнастику. Предложите человеку, ко-

торый никогда не проделывал упражнения на турнике, сделать «солнце»; вероятно, не один молодой, сильный человек почувствует себя сконфуженным и ему это не удастся, если он будет делать «солнце» без подготовки, но поупражнявшись он быстро завертится вокруг турника, и легко это сделает. Совершенно то же и на поле сражения. То, что войска привыкли делать во время учения, то они легко и свободно сделают на войне. Если не ошибаюсь, Мольтке говорил, что войска проделывают на войне то, чему их обучали в мирное время, но только хуже. Поэтому Суворов все время приучал войска к таким маневрам, которые дали бы возможность изучить технику наступательного боя. Все это Суворов стремился достичь путем односторонних и двухсторонних маневров, доводимых до сквозной атаки. Сквозная атака имела задачей приучить войска к впечатлению надвигающегося на них врага. В отношении пехоты это, может быть, в наши дни редких боевых порядков не имеет такого значения. Но тогда пехота, производившая атаку сомкнутой стеной бойцов с опущенными штыками, наступала быстрым шагом, и это производило сильное впечатление, к которому надо было привыкнуть.

Наша пехота после такого обучения, наступавшая стремительно в атаку, производила такой эффект, что неприятель не выдерживал удара и бежал. Для этого Суворов постоянно практиковал маневр, чтобы войска шли друг на друга сквозной атакой, протискивались в ряды противника и выходили на другую сторону, быстро приводясь в порядок. Так он приучал войска к виду массы штыков, которые направлены прямо в грудь. Еще более серьезно стоял вопрос, когда нужно было приучить войска к конной атаке. Мы знаем, что это для стойкой пехоты не страшная вещь. Нет ничего страшнее твердого духом пехотинца, встречающего атаку огнем и даже штыком. Такой пехотинец сильнее льва и опаснее тигра. Как ни внушителен с виду всадник на горячем коне, несущийся в атаку, но он ничего не может сделать, если пехотинец встретит его грудью. Лошадь на штык не идет. Мы это хорошо знаем и знаем, что весь вопрос конной атаки—вопрос психологии, вопрос испуга. Конница рубит лишь в спину убегающего врага. Суворов это понимал и приучал своих людей к виду конной атаки, и люди

начинали верить в себя и не бояться никакой конницы. Этот метод применим и к нашей армии и в наше время. Если вы приучите войска к виду скачущей конницы и покажете, что выстрел успеет раньше сразить всадника, чем конница сможет доскакать, то такая пехота кавалерии никогда бояться не будет. Этот прием Суворов часто применял при обучении своих войск.

Чрезвычайно интересна самая система обучения Суворовым его войск. Почти 150 лет прошло с тех пор, как Суворова нет, но и сейчас и в дореволюционной нашей армии можно было зачастую видеть, как дядька учил молодого солдата: поворот направо, поворот налево, учебный шаг, заученные ответы. Суворов категорически был против такой системы обучения. Он разделял обучение на две части и обучал сначала одиночного бойца и затем целую часть; он считал, что только тогда можно сделать хорошую часть, когда боец действительно хорошо подготовлен, потому одиночное обучение, то, что называлось рекрутской школой, он строго отделял от обучения и сколачивания части.

И действительно, там, где у вас солдат хорошо знает все, что от него требуется, там он, будучи построен в ряды, все остальное постигнет в 2—3 дня, и в скором времени ваша часть будет вполне законченной боевой организацией.

Мне хочется еще остановиться на одном вопросе, который имел решающее значение. Вспомните, что это было время крепостного права, время его расцвета, что солдат был раб, крепостной, а офицер был дворянин и господин во всех отношениях. Но Суворов уже тогда понимал, что на походе и поле сражения, перед смертью *все равны*, и барин дворянин и крепостной—солдат; если начальник хочет, чтобы связь в бою между солдатом и офицером не разорвалась, то нужно закреплять ее в мирной обстановке. Эта великая мысль нашего полководца глубоко проникла в душу его армии.

Сам очень богатый помещик, Суворов одевался в скромный мундир, спал на соломе, ел солдатскую пищу, никакой роскоши себе не позволял. Если вы вспомните, как держало себя французское офицерство того времени, то увидите, что они ходили в поход с целым обозом, огромным количеством провизии, брали с собой все удобства и роскошь, включая женщин и попугаев.

И в эту пору фельдмаршал Суворов на скромной, казацкой лошадке, в посконной рубахе появлялся перед войсками, беседовал с солдатами, ободрял офицеров. Все это указывает, как внимательно Суворов относился к солдату, как он знал его быт, настроение и мнение, как стремился сгладить разницу между начальником и подчиненным. Офицеры и солдаты его горячо любили и шли с ним, как говорится, в огонь и в воду.

Чтобы закончить очерк суворовской науки, необходимо еще одно замечание. Вы помните, что ружье в то время стреляло на 100 шагов со скоростью 1—2 выстрелов в минуту; попасть в цель было довольно трудно, и Суворов справедливо говорил: «пуля дура, штык молодец, пуля может обмишулиться, штык никогда». И вот начальник, который знал, что «пуля дура, штык молодец», вводил *систематическое обучение прицельной стрельбе* и заставлял солдата выпускать не менее 30 пуль в год, так, чтобы каждый солдат понимал, чего можно требовать от своего ружья. Он воспитывал войско в наступательном духе, учил их атаке и в то же время обучал войско стрелять для того, чтобы даже *несовершенную технику* того времени можно было использовать полностью. Вот та система, при посредстве которой русские солдаты превратились действительно в «чудо-богатырей», не знавших поражения.

О Суворове сохранилась масса анекдотов. Это был большой чудак, который прекрасно понимал психологию масс. Он прекрасно знал, что масса легче усваивает то, что ударит ее по воображению. Часто он применял странные способы, чтобы внушить ту или другую мысль. Так он желал привить войскам нелюбовь к отступлению, и для этого прибегал к ряду воспитательных мер. Например, стоит часть, кто-нибудь случайно вылез вперед. Нужно выравнять строй. Обычно выравнивают, осаживая назад того, кто вылез вперед. Суворов никогда этого не делал и не позволял делать. Один человек выдвинулся вперед, по этому одному человеку выравнивалась вся часть, иногда целая дивизия. Ни один человек, ни целая дивизия не могли отступать, никогда, ни при каком случае. Не было никаких упражнений, никаких обучений на отступление. Все только для наступления, и этот лозунг проводился без конца, до самых

мельчайших подробностей. Суворов страшно любил людей, которые умели быстро решаться и быстро действовать. Он говорил, что на поле сражения это необходимые люди, их он искал, эти качества требовал от всех; в этой области существует целый ряд анекдотов. Например, Суворов, проезжая мимо части, спрашивал солдата: сколько верст до луны? Если тот отвечал: не могу знать, Суворов бывал недоволен. «Немогузнайка, Ленивка, Лукавка!» были клички, которые он сейчас же давал.

А если он встречал офицера, который на вопрос: «сколько звезд на небе?»—отвечал—«2.441.000».—«Как так?» «Извольте сами сосчитать, верно ли!» Суворов был рад; спрошенный быстро нашелся, быстро ответил. Суворов считал, что солдат, не робеющий перед фельдмаршалом, найдется и перед неприятелем.

Один единственный раз немогузнайка доставил Суворову истинное наслаждение. Делая смотр одному кавалерийскому полку, он спросил одного молодого офицера.

— Что такое ретирада? (отступление).

— Не могу знать!

— Как не можешь знать? Немогузнайка!

— В нашем полку этого слова не знают.

— Хороший полк, очень хороший полк!—и Суворов довольный поехал дальше.

Вот в коротких словах та система воспитания, которая на базе, созданной народной психологией, на настроениях правящего класса и состояния техники, *организовала духовные силы* нашей армии и создала ту страшную силу, про которую Наполеон, столкнувшийся с ней, воскликнул однажды в восхищении: «Русского солдата мало убить, надо прийти и повалить». Армия, опиравшаяся на *силу исторической традиции*, организованная тонким психологом, понимавшим, как никто, душу массы, оказалась той силой в Европе, которая одна только могла победить полки французской революции и которая долго еще, даже внутренно разлагаясь сама, была опорой всей европейской реакции.

Методы и приемы, которыми это было достигнуто, были, действительно, замечательны. Мы видим прежде всего *дисциплину, опирающуюся* на широкую базу *сознания масс*, не забывая необходимого момента насилия. Мы видим, как

внимание массы фиксируется на *лозунге, взятом из глубины народного верования,* создавая каждому бойцу, даже в момент величайшего напряжения, в смертной опасности яркую точку, красивую веру, что смерть его нужна, что она не будет забыта, что даже после смерти его ждет блаженство.

Сила армии поднималась постоянным ростом *веры в себя,* веры в свою мощь, настойчивым *обучением технике* военного дела, втягиванием в трудности боевой жизни. Выдвигались и воспитывались свойства, повышавшие боеспособность войск: чувство *чести* в офицере, чувство *долга* во всех. Сила армии опиралась не только на покорную исполнительность масс, организуемых единой волей вождя, но на *самодеятельность,* на *знание дела,* на *частный почин* каждого.

Немаловажное отношение к психологии войск имеет отношение командира и массы, и тесная духовная связь между ними, переходящая в трудную минуту, перед лицом смерти, в *боевое товарищество офицера и солдата,* сплачивает полки, давая командному составу силу и возможность действительно руководить боем, *не теряя управления даже в самые трудные минуты.*

Наконец, все, кто изучал военное дело, знают, какую психологическую силу имеет *наступление;* как вращение поддерживает волчок, стоящий на одной ножке, так наступательный порыв поддерживает дух войска в самые трудные минуты, когда душевное равновесие колеблется. Тот, кто хочет взять от своих войск максимум сил, должен приучить их к наступлению. Именно в этом и воспитывались наши войска. И армия народа, еще 100 лет тому назад, пережившая позор столбовского мира со шведами и взятия Смоленска поляками, обратилась в армию «чудо-богатырей», первую армию тогдашней Европы.

Таким образом, суть суворовского воспитания заключалась в том, что он стремился развить *человека в человеке,* готовность жертвовать собой во имя идеи. Он стремился опереться на активные стороны духа человека, разбудить его *самодеятельность, веру в себя, честь и долг* и направить их в нужном направлении. Идеализм, сознательность, активность были главные силы, действие которых он стремился вызвать.

В его обучении мы видим прежде всего глубокое уважение к наступательному образу действия,—способу, к которому всегда прибегал сильный духом. Его уважение к наступлению выражалось в том, что он учил войско наступать, учил по приемам и отдельного человека и целые дивизии, учил по приемам на плацу и в поле с тем, чтобы в самой технике наступательного боя не было ничего нового и войскам в бою оставалось лишь повторить то, что они хорошо разучивали в мирной обстановке.

Отметим также, что, как ни слаба была техника современного оружия, Суворов глубоко понимал ее значение и стремился взять от нее все, что она могла дать.

Глазомер, быстрота и натиск были его любимой формулой на каждом учении. Посмотрим теперь, как этот мастер и тонкий психолог-воспитатель, умевший, как никто, создать вооруженную силу, как он вел эту силу на театре войны и поле сражения.

Мы перейдем теперь к изучению нескольких примеров военного творчества Суворова. К сожалению, в лекциях своих я могу лишь дать их общие черты, стараясь наметить основные моменты, определяющие эпоху Суворова. Для усвоения подробностей надо внимательно изучать литературу о Суворове. Укажу на работы Масловского: «История военного искусства», отдел Суворова, 3 крупных тома, сочинение Милютина, «Война 1799 года», книги Орлова и Петрушевского; там есть много ценного, что характеризует самого крупного из наших полководцев, но глубокое изучение его впереди. Его смогут сделать те военные ученые, которые серьезно изучат психологию масс и психологию воспитания. Я указываю лишь цели, которые надо достичь для понимания оперативной работы Суворова; мы в кратких чертах разберем наиболее замечательные походы, а именно: штурм Измаила, польскую войну 1794 г. и поход в Италию 1799 г.

Штурм Измаила.

Штурм Измаила Суворовым представляет собой блестящий образчик суворовской тактики, мастерского уменья руководить психологией войска.

Обстановка под Измаилом складывалась следующим образом. Политические условия настойчиво требовали заключения мира. Но мир, выгодный для нас, можно было заключить, одержав какой-нибудь крупный успех. Между тем стояла уже суровая осень, и не было достаточно сил для серьезных операций. В этой общей обстановке, для одержания необходимого нам успеха над турками, Суворову было предписано взять Измаил.

Это была крепость с очень солидными фортификационными постройками, вооруженная 200 орудиями, с гарнизоном в 42.000 человек, из которых 17.000 чел. были янычары; крепость была окружена валом, одетым местами каменной одеждой и глубоким 3-саженным рвом.

Измаил считался совершенно неприступным, и все попытки взять кончились неудачей. Особенно трудной казалась задача овладеть этой крепостью, вследствие полного отсутствия осадной артиллерии. Русские войска, осаждавшие Измаил, были численностью около 20.000 чел., сильно ослабленные болезнями, голодовкой и холодной осенней погодой. Осада шла так неудачно, что было решено отложить военное действие против Измаила до следующего года и перейти на зимние квартиры, что и начали приводить в исполнение. Войска расходились по окрестным населенным пунктам.

Но вот в один прекрасный день или скорее непрекрасный день, под моросящим дождем, на серой казацкой лошаденке, в скромном «прародительском» плаще приехал фельдмаршал, в сопровождении одного лишь казака, который вез в маленьком узелке весь его несложный багаж. Смотрите на эти мелкие детали, которые в глазах солдата играют часто решающую роль: фельдмаршал на плохой лошаденке, один казак везет весь его багаж, но этот маленький человек был победителем под Рымником и Фокшанами. Имя его окружено обаянием. И первое слово его было: никакого отступления от крепости не будет, *крепость будет взята*. Войска, расходившиеся на зимние квартиры, вернулись под стены крепости. В массы вошла новая организующая сила и началась кристаллизация духа победы.

Прежде всего Суворов обратил самое тщательное внимание на выработку плана атаки. Он лично, с дальности

ружейного выстрела (200—300 шагов) произвел разведку крепости, наметив, где и как он будет атаковывать. Затем произвел разведку совместно со всеми старшими начальниками, указав им по карте и *на местности* точки, куда они должны были сосредоточить свои силы перед атакой, и на месте же показал каждому, *в присутствии всех остальных*, ту часть крепости, которую он должен был взять. Этим достигалось, во-первых, точное установление каждому его задачи, а во-вторых, и полная взаимная ориентировка.

Отсутствие осадной артиллерии и невозможность добиться огневого превосходства заставило Суворова решиться на ночной штурм. Но к ночному штурму, кроме простоты и разработки плана, нужна еще тщательная подготовка. Были построены лестницы, фашины для забрасывания рва, и, наконец, в тылу войск построили участок рва и вала, подобных веркам Измаила, и сначала днем, а потом и ночью стали упражняться в том, чтобы научиться штурмовать крепостные верки.

Мало того, самое построение штурмовых колонн было строго обдумано. Впереди должна была итти цепь стрелков, чтобы держать вал под огнем в то время, как будут работать люди по засыпке рва и пока будут влезать на бруствер: за ними люди с фашинами и лестницами, и *охотники наиболее смелые, добровольно вызвавшиеся итти первыми в атаку*. Подготовив это, Суворов назначил день штурма. Только что были неудачи, только что было решено, что крепость взять нельзя и вдруг приезжает новый человек и говорит: «через 3 дня крепость возьмем». Но мало сказать, нужно сделать. И вот вместо пассивности и спячки осады, началась бешеная работа подготовки, каждый человек был захвачен работой, цель и смысл которой *была ему ясна*. Он проделывал точь в точь то, что он должен был сделать во время самого штурма, и убеждался, что ничего невозможного нет, самый штурм по технике дела был осуществим и для каждого бойца ничего нового уже не представлял.

Ведя подготовку штурма, Суворов послал коменданту крепости предложение сдачи, предупредив, что в случае отказа крепость и население будут *даны на разграбление войскам*, т.-е. Суворов, с одной стороны, показывал войскам

заботу об их жизни, стремясь взять крепость без боя, а с другой стороны, делал каждого из них лично заинтересованным в успехе. Взятие крепости означало победителю добычу. Последнее было в духе времени и нам не приходится этому удивляться.

Одновременно с этим Суворов объезжал полки, беседовал с офицерами и солдатами, объяснял им цель и смысл всей операции, чтобы каждый воин ясно понимал свой маневр, напоминал прежние победы, ими одержанные над турками, беседовал со старыми товарищами.

Словом, в ту обстановку апатии и потери веры в себя, которая была под Измаилом до его приезда, Суворов внес бодрящую энергию, твердую волю, кипучую деятельность и блестящую организацию, где каждый знал, куда ему итти и что делать. Мало того, в постоянных упражнениях *каждый боец*, и начальник, и солдат узнали, что это сделать просто и легко. Когда все было готово, Суворов отдал приказ, назначая штурм ночью; по первой ракете подходить в исходные места для атаки, а по второй ракете атаковать. Как было сказано — так было сделано.

По второй ракете колонны бросились на штурм и крепость была взята. Вот что значит воля начальника при разумной, систематичной организации. Хорошая подготовка, большая смелость и решительно веденная атака дали победу, которая всего несколько дней перед этим казалась настолько невозможной, что самую осаду Измаила решено было снять.

В штурме Измаила Суворовым мне кажется замечательным прежде всего удивительная *сила духа* этого маленького, невзрачного на вид человека, и вдобавок сила духа, *имевшая твердую почву в армейской массе*, в ее настроениях, создавшихся исторически из поколения в поколение, начиная с Полтавы.

Эта духовная сила, несомненно, была в «чудо-богатырях»; нужен был лишь организатор, который и офицеру и солдату сумел бы выявить те качества, которые в них были, и показать, что они есть во всех его соратниках, во всем войске. В этом *первая задача вождя*, его высшее дарование и высшая цель. Интуитивно «незримым взглядом» *понять душу*, понять настроения *армии*, понять те *силы*, которые

скрыты в душе и отдельного *человека, и масс, поставить каждого на свое место и использовать всю моральную силу войска.* Войска, отходившие от Измаила, были способны, достаточны сильны духовно, чтобы его взять. Никто, кроме Суворова, этого не видел, а он понял и повел войска на штурм.

Понять — это дар выдающегося полководца. Поняв, поверить своей интуиции и построить на этом весь план своей операции — в этом великая сила воли вождя.

Но мало понять, использовать силы, надо их еще организовать. Беседа, внушение, обучение по приемам, подбор лучших людей на самое опасное место и блестящая техническая подготовка, разведка, ориентировка всех, подготовка комсостава и полная простота плана. Вот все то страшно несложное, но в тактике боя требующее выдающегося дарования, чем интересна короткая операция взятия Измаила.

Польский поход Суворова в 1794 году.

В 1794 году Польша хотя и представляла собой самостоятельное государство, но Россия, Австрия и Пруссия уже два раза отрезали от нее более или менее крупные части; я не имею возможности входить здесь в обсуждение причин этого. Упомянутые государства считали, что так или иначе с Польшей надо покончить, а слабость поляков толкала к решительным действиям ее соседей. В частности, у нас с Польшей еще были давние счеты, еще со времен Ивана Грозного и Смутного времени, когда Польша пользовалась каждой нашей слабостью, чтобы ворваться в наши пределы и захватить наши земли. Польское дворянство во взаимной вражде было неспособно устроить свою внутреннюю жизнь, но для операций вне границ государства соединялось часто очень дружно. Поэтому опасность Польша представляла большую. Второй раздел Польши сохранил независимость сравнительно небольшой части Польши с центром—Варшавой. Волынь и Белоруссия по этому разделу отошли к России. Но даже и та Польша, которая осталась самостоятельной, с небольшой национальной армией, представляла собой разлагающийся организм. Прежде всего борьба польских маг-

натов, мелкой шляхты и «быдла» — крестьянства перепутала все связи государства во взаимной вражде. Жизненные силы страны уходили на внутренние ссоры; сила сопротивления внешним врагам упала, и Польша стала добычей иностранных вожделений. Но когда Польша была поделена второй раз, и самая ее столица была занята постоянным гарнизоном русских, то позор и унижение, которые страна испытывала, вызвали подъем, самоотвержение, создали некоторое подобие гражданского мира. Восстание Польши вспыхнуло в 1794 году. Русские войска, стоявшие гарнизонами в Варшаве и Гродно, были неожиданно атакованы в своих казармах и должны были очистить территорию Польши. Они отступили частью на север к прусской границе, а частью на восток к пределам России.

Один из самых крупных польских людей, генерал Костюшко, был выдвинут на пост главнокомандующего. Он стремился придать начинавшейся борьбе народный характер, опереться *в этом восстании на широкие массы.* Ведь это была пора, когда французская революция создала и выявила силу своей армии, отразившей натиск всей Европы. Костюшко прекрасно понимал, что такие результаты были достигнуты благодаря тому, что французский народ считал эту войну своей войной, и отдал ей свои лучшие силы. Поэтому и Костюшко стремился сделать войну за освобождение Польши одновременно войной за освобождение широких народных масс, призывая шляхетство к уступкам, к улучшению быта народа. Но, с одной стороны, благодаря низкому уровню развития и сознания польского народа, а, с другой стороны, благодаря эгоизму польских дворян, не желавших поступиться своими привилегиями, Польше пришлось вести внешнюю борьбу, опираясь не на широкие народные массы, а на сравнительно небольшие группы людей, идеалистов, более развитых, самоотверженных и готовых ради самостоятельности Польши бороться до смерти с внешним врагом, независимо от внутренних отношений. В борьбе с огромными силами тогдашней России этот факт предопределял исход борьбы. Екатерина Великая решила использовать это восстание для того, чтобы совершенно покончить с польским вопросом и *уничтожить самое существование Польши,* вносившей столько осложнений в жизнь восточной Европы. Такова

была политическая обстановка борьбы и задача, поставленная вооруженной силе России.

Посмотрим, как выполнялась эта задача, с военной точки зрения. Должен отметить, что после победы над народным восстанием Пугачева, внутренние раздоры дворянства возобновились. Не имея вне себя сколько-нибудь серьезных сорганизованных общественных сил, которые могли бы внести коррективы в дворянскую политику во имя блага всей страны, руководители жизни России взялись за внутреннюю борьбу, правда, гораздо менее серьезную, чем в Польше, но уже и это имело крайне вредное влияние на боеспособность нашей армии. Прежде всего развилось казнокрадство, хищения в интендантстве. Ссоры, перенесенные из столицы в армию, доходили до того, что некоторые начальники оставляли свои войска на театре войны и уезжали в свои поместья. Когда на предыдущих лекциях я рисовал воспитание и обучение в нашей армии Суворовым, то это было лишь одно из течений нашей военной жизни, это была линия Суворова, Румянцева. Армия той поры представляла собой несколько различных групп, и суворовская армия не была единственной, не была даже главной, между этими группами шла непрестанная борьба различных влияний, личных интересов и самолюбий. Суворов ведь не был главнокомандующим всех вооруженных сил армии, ему подчинялась то одна, то другая группа, и его влияние распространялось на всю армию лишь благодаря высокой практической ценности его идей и обаянию его личности, его побед. Но официально Суворов был только одним из генералов, далеко не решавшим судьбу всей нашей армии, особенно на войне, при руководстве всеми вооруженными силами. Теперь, когда перед вами нарисована эта картина внутренних отношений нашей армии, вы поймете многое в развитии этой интересной кампании, что иначе было бы совершенно непонятным. Для подавления польского восстания и уничтожения польской регулярной армии наши небольшие силы в Польше (главная масса войск была все еще прикована к турецкой границе) были усилены как австрийскими, так и прусскими войсками. Пруссия выделила для борьбы с Польшей и послала по направлению к Варшаве вместе с войсками Ферзена, составлявшими ранее гарнизон Варшавы и отступившими к прусской границе —

около 15.000 чел.; однако наступление велось крайне медленно, между прочим, потому, что силы Пруссии были связаны на западной границе в борьбе с французской революцией. Со стороны России были выдвинуты войска под командой ген. Репнина на фронте от Полесья до Балтийского моря, при чем штаб Репнина, по приказу из Петербурга, находился... в Риге Южнее Пинских болот действовали части, выделенные из южной армии и подчиненные Румянцеву, имевшие задачей ту же борьбу с Польшей.

Всеми этими тремя группами русских, Ферзена на западном берегу Вислы, Репнина и Румянцева командовала не выезжавшая из Петербурга военная коллегия, во главе с кн. Салтыковым. Она должна была объединять своими директивами действия этих трех групп, разделенных огромными пространствами.

Началась борьба. Войска поляков, постоянно усиливавшиеся новыми формированиями, насчитывали в общей сложности до 70.000 чел.

Они были также разделены на 3 группы. Первая, действовавшая к югу от Полесья, вторая в районе Гродно и третья на запад от Варшавы, против ген. Ферзена и пруссаков. Регулярные армии их были усилены бандами повстанцев и партизан, боровшихся против иноземного вторжения. Эти партизанские отряды сильно мешали нашим операциям. Наше наступление в Польше, веденное вяло и нерешительно, быстро замерло, ибо борьба с местным населением, нападение на отдельных людей и команды, уничтожение обозов и т. п. партизанские действия крайне стесняли наши операции, не имевшие твердого руководства и ясно поставленной цели. Наши войска понесли ряд мелких поражений, оказались отрезанными от своих снабжающих органов и принуждены отойти обратно к своим границам. Война началась 6 апреля восстанием в Варшаве, и 1 сентября не привела ни к каким результатам; наши, австрийские и прусские войска были везде оттеснены и это привело наше командование к убеждению, что в этом году с Польшей не справиться; было принято решение прекратить военные действия и стать на зимние квартиры. Типичный пример, когда отсутствие единого командования, решительности в действиях, ясно поставленной цели и энергии в исполнении, приводит

к полной неудаче операции. Те же, примерно, причины приводили к безуспешности в борьбе с французской революцией, давая ей время, нужное для организации армии. Переходом на зимние квартиры и мы точно так же давали полякам самое дорогое на войне — *время*. Попутно в наших войсках падала вера в успех, силы дезорганизовывались, достижение цели отсрочивалось на неопределенное время. В это время Суворов командовал армией, находившейся на границе Бессарабии. Настоящий большой человек понимал, что войну с Польшей надо вести иначе. Он полагал, что нечего возиться с маленькими партиями, а нужно соединенными силами итти быстрым и решительным маршем в тот политический центр, который руководил движением; по его мнению, следовало наносить удар по экономической базе и политическому центру, которые питали движение. На пути к этим центрам противник должен будет встретить наступающих и драться, а раз можно будет драться, то Суворов был убежден, что он разобьет живую силу врага. Армия противника потеряет силу сопротивления, и тогда освободившиеся силы легко подавят все мелкие партии повстанцев. Суворов полагал, что нужно наступать не мелкими частями, разбросанными на широком фронте, но двигаться сосредоточенными силами к жизненным центрам страны. Это движение, по мнению Суворова, неизбежно должно было повести к уничтожению живой силы врага и к концу войны. И вот Суворов подал Румянцеву докладную записку, в которой говорил, что война с Польшей должна быть закончена в 40 дней. Румянцев утвердил мнение Суворова и поставил ему задачу покончить с поляками.

Суворов находился в это время в Немирове в районе Каменец-Подольска. Получив задачу, с небольшим отрядом в 5 т. человек и 10 орудиями, усилившемуся потом до 10.000 чел., с 25 орудиями и 800 казаками, Суворов приступил к выполнению поставленной ему цели.

14 августа Суворов выступил из Немирова, в 7 дней марша привел свои войска в Варковичи, сделав переход 270 верст в 7 дней. 23 числа он дал войскам дневку, 24 марш продолжался до 28 числа; войска, делая по 25 верст в день, 28 пришли в Ковель. Следовательно, в 14 дней был сделан переход в 400 верст. Марш был очень тяжелый, но так как

он был правильно сорганизован, то оказался по силам войск, тем более, что суворовские войска все время обучались форсированным маршам и были втянуты в поход и его тяготы. Суворов учил: «тяжело в учении, легко в походе». Интересна подробность, как много внимания обращал Суворов на довольствие войск. Походных кухонь тогда не было. Чтобы накормить войска, Суворов посылал вперед, под прикрытием казаков, кашеваров с котлами; заранее прибыв на ночлег, они готовили пищу, и когда войско подходило к бивуаку, суп кипел, каша была готова, все это быстро раздавалось, солдаты были накормлены, сыты, веселы, пели песни,— дух войска бодр. Дальше Суворов обращал внимание на то, чтобы в трудную пору марша связь офицера с солдатом не нарушалась. Наоборот, перенесение тягот и опасностей во время тяжелых операций бок о бок, офицером и солдатом, сплачивало их в одну семью, поэтому мы видим, что старый фельдмаршал, — ему было в 1794 году 68 лет, — ехал не в покойной коляске, не на чистокровном английском коне, а на обыкновенной казацкой лошадке, просто одетый. На походе он все время объезжал части, беседовал с войсками, вспоминал прошлые победы, а если видел непорядок, то делал вид, что дремлет; он не любил бранить часть, подрывая в ней веру в себя; не делая выговора, он проезжал молча мимо, и все знали, что где-нибудь непорядок. Если же полк шел в порядке, то он подъезжал к нему, вспоминал старых боевых товарищей, былые победы Измаила, Рымника, блестящие страницы истории полка, с которым говорил; он беседовал, шутил с офицерами и солдатами. Во время ночлегов Суворов оставался вместе с солдатами, спал на соломе, ел щи и кашу, первый вставал, последний ложился. Я передаю все эти детали, чтобы вы видели, как держался с войсками этот великий знаток души человеческой. Он жил одной жизнью с «серым» крепостным солдатом, он видел в нем живую человеческую душу и к этой душе обращался. «Купите сердце человеческое — он все вам отдаст». Эта постоянная нравственная связь с войском, несмотря на усталость, на года, имеет громадное значение, когда войска выходят в поход. Если одновременно начальник оказывает солдату внимание, заботится об его пище, одежде, не брезгует поговорить с ним, то солдат глубоко привязывается

к своему начальнику и пойдет с ним в огонь и в воду. Но связь эта легко может порваться, если в трудную минуту начальник, ссылаясь на свои года, на усталость, на свое высокое положение, отойдет от войска и будет сидеть, окруженный блестящими адъютантами. Суворов знал, что надо сверх этого овладеть воображением масс, фиксируя их внимание оригинальными поступками. Этим Суворов часто пользовался. Например, в польском походе Суворов объявил, что солдаты должны вставать по петушиному крику. Суворов первым вставал и, выходя мыться, кричал «ку-ка-ре-ку» еще задолго до рассвета, все вставали и трогались в путь. Вот примеры того, как начальник, понимающий психологию масс, может вести за собой массу бойцов. Когда Суворов пришел в Ковель, он получил сведения о том, что в районе Бреста находятся польские войска генерала Сераковского, одна из 3 групп неприятеля, выдвинувшая сильные части в сторону Пинска; насколько далеко было это выдвижение, Суворов в эту минуту определить не мог. Но, развивая свою основную идею, он повернул от Бреста к северу, рядом быстрых маршей настиг этот авангард и в боях под Кобриным и Крупчицами разбил их. Преследуя врага форсированными маршами, он настиг войска Сераковского в Бресте на рассвете, неготовыми к бою, не ожидавшими его подхода, считавшими невозможным такое быстрое движение, и нанес им решительное поражение. Суворов писал в своем катехизисе «Наука побеждать»: «Из-за лесов дремучих, из-за гор высоких, грянь на врага, коли, режь. Он думает ты далеко, за 50 — 100 верст, а ты уже тут». В этих нескольких образных словах вы видите основной метод суворовской тактики, который и для нас имеет много ценного. Слабые в технике, уступающей противнику, мы можем быть сильны быстротой, энергией действий и, быть-может, легкомыслием нашего противника, недооценивающего наши силы, который спит или поет и веселится, а мы «из-за лесов дремучих можем подойти неожиданно и броситься в атаку». И тут у страха глаза велики, и люди, вооруженные с ног до головы, как это было в армии Сераковского, люди от неожиданного удара теряют присутствие духа, и неприятель разбит. 8 сентября Суворов занял Брест, пройдя от Немирова около 600 верст в 25 дней, по 24 версты в день выдержав 4 боя с неприятелем, который

везде был разбит. Перед Суворовым стоял вопрос: что делать дальше? Вы видите, с каким невероятным подъемом, с каким напряжением шла эта операция, совершались огромнейшие марши, выдержано было несколько успешных боев, противник был застигнут врасплох и бежал, оставляя узел Полесья и важный административный центр — Брест; занятие его произвело громадное впечатление на врага, что было отмечено в целом ряде приказов Костюшки. Особенно характерно, что этот крупный успех был одержан Суворовым в то время, когда остальные начальники считали кампанию этого года законченной и становились на зимние квартиры, подобно тому, как это было под Измаилом. Что делать дальше? Казалось бы, развивая ту же основную мысль, итти вперед и вперед на Варшаву. Однако мы видим, что в Бресте Суворов становится на иную точку зрения. Обстановка к тому времени была уже другая, чем в Немирове. Прежде всего, он вышел из того района, где он был подчинен только Румянцеву, весьма к нему благоволившему, и оказывался в необходимости тесного взаимодействия с Репниным, который его не терпел. Кроме того, Суворов был теперь в центре страны, охваченной восстанием, с необеспеченными флангами и коммуникационной линией. Гродно в его тылу было занято противником, и только с великим трудом Румянцеву удалось добиться того, чтобы Репнин поддержал Суворова, заняв Гродно. Суворов не считал возможным продолжать наступление до тех пор, пока он не будет гарантирован от неожиданного встречного удара врага, который мог его окружить и отрезать от сообщения с тылом. Настоящий начальник не боится удара врага, но каждый начальник обязан так вести операции, чтобы этот удар не был неожиданным и чтобы тыл был обеспечен. Значит, перед Суворовым стояла задача — обеспечить безопасность флангов и тыла. Главнокомандующий не выполнил задачи, если забыл о тыле. Тыл должен быть в порядке, так как случайные неудачи всегда могут быть, а случайная неудача при дезорганизации тыла разрастается из неудачи в серьезное поражение. Однообразна и скучна эта работа, но главнокомандующий не может быть гарантирован в успехе, если будет поступать так, как поступал Карл в Северной войне, когда он шел на Россию, как корабль в море, оторванный от берегов. Суворов остался в

Бресте и принял меры к упорядочению тыла и организации взаимодействия с соседями. Именно таково мнение Наполеона, который всегда говорил, что коммуникционная линия должна быть всегда обеспечена.

Для обеспечения фланга он именем императрицы послал приказ Дерфельдену, подчиненному Репнину, действовавшему правее его, немедленно вступить в его распоряжение и итти на соединение с ним в район Н. Минска, чтобы вместе атаковать Прагу и Варшаву. Я подчеркиваю этот факт. Когда наступает решительная минута, то приходится, несмотря ни на какие формальные соображения и без всяких колебаний, брать всю ответственность на себя и действовать так, как действовал Суворов.

Таким путем ему удалось добиться не только обеспечения своего фланга, но и содействия сил, подчиненных Репнину. Подобным образом он согласовал свои действия с корпусом Ферзена на западном берегу Вислы. Одновременно рядом энергичных мероприятий он устроил свою коммуникационную линию на Ковель и продовольственную базу в Бресте. Но время, потраченное на административную и стратегическую подготовку операции, не прошло зря для подготовки войск. Постоянные ученья, маневры, атаки укрепленных позиций—все это было применено для поднятия боеспособности войск. И вот, когда вся эта подготовка была закончена, то рядом энергичных маршей, сбивая польские авангарды (кобылка), Суворов соединил силы всех 3 отрядов русских, свой, Ферзена и Дерфельдена, и с ними быстро подошел к правобережному предместью Варшавы—к Праге. Сильно укрепленная, хорошо обороняемая Прага могла надолго задержать наше наступление и затянуть войну. Но Суворов смелым ночным штурмом, подобным штурму Измаила, овладел Прагой и этим ударом заставил поляков сдаться и кончить войну.

Вот то, что я мог в пределах предоставленного мне времени рассказать вам об этой блестящей кампании, считая, что каждому из вас необходимо познакомиться с ней подробно, хотя бы по книге Орлова «Штурм Праги». Каждому из вас придется работать в подобной обстановке полевой войны с широким полем самодеятельности. Пример Суворова поможет вам уяснить себе, как должен драться начальник,

действующий в трудных условиях западного театра, при восстаниях местного населения, при неизбежных трениях в среде командного состава, с какой энергией, не задумываясь, брать всю ответственность на себя, когда нужно, решительно атаковать, быстрыми переходами настигая врага, не ожидающего близкого нападения, и при всем том чрезвычайно внимательно относясь к устройству тыла, к обеспечению своих флангов. Молниеносные операции Суворова не были авантюрой. Направленные в самое больное место врага, на уничтожение живых сил неприятеля, это была операции методические в том высшем смысле, как это понимал Наполеон. При чтении подробных описаний вы увидите, что я нарочно привел пример штурма Измаила и польской кампании для того, чтобы вы видели пример, как при сложной системе многоголового командования, руководившего нашими силами в Польше, когда уже считали, что кампания 1794 года проиграна и пора стать на зимние квартиры, как настоящий большой человек, с большим сердцем, в той же самой обстановке находит такие средства и возможности бороться, которых не умели найти люди слабые духом, пытавшиеся решать ту же самую задачу.

Отступая несколько от моей основной цели, я должен сказать, что военное дело, с одной стороны, может-быть, больше, чем всякое другое, есть дело коллективное. Сражается миллионная масса Ивановых, Петровых, Карповых, которые общими усилиями достигают цели, при чем масса эта действует анонимно. Кто знает эти полтора миллиона убитых людей, которые лежат на пространстве от Балтийского моря до Персии, но которые сделали то дело, которое исторически лежало на них в 1914—1917 годах, те миллионы бойцов, которые погибли на беспредельных фронтах мировой войны? Но этот коллектив может тогда только действовать успешно, тогда только его усилия приведут к победе и кровь не будет пролита зря, когда этот коллектив организован, когда управление всей этой массой людей поставлено правильно, когда учтена индивидуальность каждого человека в рядах, когда управление этой массой строго индивидуализировано, ибо в том только случае можно извлечь всю энергию, заключающуюся в каждом бойце, когда каждый имеет возможность развить все свои способности, проявить

свою самодеятельность так, как это делал Суворов и его войска.

Польский поход Суворова интересен с двух точек зрения—с политической и с военной,—факторов, тесно связанных в замысле и осуществлении похода. Суворов боролся с восстанием, опиравшимся в известной степени на народное движение. Силы поляков в процессе борьбы нарастали. Успехи давали выигрыш времени. Восстание разросталось, крепло и вновь и вновь побеждало. Повторялась картина борьбы на Западе, борьбы французской революции с армиями «кунктаторов стратегов» Пруссии и Австрии. Своей «методической» борьбой за местность, забывая живую силу врага, забывая жизненные центры, ум и волю восстания, они давали французской революции стать на ноги и создавать одну армию за другой.

Суворов сразу понял всю бесполезность приемов, применявшихся людьми, которых он звал «жалкими академиками». Не за местность, не за город боролся Суворов в этой кампании. Он наносил удар *живой силе* врага, он направлял главные свои усилия на мозг и сердце врага, на Варшаву. Ни одной лишней минуты не потратил он в пути, но стремительным ударом он обрушился *на ту точку театра войны и жизненный центр страны, который и решил, и надолго, судьбу польского народа.* Мы можем так или иначе относиться к политическим целям, за которые тогда боролась Екатерина, но осуществлены эти цели были мастерски.

С военной точки зрения поражает прежде всего удивительная смесь *безудержной отваги,* быстроты, *с величайшей осторожностью.* 600-верстный марш с 4 сражениями, совершенный в 24 дня, и осторожное выжидание в Бресте до тех пор, пока ему не удалось создать стратегическую обстановку, допускавшую дальнейшее столь же стремительное наступление. *Точный учет реального соотношения сил,* позволявший или не позволявший операцию, был всегда характерной особенностью нашего полководца, завещавшего этот прием и своим отдаленным потомкам.

В этой операции нас занимает его настойчивость и уменье создать возможную для действий обстановку даже в среде генералов, к нему нерасположенных. Действуя местами мягко, дипломатически, местами дерзко, беря на себя отдачу при-

каза именем императрицы, Суворов достигал необходимого *единства действий* всех разрозненных сил различных отрядов, боровшихся с поляками, и *сосредоточенными* силами нанес полякам решительный удар.

Характерным здесь, как и во всей деятельности фельдмаршала, было его изумительное отношение к солдату и офицеру, полное сердечной теплоты, участия и простоты в обращении и жизни, подкупавшее всех.

Не оставим без внимания тот яркий *наступательный дух*, которым была проникнута вся операция.

Блестящий успех венчал всю эту разнообразную деятельность полководца.

Итальянский поход Суворова в 1799 г.

В 1792 г. в Европе загорелась героическая борьба французского народа за свободу, за торжество идей революции. Почти все монархии Европы вошли в коалицию, поставившую себе целью подавить французскую революцию и восстановить власть королевского дома. Долгое время, до 1799 г. Россия оставалась нейтральной, но вследствие отзвуков, которые французское движение будило в только-что аннексированной нами Польше, Павел I увидел себя вынужденным примкнуть к коалиции (вот как одна ошибка необходимо влечет другую, втянувшись по доброй воле в польскую авантюру, мы были уже втянуты во французскую). Суворов с самого начала интересовался этой войной. Он интересовался ею потому, что военный человек не может равнодушно смотреть на то, как другие не могут справиться с той задачей, которая ему кажется по плечу. Суворов же, быстро и решительно покончив с польским восстанием, не мог понять, как лучшие генералы Пруссии и Австрии топчатся на месте около французских крепостей, вместо того, чтобы перенести удар в центр революции — в Париж. И вот Суворову пришлось принять командование войсками, назначенными императором Павлом для борьбы с Францией.

Кампания 1799 г. в Италии представляет для нас огромный интерес злободневности. Она интересна потому, что в этой борьбе столкнулись армия французской революции, — армия, вышедшая из гражданской войны, воодушевленная

новыми идеями, несшая новый мир и новые возможности тем народам, с которыми она сражалась, несшая им освобождение от рабства феодального строя, а, с другой стороны, действовала наша армия, сильная своими традициями, сложившимися исторически, сильная своим укладом, воспитанная и обученная по суворовской «науке побеждать». Это была армия дворянства, находившегося в полном расцвете своих сил. В этой борьбе на итальянских полях столкнулись — сильное национальное чувство русских, их традиций с революционным подъемом французов. Так как именно на национальном чувстве строятся те армии, с которыми нам предстоит столкнутся, а, с другой стороны, именно силы революции, составляют нашу главную опору в будущей борьбе, то и мы к этому столкновению 1799 г. должны отнестись с наибольшим вниманием, особенно потому, что по злой воле судьбы мы и французы поменялись ролями.

Я надеюсь, что вы не ограничитесь теми краткими сведениями, которые я могу вам сообщить, а изучите эту кампанию лучше всего по труду Милютина или, в крайнем случае, по более сокращенному и более поверхностному очерку Орлова. Пусть опыт истории пойдет нам на пользу в надвигающемся испытании.

А. В. Суворов изложил в кратких чертах приезжавшему к нему генералу Прево основные идеи своего плана действий против французов. Главным лозунгом Суворов выдвинул: «Ничего, кроме наступательного. Осадами не заниматься. Главной массой итти прямо на Париж. Обходов противника не бояться, — кто обходит, тот сам обойден», т.-е. если, собрав на главном направлении для главного удара большие силы, главнокомандующий будет вынужден временно ослабить себя на второстепенных направлениях и понесет там даже неудачи, то этого бояться нечего. Поражение там не страшно, ибо, разбив врага на решающем театре, наступающий затем уничтожит все, что противник неосторожно выделит для решения второстепенных задач. Все, что будет выдвинуто врагом в иных местах, Суворов рассматривал, как верную добычу.

Еще во время кампании против Польши Суворов сразу намечал, куда надо итти, чтобы покончить с войной. Он говорил: нечего терять время на хитрые маневры, нечего

бояться сражения, надо наносить решительные удары, итти на Париж, бить прямо в мозг и сердце, которыми живет и думает страна. Изучавший войны коалиции против французской революции, знает, что союзники делали все, что угодно, но только не то, что было нужно по мнению Суворова. Они осаждали крепости, заботились о коммуникациях, о зимних квартирах, о прочном занятии границ и т. д., но дружных сильных ударов сосредоточенными силами по живой силе врага они не умели наносить. Война тянулась из года в год все с большим и большим успехом для Франции. К 1799 году в союзе против Франции оставались только Австрия и Англия. Франции удалось вывести из борьбы и принудить к миру большую часть своих врагов, а именно Пруссию, Сардинию, Испанию, Голландию и Бельгию. Казалось бы, что может быть проще, как собрать возможно больше сил, сосредоточить их в мощную группу и итти на Париж, вынудив врага к решительному бою, но политические причины мешали этому. У Австрии были свои цели — захват Италии. У Англии — свои, в колониях и на южном берегу Ламанша. Поэтому война приобретала совершенно иной характер, и политика, грубо вмешиваясь в стратегию, мешая достижению военных целей, компрометировала осуществление задач политики. Казалось бы ясным, что, уничтожив живую силу Франции, заставив ее стать на колени, можно было делить ее как угодно. Но политики часто считают, что они должны руководить и военными операциями, и в результате Суворов, посланный с русскими войсками на помощь Австрии, оказался в распоряжении австрийского придворного совета — гофкригсрата, который направил его не на главный операционный путь — на Париж, а для завоевания Италии. Италия была в это время, несомненно, второстепенным театром военных действий, который отпал бы сам собой, если бы Франция была побеждена и революционное правительство в Париже подавлено. Но Италия представляла очень крупный политический интерес для Австрии, поэтому Суворов с русскими войсками был направлен на присоединение к австрийской армии в Италии, располагавшейся в это время в долине Адижа. Для нас, изучающих военную историю, Италия в 1799 году представляла особый интерес. Ведь всего два года тому назад, в 1796 г., на итальянских полях и горах Бонапарт

развернул свой блестящий итальянский поход, руководя почти теми же самыми войсками. С небольшой армией в какие-нибудь полгода он прошел от границ Франции — из Ниццы — через всю северную Италию, разбил все войска, которые выдвинула против него Австрия, форсировал Альпы и движением на Вену заставил Австрию заключить Кампоформийский мир, принесший большие выгоды для Франции. Генералы и солдаты революции составляли и в 1799 году итальянскую армию Франции, при чем многие из них участвовали в борьбе 1796 года. Не хватало немного—генерала Бонапарта.

На борьбу с этими войсками Франции и на этот театр военных действий австрийское командование направило русский вспомогательный корпус, вручив Суворову главное командование и над австрийскими войсками в Италии. Невольно задумаешься над вопросом, что было нужно русским войскам, русскому офицеру и солдату в Италии. Если вдуматься в психологию русских войск, посланных в Италию, то кажется, что никакие импульсы духа не могли побуждать их к борьбе и смерти на полях Требии и Нови, а, между тем, исторический факт непререкаем, что русские войска дрались там с удивительной доблестью. Видимо, сила традиции в армии, воспитанной на одной общей всем идее, на славе старых походов, поддерживала твердость духа в нашей армии. На равнине Италии и горах Швейцарии русские войска шли и умирали за тот же лозунг: «За веру, царя и отечество», и он был для них тем великим аргументом, который был сильнее и действительнее страха смерти; такова сила традиции в армии, — традиции, действующей даже тогда, когда, казалось бы, объективная действительность, со всей очевидностью, противоречит справедливости того дела, которое под привычным лозунгом делают войска.

В записках и воспоминаниях участников похода, а также в свидетельствах иностранцев, мы узнаем, что войска Суворова были необычайно воодушевлены, они считали, что борются за правое дело, что борятся с «безбожными» французами, отрубившими голову своему королю и угрожающими России, несмотря на то, что армия была в Италии, за много сотен верст от родной земли, сражаясь за то, чтобы завоевать итальянские провинции Австрии. Такова была объек-

тивная обстановка; войска же наши считали, что они делают что-то великое, что-то нужное России. В этой борьбе наша армия была проникнута мощным национальным чувством, которое было настолько сильно, что захватило в своем порыве даже австрийские войска, как известно, никогда не отличавшиеся особой храбростью. Я считаю необходимым еще и еще раз отметить значение национальной идеи, как цемента, формирующего мощь армии, построенной на силе исторических традиций. Нам необходимо ясно понимать значение этого фактора, ибо именно с сопротивлением национальной идеи мы столкнулись в Польше. На этой идее буржуазия Западной Европы строит сейчас армии контр-революции. Вот почему борьба 1799 года носит для нас такой характер злободневности. Наша армия появилась в Италии со следующими основными директивами: император Павел, ставя Суворова во главе армии, сказал ему: «иди и воюй, как умеешь», т.-е. дал ему то, что Суворов считал необходимым для успеха,—«полную мощь главнокомандующего». Казалось бы, наша армия, не имевшая никаких личных интересов в Италии, шла на борьбу с французами во имя чисто идейных интересов и могла руководиться лишь указаниями стратегии. Но наши войска, направленные в Вену, получили от гофкригсрата чисто-политическую цель действия, далекую от принципов стратегии,—захват северной части Ломбардии, по левому северному берегу реки По, и обеспечение Австрии от опасности неприятельского вторжения. Здоровая стратегия есть результат сильного духом народа. Но Австрия в ту пору была страной, где реакция торжествовала и политика вмешивалась в стратегию самым нелепым образом. Я вам уже называл единственно правильный план, который мог привести к существенным результатам и кончить войну: это был план итти на Париж, уничтожая на пути к нему живую силу врага. Стратегия должна была сама наметить те способы, которые легче всего разрешали эту задачу. Но политика Австрии с первого шага вмешалась в действие нашего полководца, указывая ему его действия во всех деталях: ему поручено было занять Ломбардию, двигаясь непременно по северной стороне реки По. В этом вмешательстве коллегии, постоянно стремившейся руководить действиями главнокомандующего и отдававшей

непосредственно приказания австрийским войскам, действовавшим под командой Суворова в Италии, кроется трагедия этой кампании и нашего вождя. Когда вы будете изучать этот поход, обратите внимание, насколько ясна была обстановка, цель и пути к ее достижению нашему полководцу и как вмешательство в его работу, с одной стороны, политических сил, а с другой стороны, навязчивое руководство гофкригсрата сводит к нулю всю его энергию и все его победы.

Военные действия развивались следующим образом: Суворов прибыл с войсками в Италию в то время, когда австрийцы стояли на р. Адиж, впадающей с севера в реку По. Вся средняя (Тоскана) и южная Италия, а также большая часть Ломбардии, были заняты французами, главные массы войска которых были расположены: одна в районе реки Адды и у крепости Мантуя, против главных сил австрийской армии, а другая в Тоскане, т.-е. на юге от реки По. Вот обстановка, которую Суворов застал в Италии. Говоря об начале кампании, нужно отметить, что Суворов сосредоточивал на итальянский театр силы как русских, так и австрийских войск усиленными переходами. Эта мера не сразу понятна. Казалось бы, выгоднее подвести войска на театр военных действий с полным запасом сил, но Суворов сразу хотел дать то, что теперь называется модным словом: *твмп работы*. Этот момент кажется с первого взгляда незначительным. Но в действительности темп работы играет в военном деле огромную роль. Суворов прошел через Австрию усиленными, суворовскими переходами, сразу взяв ускоренный темп работы; он, как никто, понимал великое значение темпа, влияющего самым решительным образом на создание бодрого духа, способности к большим напряжениям. Во время перехода в австрийские полки были разосланы русские офицеры и унтер-офицеры—инструктора, которые работали в австрийских частях, обучая их тактике наступательного боя, т.-е. тому, что составляло особенность нашей армии. Не той наступательной тактике, которую можно назвать «вали валом, потом разберем». Такое наступление ничего, кроме поражения, принести не может. По учению Суворова, в наступательном бою войска должны были наносить стремительный удар, быстро проходя корот-

кую в то время полосу огня, но, нанося удар, они должны были сохранить маневренную способность, т.-е. наступление должно было быть технически разучено войсками. Суворов об этом и заботился; кроме того, рядом технических приемов, которым войска обучались, самому бодрому, самому стремительному образу действий——наступлению, Суворов этим приемом воспитывал дух войск. Он приучал их к тому, что во время самого быстрого наступления они не теряли порядка и сохраняли чувство мощи, уверенности в себе; это был технический прием, при помощи которого Суворов умел воздействовать на психологию войск. С этими целями он посылал своих лучших офицеров инструкторами в австрийские войска и старался развить в них веру в наступательный образ действия. Он учил их, что умело веденное наступление есть ключ к победе.

С другой стороны, подготавливая психологию своих войск к трудной борьбе, он понимал, что австрийцам необходимо вернуть потерянную веру в себя, а русским внушить уверенность, что австрийцы не так уже плохи и что вместе с ними можно одерживать победы. Поэтому Суворов с особенным вниманием подготовляет обстановку, обеспечивающую ему успех в первом столкновении с врагом. Суворов умышленно сосредоточил 25 тысяч человек с мощной артиллерией, т.-е. около половины своих войск, для атаки маленькой крепостцы Брешии, занятой французским гарнизоном, с тем, чтобы первый бой непременно завершился успехом. Гарнизон крепости составлял около 1000 человек и 40 орудий, и комендант ее, увидя громадную силу, сосредоточенную к ее стенам, счел борьбу бесполезной и сдался. Этот мелкий успех Суворов всеми способами «раздул» с тем, чтобы в первом же столкновении с врагом, столкновении успешном, войска почувствовали свою силу, поверили в себя, что было особенно важно для австрийцев, в течение долгих лет не знавших ничего, кроме поражений.

За взятием Брешии операции Суворова развивались очень быстро. 10 апреля была взята эта крепость, 14-го наши войска подошли к реке Адда, на которой французские войска оказали свое первое серьезное сопротивление. Но Суворов искустным маневром форсировал реку и отбросил противника на запад, взяв часть неприятельских войск—дивизию Серю-

рье—в плен. Преследуя разбитых французов, Суворов занял столицу Ломбардии, Милан, пройдя в 9 дней 150 верст (Адиж—Милан) и одержав при этом 2 победы. Темп похода был с самого начала показан образцовый. Противник отошел главной массой на Турин и был затем оттеснен на берег Средиземного моря. Пропуская, за недостатком времени, целый ряд более или менее интересных эпизодов, мы перейдем сразу к следующему периоду кампании, который представляет для нас наибольший интерес. Но мне хочется попутно отметить еще один момент; когда в результате его блестящих действий Милан был занят, Суворов в своем донесении в Вену намечал развитие наступательных действий, преследуя врага с тем, чтобы, «победив, гнать врага до сокрушения, ибо не дорубленный лес быстро выростает». Но Суворову в рескрипте от 1 мая из Вены писали, чтобы он ограничил свои действия левым северным берегом реки По. На южный берег не переходили, сосредоточили свои усилия на взятии всех французских крепостей в Италии, в особенности Мантуи, которая считалась ключом к Италии. Такой приказ ему был послан из Вены в тот момент, когда, по глубокому убеждению Суворова, согласованному с основными принципами стратегии, нужно было развивать успех, нужно было добивать живую силу врага и вторгнуться на территорию Франции, так же, как два года назад сделал Бонапарт, вошедший из Италии в Австрию, и тем исправить основную ошибку, когда Суворова направили в Италию, а не на Рейн.

Конечно, будь его воля, Суворов эту директиву из Вены не исполнил бы, но большая часть стоявших под его командой войск были австрийцы. В это время в его распоряжении было 81.000 человек, из которых всего 17.000 русских. Австрийцы же исполняли только те приказы, которые санкционировались из Вены.

Вследствие этого из всех подчиненных ему войск он мог только 35.000 человек выделить в маневренную группу, все же остальные силы оказались занятыми осадой крепостей и обеспечением тыла со стороны Швейцарии. Длинный период прошел в бездействии. Наконец, к 16 мая австрийцы овладели цитаделью Милана и постепенно взяли целый ряд мелких крепостей, как-то Александрию, Тортону, цитадель Ту-

рина и т. д. Тем временем прибывшим подкреплением общая сила войск, подчиненных Суворову, возросла до ста четырнадцати тысяч человек, но действия их были скованы попрежнему приказами того же гофкригсрата, имени которого Суворов без проклятия не мог произнести. У него под рукой оставались свободными только 40.000 человек, а остальные части продолжали тратить время в осаде крепостей, в особенности Мантуи.

Противник использовал подаренное ему время для приведения в порядок и усиления своих сил, группировавшихся в двух направлениях: генерал Моро, хорошо известный в войнах революции, с 25-ю тысячами располагался в районе Генуи, и генерал Макдональд с 30 тысячами находился в средней Италии.

Расстояние между этими группами по прямой линии было около 10 переходов, но не было ни одной колесной дороги, по которой войска могли бы соединиться по сухому пути, а на море господствовал английский флот. Для связи была только вьючная тропа, так что армия этих двух генералов могли соединиться только к северу от Апеннин в долине По, но в районе, занятом русско-австрийской армией. Именно это решение и было принято французским командованием: одновременно перейти в наступление обеими группами и соединиться в районе Пиаченцы. Я подчеркиваю это решение для того, чтобы вы могли отметить себе, какую ошибку они сделали, намечая район сосредоточения в пределах, занятых противником, вдобавок противником таким энергичным и решительным, каким был Суворов.

В конце мая Суворов получил донесения о готовящемся наступлении французов, но обстановка была ему еще очень неясна. Он не знал, как произойдет нападение? Одновременно ли с двух сторон, или же французы ударят силами одной из своих групп.

Для противодействия планам противника Суворов сосредоточил все, что мог, вернее все, что ему позволил гофкригсрат, а именно около 30.000 солдат в районе Александрии, откуда он мог ударить и в сторону Ниццы и в сторону Генуи, в сторону Моро, и в сторону Тосканы, откуда он мог ожидать появления Макдональда.

Отметим, что усилиями гофкригсрата, стремившегося прежде всего овладеть крепостями и чрезвычайно опасавшегося за тыл, угрожаемый и со стороны Швейцарии, Суворов мог сосредоточить всего 33.000 солдат из тех 110.000, которые находились на итальянском театре войны.

Обстановка перед Требией принадлежит к числу тех, когда великий полководец сказывается во весь свой рост. Обдумайте обстановку, как она сложилась к этому моменту, взяв исходные данные так, как они изложены у Милютина. Что было делать? Откуда последует нападение противника? Следует ли выжидать нападения противника или самим перейти в наступление, или же, опасаясь быть отрезанным, поспешить заблаговременно отойти на северный берег По? Вот вопросы, которые стояли перед полководцем и на которые надо было дать ответ. Если вы прибавите к этому, что сведения о противнике были очень сбивчивы и туманны, то трудность решения вырисуется перед вами в полном объеме.

В это время Суворов получил сведения о том, что Макдональд перевалил через горы, разбил авангард австрийцев у Модены и наступает вдоль южного берега По на Пиаченцу. Одновременно наметилось оживление врага и в районе Генуи. Это характерный пример обстановки, где действия по внутренним операционным линиям являются лучшим решением вопроса; с другой стороны, мы знаем в военной истории мало примеров, где такие действия были бы осуществлены с бо́льшим совершенством и более полным успехом.

4 июня в штаб Суворова поступили сведения о поражении авангарда австрийцев у Модены. Эти сведения заставили Суворова решиться на переход от выжидания к активным действиям. Для первого удара он наметил себе целью уничтожение группы Макдональда, как проявившую наибольшую активность и потому более опасную. В 10 часов вечера 4 июня Суворов выступил со своими войсками из Александрии и за ночь прошел 30 верст. После 4-часового привала суворовские войска сделали новый переход в 25 верст. После второго перехода Суворов дал своим войскам 6 часов отдыха и затем совершил новый марш. Войска сделали еще 25 верст, т.-е. в общей сложности 80 верст в 36 часов.

В конце перехода авангард Суворова на речке Тидоне столкнулся с авангардом Макдональда, который принял его за случайный небольшой отряд русских, ибо никак не мог допустить мысли, что Суворов, о котором он еще недавно имел сведения из Александрии, мог оказаться в 4-х переходах от этого пункта. «Удивить—победить», говорил Суворов. Вот отчего ему был так важен первый успех в этом неожиданном для французов столкновении. Несмотря на усталость, жару и большее число отсталых, войска под непосредственной командой Суворова, прибывшего в авангард, бросились на французов. Обход и фланговая атака казаков, а также дерзкий натиск с фронта, решили дело в пользу Суворова, и авангард французов был оттеснен с Тидоне на Требию.

К моменту начала столкновения суворовские войска стягивались к полю сражения и были эшелонированы в глубину следующим образом: авангард Отта на Тидоне, силою около 6.000 чел. За ним в 15 верстах у Страделлы 8.000 русских солдат под командой Багратиона. Дальше еще в 30 верстах дивизии Ферстера и Швейковского, общей силой в 12.000 чел. Итого 26.000 чел., растянутые на 45 верст. По тем сведениям, которые Суворов имел о противнике, французские войска, силою до 36.000 человек, были растянуты еще больше: голова колонны была в Пиаченце, а дивизия Оливье, составлявшая ее хвост, находилась еще в 100 верстах. Таким образом, 26.000 человек суворовских войск были растянуты на 45 верст, а французы—36.000 человек—хотя и превосходили нас числом, но были растянуты вдвое больше. Стремительный марш Суворова от Александрии к Тидоне дал ему возможность использовать это растянутое положение французов. Если бы русские стали ждать, то преимущество в силах было целиком на стороне французов.

Но преимущество целиком переходило на сторону Суворова, в случае немедленного, решительного наступления, как он говорил: «с чем Бог послал», выражая ту же мысль словами Наполеона: «умножая число скоростью». Вот характерный момент операции. Если войска не проникнуты насквозь наступательным духом, если в нем нет «сердца», если войско воспитано в духе ложного методизма, что мог бы тогда сделать Суворов? Авангард должен был бы остановиться на

рубеже реки, подождать подхода своих главных сил и лишь после сосредоточения перейти в наступление. Но все это было нецелесообразно в той обстановке, которая сложилась к бою у Тидоне, и действовать по изложенной схеме было бы тем ложным методизмом, который Суворов ненавидел, и который опыт истории учит презирать.

Имея на поле сражения перевес в силах, Суворов немедленно бросился на неприятельский авангард и нанес ему поражение. Растерянные французы к вечеру начали отход к Требии. Невольно возникает вопрос: на чьей стороне было больше молодой энергии и порыва, у старика ли фельдмаршала и его ветеранов, или у молодого генерала французской революции и его войск?

Дело было лишь в том, что Суворов, вдохнув в свои войска чисто революционную энергию, мог опереться на прочные психологические связи, которые бывают в армиях с крепкими историческими традициями. В чем же был выигрыш этого дня? В захвате инициативы. Успех первого столкновения, особенно во встречном бою, поднимает дух победителей; наоборот, вера в себя, вера в успех падает у побежденных. Все это было достигнуто смелой решимостью и энергией первого натиска.

Тем временем наши главные силы подтягивались к своему авангарду, и Суворов решил на следующий день продолжать бой: используя достигнутый нравственный перевес, снова атаковать врага, нанося главный удар своим правым флангом, для чего он приказал поставить за ним свой резерв, одну из австрийских дивизий (дивизию Фрелиха).

Благодаря дружным усилиям наших войск, бой 7 июня кончился полным успехом, наступление французов было остановлено и если они не были разбиты совершенно, то лишь потому, что резерв, которому Суворов приказал быть на правом фланге для развития удара, наносимого русскими войсками самовольно, как это австрийцы часто делали, остался за левым флангом боевого порядка. Успех, который был уже достигнут, нечем было довести до полного разгрома. Ночь прервала бой. Но у французов силы еще далеко не были исчерпаны. В то время, как наши войска были уже целиком подтянуты и введены в бой, целая дивизия противника еще только подходила к полю сражения.

Кроме того, на решение главнокомандующего, что делать на следующий день, влияла еще одна очень важная подробность, о которой я до сих пор не говорил. В то время, как Суворов вел бой на Требии, он получил донесение о том, что войска Моро начали наступление из Генуи, в общем направлении на Вогеру, т.-е. в тыл всему его расположению. Когда 7 июня вечером он стоял перед решением: что делать дальше, то, по имевшимся в его штабе сведениям, противник занял город Вогеру, находившийся в трех переходах у него в тылу. В действительности, когда разберешься в этом вопросе, изучив все исторические данные, то оказывается, что к Вогере подходили только передовые части противника, вероятнее всего разведка. Но в то время, когда главнокомандующий вводил в бой последние резервы, такое известие могло оказать сильное влияние на его решение.

Что было делать? Принимать ли бой на следующий 3-й день, или нет? Вот вопрос, который стоял перед главнокомандующим,—вопрос, от которого зависели победа или поражение. Если вы вдумаетесь в этот момент, если попробуете сейчас обсудить создавшуюся обстановку и решить, как поступать, то вы увидите, насколько это решение было трудно. Однако, Суворов, не колебаясь, решился продолжать бой на следующий день. Отметим, что, принимая такое смелое решение, он приказал в то же время строить мосты за своим левым флангом через реку По, на случай неудачи, чтобы можно было благополучно отвести войска назад, а также и для того, чтобы в случае нужды перенести свое базирование на северный берег По.

Вот операция, которая представляется мне продуманной до конца. Я не буду останавливаться на тактических подробностях, которые вместе с современным гладкоствольным оружием отжили свой век и потеряли свое значение, я останавливаю ваше внимание только на моментах больших решений. Итак, Суворов решил продолжать бой, несмотря на то, что противник усиливался. Столкновение 8 июня на Требии было самым тяжелым днем этой операции, так как противник, действительно, ввел в бой свежие части, сам перешел в наступление и даже нанес частичное поражение нашему левому флангу, где стояли австрийцы. Однако, успех,

одержанный нами в предшествовавшие дни, настолько ослабил нравственные силы разбитых нами французов, что к вечеру наши части смогли восстановить положение, перешли сами в контр-атаку и поле сражение осталось за нами. Суть боя на Требии в том, что за все время этой битвы, благодаря решительно веденным наступательным действиям, наши войска все время чувствуют подъем, и каждый день имеют хотя небольшой, но осязательный успех. Несмотря на то, что крупных, конкретных результатов не было достигнуто, наши части все время понемногу продвигались вперед и разбивали одну за другой дивизии неприятеля, подходившие к полю сражения постепенно. Суворов же форсированным маршем сосредоточил свои силы, с огромной энергией и одновременно ввел свои войска в бой, все время атакуя неприятеля, сосредоточенными ударами ему удалось истощить силы неприятельских дивизий, входивших в бой постепенно, одна за другой, и, таким образом, сохраняя все время почин действий в своих руках и поддерживая дух своих войск наступательными действиями, он дождался того момента, когда у французов нравственное сопротивление было сломано, вера в себя потеряна, и они, боясь новых атак, на следующий день начали отход на восток. Суворов немедленно развил энергичное преследование, и удары его конницы по деморализованным французским войскам довершили поражение Макдональда. Суворов взял свыше 20.000 пленными; из 36.000 наличного числа Макдональду удалось сохранить под знаменами едва 14.000 человек. Решение продолжать бой в ночь с 7 на 8 июня заставляет признать за Суворовым необычайную силу проникновения в психологию своих и неприятельских войск, а также ту несокрушимую волю к победе, которая отличает великого вождя. Этому мы должны учиться у Суворова.

Итак, французы отступили в значительном расстройстве. Что нужно было делать дальше? Перед главнокомандующим опять стоял вопрос: продолжать ли преследование неприятеля, чтобы уничтожить его до последнего человека, или повернуть и атаковать те части противника, которые от Генуи подошли к нему в тыл. Решающее значение имело здесь чувство меры и Суворов остановил днем 10 июня войска, дал им 11-го дневку, привел их в порядок и затем повер-

нул назад навстречу войскам, наступавшим ему в тыл, под командой генерала Моро. Но Моро не решился вступить в бой с победителем на Требии и сам без борьбы отошел на побережье.

Таким образом, блестящая победа в этой, красивейшей с точки зрения военного искусства, операции была достигнута, и живая сила врага если еще не уничтожена совершенно, то серьезно потрясена. Казалось бы, что подошел момент большого решения добить Моро и двинуться в пределы Франции. Но австрийцы с настойчивостью, достойной лучшей участи, преследовали свои узко-эгоистические цели—покорение Италии. Когда известие о победе под Требией было получено в гофкригсрате, то император австрийский в своем рескрипте, определяя дальнейшие военные силы, поставил Суворову следующую задачу. «Я желал бы, чтобы все ваше внимание было сосредоточено на взятии Мантуи (!?). Крепость эта должна быть взята, во что бы то ни стало».

Вот пример, как извращенно могут пониматься принципы стратегии. Остановка в развитии австро-русскими войсками крупного стратегического успеха—победы над Требией—давала противнику выигрыш времени, а время, как известно, на войне дороже всего. Французы оправились, пришли в порядок, подтянули новые подкрепления и в августе месяце снова перешли в новое наступление, во главе с новым главнокомандующим генералом Жубер. Это был настоящий генерал революции.

В 1791 году Жубер—рядовым добровольцем поступил в армию, формировавшуюся правительством для спасения Франции от угрожавшего натиска реакции, а через 8 лет он был назначен главнокомандующим итальянской армией. Существует рассказ, что, уезжая из Парижа на театр военных действий, Жубер сказал своей молодой жене, что вернется либо победителем, либо не вернется совсем. Вот с каким настроением уезжали в то время на войну французские генералы. Гильотина, которая грозила неудачникам, делала людей чрезвычайно решительными.

1 августа войска французов перешли в наступление. В смысле управления войсками в этой операции обстановка на русской стороне чрезвычайно интересна и поучительна. Суворов располагал в это время 64.000 человек, свободных для

маневра и расположенных в районе Александрии, где эта армия находилась в выжидательном положении, прикрывая бесконечно тянувшуюся осаду Мантуи. От Александрии шло на побережье две дороги, через Нови и через Тортону, любую из них Жубер мог выбрать для своего наступления, и Суворов, вынужденный приказами гофкригсрата к невыгодному положению обороняющегося, должен был гадать, с которой стороны ждать французов. Теоретически в таком случае лучше всего самому перейти в наступление, но когда главнокомандующего связали приказами из Вены и через его голову посылали распоряжения его войскам, то приходилось волей-неволей занять выжидательное положение. Теория учит, что в таком случае главная масса войск остается в центре, выдвигая авангарды по обоим направлениям, по которым может прийти неприятель; когда же бой авангардов выяснит, где идут главные силы врага, то в этом выяснившемся направлении могут действовать главные силы армии.

У Суворова один авангард был в Нови, а другой—в Риторто, и до последнего момента Суворову обстановка не была ясна: шел ли враг на Тортону или Александрию.

Между тем какие-то силы противника показались утром 3 августа на высотах у Нови и в виду австрийского авангарда остановились. Для выяснения дела Суворов приказал австрийцам под командой Края атаковать неприятеля. Их атака была неудачна, и австрийцы были отброшены с высот Нови обратно, а австрийские генералы бросились к Суворову с просьбой о помощи. Но Суворов, завернувшись в плащ, спал под деревом и не приказал себя будить. Перед слабонервными австрийцами Суворов спал ровно до тех пор, пока бой авангарда у Нови не выяснил картину того, что происходило в этом направлении, а именно, что там надвигались, правда, очень нерешительно, главные силы врага. Когда Суворову обстановка стала ясна, то он немедленно принял решение перейти во встречное наступление и бросил войска, стоявшие на этом направлении, в атаку на французов, с задачей связать их энергично веденным наступательным фронтальным боем у города Нови. Одновременно те войска, которые стояли в Александрии на случай движения французов на Тортону, и которые, при определившемся направлении движения главной массы французских войск, могли быть

свободжены от первоначальной задачи и притянуты к полю сражения, были направлены Суворовым прямым движением на Гави, на фланг противника и отрезали его единственный путь отступления на Геную. Совместным ударом этих двух групп войска Жубера были рассеяны, бежали по горным тропинкам на побережье, а сам Жубер погиб, сдержав данное жене обещание.

Заключения об итальянском походе Суворова.

Я считаю, что краткий очерк, который я мог дать об этой кампании, может послужить вам лишь в качестве введения в самостоятельное изучение этой интересной страницы нашей истории. Мои лекции имеют целью обратить ваше внимание на те особенности ее, которые ценны с точки зрения истории военного искусства. Нас прежде всего поражает, что войска французской революции, которые к этому времени одержали победу над всеми своими противниками, вывели большую часть их из борьбы, здесь в течение целой кампании ничего не видели, кроме поражений... в окончательном итоге все же, несмотря на все неудачи, французская революция понесла от этих поражений лишь очень незначительный ущерб. О полном подавлении ее, как это представлялось Суворову, и как он это сделал с Польшей, не было и речи. Все, что он мог сделать, это очистить от французских войск часть занятой ими в Италии территории, и только. Это первый вопрос, на который нам надо ответить.

Действительно, с небольшим сравнительно — не более одной пятой всего числа армии—русским отрядом, опираясь, главным образом, на силы австрийцев, Суворов разбил совершенно и почти уничтожил в боях под Требией и Нови полки той армии, которая вписала в историю Франции победы под Лоди, Риволи, Арколе и т. д. В чем здесь секрет? Посмотрим, что он сделал с вверенными ему войсками? Он сразу поднял, даже, можно сказать, взвинтил *темп* работы. Он перенес центр обучения на *новый* для австрийцев прием наступательного боя, бывший ранее принадлежностью войск французской революции; наконец, он с собой принес гипнотизирующее войска обаяние непобедимого героя Измаила, Рымника и Праги. Затем он сгруппировал свои силы и органи-

зовал дело так, чтобы первое же столкновение с французами—Брешия, было успешно для австрийцев. Наконец, он имел в армии свое твердое ядро—русские войска—которых он всегда и ставил на самое тяжелое, ответственное место. Вот те *организационные меры*, которыми Суворов сумел на время перестроить психологию австрийцев и сделать иа них серьезную боевую силу. Армии, русская и австрийская, — армии, сильные исторической традицией, стали жить интенсивной кипучей жизнью, подъемом, равным подъему войск революции. Если в австрийских войсках ему удалось совокупностью внешних приемов взвинтить дух армии лишь на время, то в русской армии эти приемы обучения, согласованные со всей системой воспитания, имели глубокие корни и носили длительный характер. Суворов умел найти такие методы влияния на войско, что временно, правда, силы духа, имеющиеся почти в каждой армии в процессе той работы, темпе яркого энергичного наступления, которому Суворов *научил*, и который он потребовал от войск, проявились в полной силе и мощи. Так, под ударом молота выковываются новые формы и создаются новые орудия.

Понять те силы, которые есть в войске, *найти* те внешние приемы, которыми эти силы вызываются к жизни и *научить*,—в этом задача вождя,—задача, блестяще разрешенная Суворовым.

В этом лежит причина, благодаря чему русско-австрийские войска стали в уровень с армиями французской революции.

Но этого мало, создав вооруженную силу, организовав ее дух, нужно еще суметь провести ее на театре войны и поле сражения. Посмотрите, как красива эта сторона деятельности Суворова. Как по незначительным признакам он угадывал обстановку и бросался именно на того неприятеля, который в действительности оказывался самым опасным в данный момент под Требией, как в тревожную минуту—вечер второго дня того же сражения, когда Макдональд вводил в бой подходившие свежие войска, а в тылу появился Моро, как Суворов с невероятной твердостью, *ставя все на карту*, дал последний бой и разбил врага. Как в бою под Нови, завязав бой разведывательного характера, он, не волнуясь, покойно, не взирая ни на какие давления, до тех пор не

принимал решения, пока этот разведывательный бой не открыл ему обстановку. Внимательное изучение обстановки, обращая внимание на все мелочи, ясный учет, что важно и что неважно, смелость, даже дерзость решения, твердость и спокойствие духа в твердую минуту, это—то, что в области управления войсками отмечает истинного вождя.

Но этого мало. Невероятная *быстрота маршей*—80 верст в 36 часов, стремительное *наступление*, искусное *управление резервами*—Нови—и вместе с тем *расчет* операции, постоянная оценка *реального соотношения сил*,—я далеко не все интересное в этой области мог привести, вы сможете познакомиться с этими вопросами лишь при внимательном изучении кампании,—все это давало возможность наилучшим образом использовать наличные силы,—очень небольшие, часто уступавшие французам,—и наносить им поражение, совершенно уничтожившее вооруженную силу врага.

Почему же при всех этих данных Суворов все же не привел в исполнение своего военного плана, который должен был привести его в Париж? Мне думается, что как бы ни был талантлив человек, он не может пересоздать и перестроить настроение окружающей среды, ибо он лишь выявляет те настроения, те силы, которые в ней имеются.

Будучи человеком страшной силы духа, смелости и глубокого понимания жизни, Суворов был чужим человеком, белой вороной в лагере реакции с ее застывшими взглядами, узостью форм, отсутствием смелости и, быть-может, главное—уважением к человеческой личности. Быть может, это звучит парадоксом, но именно в армии революции Суворов был бы на своем месте. В такой армии нашли бы применение его выдающиеся дарования, так и не развернувшиеся полностью в окружающей его обстановке. Может показаться странным, что с лозунгом «Бог, царь и родина» усмиритель Польши, борец против французской «безбожной» революции, Суворов все же как-то не мыслится в стане реакции. Но оторвитесь от внешних форм, посмотрите на самого человека с его широким кругозором и великой жаждой к самодеятельности, его способностью подойти к живому человеку, опираясь только на влияние своей личности, и полным неуважением ко всем застывшим формам, мешавшим успеху, и вы увидите в Суворове душу борца, строителя новой жизни, который

мыслится скорее всего в армии Петра или армии французской революции. Когда вы подойдете к оценке Суворова с этой точки зрения, вы поймете драму его жизни, тяжелую неудовлетворенность окружающей средой, которая проходит через всю его жизнь и проглядывает в каждом его письме, в каждой дружеской беседе. Ему тесно было жить. Он один не мог сломить инерцию всей окружавшей его среды и довести до решительной победы блестящий успех, начатый им на полях Италии.

Тем более для нас, строящих новую армию, его учение, его примеры должны являться наукой. В той среде, которая его окружала, с теми людьми, в той эпохе, в которую он жил, Суворов сумел сделать так много и снова поднять нашу армию на первое место в Европе. Суворов умер, но его военные идеи не умерли с ним. Он оставил своих учеников, продолжавших бороться в 1812—1815 годах, и я хотел бы, чтобы лучшее из его учений было усвоено и нами и облегчило нам достижение победы в нашей великой борьбе.

Отечественная война 1812 г. Первый период.

Отечественная война отделена от эпохи, когда непосредственно действовал Суворов, резкой чертой реакционной—в военном смысле слова—деятельности Павла I, впервые выдвинувшего на историческую сцену Аракчеева; но по духу, по тому, что виднейшие деятели 1812 г. были учениками и соратниками Суворова, по той блестящей деятельности, которую они развернули, особенно в области проявления инициативы и наступательного порыва, я считаю, что 1812 г. является, несомненно, частью суворовской эпохи. Эта кампания является интереснейшим, с военной точки зрения, эпизодом в длинной цепи борьбы армий, живущих силами исторической традиции, в данном случае армии русского дворянства, достигшей своего расцвета, и армии, рожденной в племени гражданской войны — армией французской революции.

Отечественная война в истории нашей вооруженной силы была последней страницей суворовской эпохи, когда здоровые жизненные течения, выработанные в этот век блестящих

военных деятелей, столкнулись с течениями, принесенными к нам из Пруссии, политиками, искавшими способа сделать из армии слепое и послушное орудие для целей гражданской войны. Кроме того, в военную жизнь этой поры вплелось еще третье течение: передовые люди нашей армии были невольно захвачены мощным размахом военного творчества, славой титанической борьбы, которую в это время вела французская армия, выдвинувшая целый ряд выдающихся вождей, выдвинувшая Наполеона.

Изучая эту эпоху, мы видим три совершенно определенные группировки в армии. Мы имели суворовскую школу начальников с такими людьми, как Кутузов, Багратион, Раевский, Платов, Тучков, Дохтуров и др. Эта школа командного состава, воспитанная в войнах с турками, поляками, в итальянском и швейцарском походах, была, прежде всего, проникнута ясным пониманием русской действительности и армии, любила солдата, верила в силы России. В ней жил яркий дух суворовского, стремительного наступления, готовности итти на риск, на жертву, понимание, что такое самодеятельность и уменье применять ее. С другой стороны, мы имели сторонников немецкой доктрины, методизма, прусской палки и муштры: Аракчеев, Шварц, Пфуль, Винцегероде, Армфельд и ряд других подобных им недоброй памяти начальников, жалких академиков, говоря словами Суворова, на войне зачастую трусов, каким был Аракчеев, бессовестных зверей и мучителей солдата в мирное время, которые во фридриховской палке капрала видели весь смысл военного дела. Наконец, в лице таких людей, как Барклай-де-Толли, Ермолов и др., мы имели 3-ю школу военных людей, находившихся под влиянием французского военного искусства. К этому же течению принадлежал и основатель нашего генерального штаба—Волконский. Вот те три основных течения, которые наметились в русской армии после убийства императора Павла, бывшего ярким сторонником немецких идей и проводником их в русскую армию. Надо сказать, что в нашей армии, с таким солдатом, каков в действительности русский солдат, прусская система муштрования принесла немалый вред и разложение; вместо того, чтобы сделать армию более организованной, целый ряд отзывов военных людей того времени говорит о том, что, когда в

полках были созданы шефы, отнявшие власть у командира полка и оба безвластные, но вынужденные быть проводниками муштры, то дисциплина начала падать, и только, когда после смерти Павла I власть снова была возвращена командирам полков, а инспектора уничтожены,—об этом подробно будет сказано в следующей главе,—тогда порядок и дисциплина в армии стала восстанавливаться. Однако, сила инерции аракчеевщины была велика, и, несмотря на то, что целый ряд выдающихся военных людей были возвращены под знамена, но все-таки немецкое течение сохранило силу своего влияния, и когда мы в 1805 г. вышли драться с Наполеоном на поля Аустерлица, то немецкая палка у нас была еще преобладающей. Таково было влияние Фридриха Великого в Европе, что, несмотря на целый ряд показателей, несмотря на то, что у нас была своя школа, представитель которой был один из немногих генералов, оказавшийся в силах побеждать французов, немецкая методика и муштра решительно преобладали. Достаточно прочитать знаменитую диспозицию к аустерлицкому бою, составленную немцем Вейротером и принятую, несмотря на протест Кутузова, к исполнению нашими войсками; достаточно вспомнить, что командир гвардейского корпуса вел. князь Константин Павлович гордился тем, что гвардия из Петрограда и до Аустерлица шла все время в ногу, чтобы убедиться в силе немецкого влияния на нашу армию.

Поражение под Аустерлицем заставило немецкое течение и влияние несколько потускнеть, но—увы!—«аракчеевщина» имела слишком глубокие корни в политической структуре нашей страны, и немцы были только оттеснены, но не уничтожены ни Аустерлицем, ни даже Иеной, где знаменитая фридриховская армия рассыпалась, как карточный домик, под ударом армии, созданной жизненными силами Великой революции. Мы увидим дальше, что даже самый план войны 1812 г. был составлен офицером прусского генерального штаба Пфулем, перешедшим на нашу службу,—план, не приведший нас к полной катастрофе только потому, что исключительная доблесть войск и командиров сумела спасти армию из того тяжелого положения, в которое ее поставило, ошибочно построенное на предвзятой идее, стратегическое развертывание.

Рядом с немецким влиянием, под впечатлением громовых побед французов, мы стали многое заимствовать и у французов; но не только слава побед должна была влиять на наших военных; во Франции в эту пору совершался перелом в области военного искусства, а именно, переход от линейной тактики,—тактики, составлявшей неразрывную принадлежность вербованной армии, где нет и не может быть доверия к рядовому бойцу, к глубокой тактике; впервые проблески ее мы можем усмотреть в борьбе Соединенных Штатов Америки за свою независимость, но полный и яркий расцвет ее имел место именно во французской армии Великой революции.

Под французским влиянием мы также отказались от линейной тактики и приняли, во-первых, глубокое построение из цепей и поддерживающих их резервов и, главное, ознакомились и приняли идеи глубокой тактики, дающей возможность наиболее полного и яркого применения принципа частной победы на поле сражения.

Не менее интересный перелом произошел в системе нашего управления войсками в мирное время, где коллегиальная система была заменена единоличным управлением военным министерством. Организация военного управления, созданная Петром, предусматривала в военном деле, как и во всех иных областях управления, видное место коллегиальному началу, при чем президент военной коллегии был лишь первый среди равных. И если он и мог иногда руководить делом почти единолично, то лишь используя свое личное влияние, как, например, в бытность таким президентом Меньшикова. Но, как общее правило, все вопросы военного управления, хозяйственные, административные и даже зачастую, особенно в период управления государством императриц, и оперативные, решались большинством голосов военной коллегии. К чему такая система приводила, это мы с вами видели на примере управления войсками из Петрограда и из Вены во время польской войны 1794 г. и кампании в Италии в 1799 г. Коллегиальное начало приводило к тому, что дела чрезвычайно задерживались, беспорядки накоплялись, управление затягивалось и, главное, времени терялось чрезвычайно много. Впечатление от всего этого было настолько сильно, что, как только в самой среде

правящего класса скристаллизовалось достаточно прочное единство, так в армии отказались от коллегиальной системы управления и перешли к единоличному управлению, к идее военного министерства. Военный министр получил право самостоятельно разрешать все вопросы по своему ведомству, будучи по этим делам единственным и непосредственным докладчиком у императора. Краткость моего курса не дает мне возможность подробно остановиться на этом интересном вопросе. Тем, кого он интересует, я предлагаю прочитать этот отдел в книжке Байова «Курс военного искусства», эпоха Александра I, или еще лучше в труде «Столетие военного министерства», том организации управления. Здесь же я могу высказать вам лишь свой вывод изучения этого вопроса как у нас, так и за границей, что управление военным делом, конечно, есть дело единоличное, но оно укладывается в соответствующие разумные рамки только при благоприятной политической обстановке, именно, когда в стране есть прочное единство общественного мнения или, по крайней мере, достаточно сильный, руководящий центр. В таких случаях, насколько мне известно, управление армией во всех странах как в военное, так и в мирное время было единолично. И только в том случае, когда правящий класс разделяется на несколько противоречивых групп, тогда управление переходит к коллегиальной системе, всегда неизбежно развивающей канцелярщину, длиннейшую волокиту и зачастую шатание в направлении политики, в то время как военное дело требует быстроты и решительности действий. Надо сознаться, что наш Р. В. С. Р. является редким исключением из этого правила, но причины тому те же, что и в петровской коллегии. Таковы были основные черты, характеризующие наше командование в 1812 году. Мы видим, что в нем не было полного духовного единства, мы видим, что по целому ряду основных вопросов различные группы в нем не могли договориться, но мы должны все же отметить, что в главнейшем в нашей армии было единство взглядов, и в этом отношении наиболее сильные и здоровые идеи Суворова по вопросам управления войсками и воспитании их, дополненные и развитые тем новым в области глубокой тактики, что дала французская революция, составляло то, что является необходимой принадлежностью

каждой сильной армии, единой военной доктриной, как-то: сознание превосходства наступательного образа действий, развитие частного почина, активность младших начальников, строгое, но справедливое и гуманное отношение к солдату. Наконец, как база военной доктрины, беззаветная преданность царю и отечеству и готовность не на словах, а на деле пожертвовать всем для победы.

Очерк нашей армии был бы неполон, если бы мы хотя в кратких чертах не дали характеристики современного русского солдата, воспитание которого в екатерининскую пору, бывшее прямым развитием идей еще петровской поры, было завершено в школе Суворова, под влиянием целого ряда победоносных войн. В результате этой столетней работы, направленной в одну сторону, русская армия имела солдата, о котором один из видных генералов того времени, 12 лет прослуживший рядовым, писал: «Кто служил в рядах, тот знает, что русский солдат, это—образцовое и славное создание. При неослабной страсти к делу службы, пылком взоре на нравственность и поведение, не ленитесь только указывать ему путь к чести, знакомить его с благородным ощущением славы. Русский солдат молчит, но знает цену сущему делу... Русский солдат в мирное время ягненок, хранитель преданности родному государю. Любовь к отечеству и присяга заставляют его быть готовым к священным обязанностям службы». Эту характеристику я считаю необходимым привести, чтобы было понятно, как велико было духовное единство в нашей армии, несмотря на то, что объективно классовые противоречия были очень велики и выливались иногда в такие грозные формы, как восстание Пугачева. Но масса крестьянства, после подавления Пугачева, снова пришла в известное духовное равновесие, примирилась с существовавшим порядком вещей, и в стране создался гражданский мир, на почве которого возможно было то поразительное единство духа, которое позволило ей совершить подвиг Бородина и всей кампании 1812 г.

Численно наша армия в это время была около 240.000 человек. Такова была русская вооруженная сила к моменту страшной борьбы 1812 года, когда армия, созданная французской революцией, достигла наибольшего единства и наи-

большего своего развития, а силы, которые Наполеон сумел сгруппировать вокруг Франции, — наибольшего размаха.

Перейдем теперь к самой краткой характеристике армии Франции, которая вошла в наши пределы летом 1812 года. Наполеон выдвинул против нас войско, численностью около 600.000 человек. Он сосредоточил против нас силы не только Франции, но и всей Западной Европы, руководимые его маршалами, военные таланты которых сформировались в десятилетиях войн и побед, с 1792 года. Невольно, подходя к этому периоду войн, останавливаешься перед загадкой: каким образом могла армия, в которой сконцентрировались наиболее яркие революционные элементы Франции, для которых революция была не только красивым словом, не только доходной статьей, решением в нужном им направлении социальных и экономических проблем, но делом, в которое они вкладывали *свою жизнь*, свою кровь; как могла эта армия, в конце-концов, сделаться армией нового Цезаря? В поисках ответа на этот вопрос, я думаю, нужно обратить внимание на то, прежде всего, что армия, в которой собрались люди, шедшие ниспровергать всех тиранов вне Франции, увидела внутри Франции неспособность правящих кругов организовать как политическую, так и экономическую жизнь страны. Они увидели, что только в армии была организованность и порядок. С другой стороны, при общем поправении нации, вызванном именно этой неурядицей, армия осталась островком, где пламя революции еще горело ярким светом; когда эта армия, от которой народ оторвался, почувствовала себя под величайшей угрозой быть раздавленной тылом, тогда она увидела свое единственное спасение в том, чтобы твердо сорганизоваться по-военному вокруг того полководца, который сумел дать Франции победу, а с ней мир, разорвал блокаду и подавал надежды установить порядок и благосостояние в стране. Мало того, этот полководец был вождем революции, и, стоя во главе армии, он один только мог отстоять революцию от полной катастрофы и захвата власти реакцией, которая при новом настроении умов во Франции серьезно угрожала всем, кто был так или иначе связан с революцией. Вот та гипотеза, которую я могу предложить для объяснения такого удивительного события, как перерождение армии революции в армию императора.

Для вторжения в Россию Наполеон собрал силы: Франции, Пруссии, Австрии, Сардинии, королевств и герцогств Германии, в общей сложности колоссальную, по тому времени, массу в 600.000 человек. Впервые в истории человечества на театр военных действий была выдвинута такая огромная армия. Стратегическое развертывание французов летом 1812 года есть первый пример развертывания массовой армии на театре военных действий. Блестящее описание этого маневра вы найдете в книжке Боналя «Виленская операция». Этот французский автор подходит к военной истории своеобразно и как раз так, как, по-моему, это наиболее поучительно для каждого, изучающего военное искусство. Он рисует обстановку к тому моменту, когда принималось то или иное решение и, таким образом, дает вам возможность подумать, как бы вы поступили на месте полководца. Потом описывает то решение, которое было принято в действительности, и затем излагает, что из всего этого вышло, давая свое заключение, почему был успех или неудача операции. Таким образом, вы входите в самый механизм военного действия и имеете возможность корректировать ваше мнение на основании анализа всего происходившего и тех результатов, которые дала операция.

Если мы посмотрим соотношение духовных сил, с одной стороны, в коалиционной армии, руководимой Наполеоном, а с другой стороны, русских войск, то увидим, что главной духовной силой французов была напряженная воля к победе французского народа, проистекавшая из стремления французского крестьянства отстоять земли, которыми оно овладело во время революции, и французского города, не ожидавшего пощады в случае торжества реакции. В сражении на Бородинском поле французские крестьяне в солдатских мундирах защищали свою землю, а все остальные группы населения, входившие в армию, а особенно ее командный состав, в каждом нападении на Францию видели нападение на французскую революцию, т.-е. на самих себя, на свою жизнь, на свой достаток. Они знали, что победа иностранцев есть победа реакции. Поражение наполеоновского войска есть поражение всего нового порядка во Франции, а с ним — суд и кара каждому из тех людей, которые принимали участие в революции. Вот те мощные силы, ко-

торые в 1812 году воодушевляли армию Франции, руководимую Наполеоном, императором революции. Что касается иностранных контингентов, которые входили в состав великой армии, то они шли по принуждению, так как понятно, что ни прусскому, ни вюртембергскому, ни саксонскому офицеру и солдату решительно нечего было делать под Москвой. Эти войска не представляли собой ничего серьезного и были важны лишь как части, которыми можно было выполнить все второстепенные задачи по охране коммуникации и обеспечению тыла. Решающей, ударной массой были французы.

Когда Наполеон переходил границы России, то он тщательно собирал сведения о социальной структуре России. Для него была ясна та глубокая рознь, то противоречие классовых интересов, правда, противоречие, не осознанное широкими слоями народа, которое существовало между дворянством и крестьянами в России. Он видел, что при известных условиях можно поднять крестьян против своих господ, и в этом случае крестьянство было бы ему хорошим союзником в его борьбе с русским царем. Когда вы познакомитесь с историей войны, то увидите, что действительно нередки были случаи, когда крестьяне поднимали восстание против своих помещиков, жгли и убивали их. Казалось, что Наполеон мог использовать эту чрезвычайно благоприятную обстановку для того, чтобы, опершись на крестьянство, внеся рознь и классовую борьбу в лагерь своих врагов, обессилить тогдашнюю Россию. В этом, ведь, и заключается главная сила армии революции, что она может в самом стане своих врагов силою идей, за которые она борется, силою лозунгов, написанных на ее знаменах, привлечь на свою сторону трудовые массы, разорвать гражданский мир между массами и организаторами и тем «с малым трудом и малой кровью» добиваться победы.

Невольно возникает в связи с этим вопрос: была ли возможна в России 1812 г. революция, силы которой Наполеон мог бы направить против царского правительства и его армии. Изучая социальный строй России, мы видим, что недовольство в крестьянских массах было, но не было класса, который мог бы взять на себя руководство движением масс против дворянства. Поэтому в России мог быть дикий, бес-

смысленный бунт—Пугачевщина, но не могла быть революция. Даже после похода в Париж декабристы были слишком слабой группой для того, чтобы возглавить народное движение в России.

Но с точки зрения военной помощи Наполеону было безразлично бунт или революция. Лишь бы внести в армию и управление врага разложение и тем облегчить победу.

Но Наполеон в это время уже не был якобинцем, если он вообще когда-либо и был им; хотя в период, когда он писал свой «вечер в Бокере», он, повидимому, был очень близок к крайним элементам революции. Как он сам себя в эту пору называл, он был «вещью в руках событий» — «часовым буржуазии Франции», а потому он не мог в своей борьбе с Россией опереться на те силы народного восстания, которые он подавил во Франции. Наоборот, французская армия силой вещей оказалась вынужденной и, действительно, пошла на целый ряд мер, которые оттолкнули от нее те слои населения, на которые она могла опереться. Наступая без железных дорог, со средней скоростью 10—12 верст в сутки, армия могла жить только за счет реквизиций.

Но реквизиции, тяжелые всегда, были в эту эпоху в армии с *недостаточно твердой дисциплиной* просто-напросто грабежом населения. Это был тяжелый удар по всему населению той полосы, по которой прошло нашествие неприятеля. Наконец, был еще один очень важный фактор, оттолкнувший наш народ от пришельцев. Армия французов и других народов, вторгшихся в Россию, с величайшим неуважением отнеслась к тому, что для широких масс народа было чрезвычайно дорого: они неуважительно отнеслись к религии; в алтари ставили лошадей, из икон делали мишени,—разламывали церкви на дрова, грабили церковную утварь и т. д. Эти три фактора, а именно, нежелание Наполеона вызвать гражданскую войну в России, второе — реквизиции, обратившиеся в грабеж, и третье—неуважение к религии, сделали то, что в широких народных массах вспыхнуло национальное чувство, и они были отброшены в лагерь правительства, в лагерь господствующего класса, т.-е. в тот лагерь, интересы которого были объективно ему совершенно противоположны. Организационная, экономическая и психологическая ошибка были сделаны Наполеоном

при вторжении в Россию, и это создало у нас в стране такое единство, которого Россия не знала со времени нашествия поляков в 1612 г. Французы, будь то император или простой солдат, стали национальным врагом. Против французов, по мере выяснения характера их вторжения, вставала не только армия, но и все классы населения. Стали организовываться отдельные партизанские отряды. Крестьяне шли «на француза» с вилами и косами в руках. Добровольцы массами вливались в армию. В общем итоге получилась такая нравственная, а как выразитель ее,—физическая сила, что французы, несмотря на первоначальное тройное превосходство, с нею справиться не могли.

Учитывая этот опыт, нам нужно страшно внимательно относиться к общественному мнению того народа, с которым нам приходится вести войну. Быть-может, оно нам представляется неправильным; быть-может, даже народ неправильно понимает свои собственные интересы; быть-может, поклоняется богам, которые не находят у нас признания; но раз в данныймомент народная масса стоит на той или другой точке зрения, ее нужно учесть, как реальную силу, и действовать сообразно. Ибо, оставленные без внимания, эти силы способны вызвать к жизни такую встречную волну сопротивления, быть-может, объективно совершенно расходящуюся с основными интересами этого народа, что все наши усилия будут парализованы. Именно такой ошибкой я объясняю нашу неудачу в Польше.

Я считаю своей обязанностью отметить этот момент потому, что, не понимая психологической стороны этого вопроса, можно совершенно не понять все, что произошло в этой войне, которая справедливо носит название отечественной, и объяснять неудачу французов, как это и до сих пор делается некоторыми историками, как влияние неблагоприятного климата или отсутствия в эту эпоху железных дорог. Вспомним, что в эпоху великого переселения народов не было также не только железных дорог, но даже и переправ через такие мощные водные преграды, как Волга, Дон, Днепр; однако, психология этих народов, сложившаяся на почве грозной для них экономической конъюнктуры, была такова, что никакие препятствия их остановить не могли, и они, подобно саранче, трупами своими заваливающей и

водные препятствия, и огненные преграды, несмотря ни на какие жертвы, все же достигали всех поставленных ими целей.

В заключение, характеризуя особенности той силы, которую Россия выдвинула в 1812 г., мы должны сказать, что решающим фактором ее был командный состав, в значительной мере воспитанный Суворовым или выросший на его заветах, в духе долга и чести, в духе самодеятельности, где каждый готов был скорее погибнуть на месте, но не уступить своей позиции и не позволить своим людям отступить. Это были в своем большинстве энергичные и грамотные в военном деле люди, предпочитавшие в бою всем способам действий — решительно веденное наступление. В среде командного состава нашей армии был, правда, целый ряд внутренних трений, оказывавший влияние на ведение операций, но все же ценность этого командного состава, как организующего элемента, была очень велика. В руки этого офицерства страна отдала безоговорочно все свои силы, слившиеся в редком единении. Армия силой в 240.000 штыков, несмотря на потери, выросла, путем притока укомплектований, до полумиллиона и пропустила через свои ряды в общей сложности до 2-х миллионов людей, поглощенных войной. Но пополнения приходили из народной массы с таким настроением, что в деле воспитания оставалось доделать лишь очень немногое. Армия представляла несокрушимую силу, и, оценивая своего врага, Наполеон должен был сказать: «Русского солдата мало убить, его еще надо прийти и повалить».

Очерк военных действий 1812 г.

Соотношение сил в начале кампании 1812 г. было настолько не в нашу пользу, что, казалось, полное поражение должно было ожидать Россию. Мы имели всего 240.000 чел. против 600.000 французских и союзных им войск. Но Россия, подчеркиваю, в ее целом как правители, так и трудовые массы, не хотели быть покоренными. Татарское иго и Смутное время научили нас, что независимость есть величайшее благо, и Россия, соглашавшаяся терпеть рабство огромной части населения внутри, пошла на величайшие

жертвы для сохранения внешней своей независимости. И вот началась борьба, казавшаяся, быть-может, такой же безнадежной сначала, как борьба с татарским нашествием или со шведами.

Наши войска были развернуты в 3 группах на границе, имея 1-ю армию, под командой генерала и военного министра Барклай-де-Толли, силою около 100.000 чел., развернутою на фронте около 200 верст, в районе в 100 верстах к западу от Вильно—центр против Вильно—где находился и самый штаб армии; 2-я армия, силою около 50.000 чел., под командой Багратиона, была развернута на фронте в 100 верст, от Гродно до Буга, со штабом армии в Волковыске. Между армиями был пустой промежуток около 100 верст.

Итак, северная группа армии, силою в общей сложности в 150 т. чел., была развернута на фронте в 600 верст, отвечая излюбленной основной идее немцев той поры, — идее «кордона», т.-е. прикрывая, как ниткой, «кордоном» по возможности большую часть границы или той линии, которую нужно было защищать. Третья армия, со своей особой задачей прикрывать Украину, была расположена к югу от Полесья в районе Луцка. Эта армия, имея против себя только австрийцев, в течение всей войны не играла серьезной роли, и на действиях ее мы не будем останавливаться.

Чем объясняется такое развертывание? Какова была основная мысль, вложенная в него ее автором Пфулем? Ему мыслилось, что 1-я и 2-я армии, расположенные в двух группах, будут действовать совместно, эксцентрически, т.-е. если Наполеон бросится на 1-ю армию, то, не принимая удара, она будет отходить, а вторая, перейдя в наступление, будет действовать против его сообщений; если же Наполеон повернет на вторую армию, то она, в свою очередь, начнет отходить в расходящемся направлении, а первая обрушится на его сообщение, тыловые пути, и таким образом Наполеон не сможет наступать ни против одной из армий. По такому предположению должны были действовать наши армии, связанные общей руководящей идеей. В этом заключался план войны, как видно, крайне искусственный и вдобавок построенный на совершенно неверных представлениях о силе врага, считавшихся гораздо меньшими, чем они оказались в действительности. Армии, собранные Наполеоном, численно

настолько превосходили наши войска, что он атаковал сразу и первую, и вторую наши армии на главном театре, направив австрийские войска на нашу третью армию, на Луцк. Главная масса Наполеона в 300.000 человек, под его непосредственным командованием, двинулась по направлению на Вильно, в разрез между первой и второй армиями, имея задачей уничтожить войска Барклай-де-Толли. Тем временем на вторую армию с фронта обрушились более, чем 100.000 человек армии вице-короля. В первое время после начала войны нашими армиями руководил сам Александр I, но вскоре его убедили передать дело в руки людей, более опытных в военном деле, и общее командование принял старший по должности генерал Барклай-де-Толли.

Это был человек очень простой и скромный, далекий от придворных интриг, но глубоко понимавший сущность военного дела. В 1807 году, когда он лежал раненый в Кенигсберге, то, учитывая реальное соотношение сил, он понимал, что мы не будем в силах дать отпора Наполеону, развертывая свои войска на границе. Единственную возможность борьбы он видел в том, чтобы отступлением в глубь России выиграть время, всеми способами ослабить силы французской армии, всемеро усилить свои войска и когда хоть некоторое равновесие будет достигнуто, тогда только перейти во встречное наступление. Став главнокомандующим, Барклай-де-Толли начал, несмотря на общее несочувствие армии, осуществлять свой план и отступать от Вильно на северо-восток, в общем направлении к Западной Двине. Он сосредоточил силы первой армии у Дриссы, ожидая подхода к этому пункту и второй армии Багратиона. Когда первая армия, под давлением превосходных сил врага, отходила к Западной Двине, наша вторая армия оставалась на юге, у Волковыска, и главная масса наполеоновских войск находилась как бы посередине между двумя нашими армиями. Используя это выгодное положение, Наполеон бросил в обход второй армии с севера свой лучший корпус Даву. Багратион, теснимый с фронта вице-королем и угрожаемый с севера Даву, начал усиленными маршами отходить на восток, стремясь пробиться на соединение с первой армией. Но везде, и на Березине, и дальше у Бобруйска, Даву, пользуясь своим более выгодным положением, его предупреждал, отрезая его

пути на соединение с первой армией. Наконец кружным путем нашим войскам удалось соединиться в Смоленске, искупая ошибку стратегического развертывания невероятными усилиями тяжелых маршей и рядом арьергарных боев. Все управление на войне должно строиться на ясном учете реального соотношения сил и стремления действовать сосредоточенными массами. Между тем наше расположение имело все недостатки «кордона», и за эту ошибку мы едва не поплатились разгромом по частям всей нашей вооруженной силы. У нас нет хорошей истории этой войны. Книга Бональ разбирает только виленскую операцию и то со стороны французов; лучшей из наличных работ все-таки является работа Богдановича. Поэтому в изучение этой войны нужно внести больше всего самостоятельной работы. Когда вы будете изучать эту кампанию, непременно с карандашом и циркулем в руках, то пересмотрите маневрирование наших армий в этот период. Вы увидите, сколько таланта начальников и самоотвержения войск понадобилось для того, чтобы выйти из-под угрозы, созданной «кунктаторством» пфулевского плана, использованного, конечно, чрезвычайно умело Наполеоном, бывшим в этой кампании в полном расцвете своего военного гения.

14 июня Наполеон перешел Неман, 16 июня занял Вильно, а 16 июля, т.-е. через месяц, наши войска, проделав,—1-я армия около 300, а 2-я—около 600 верст,—сосредоточились в Смоленске. Первая опасность миновала. Надо отметить то глубокое понимание войны и великое гражданское мужество, которое обнаружил Барклай-де-Толли, осуществлял этот отход. Его действия не находили одобрения в командном составе армии, воспитанном в духе наступательной войны. Пылкий Багратион, ряд других начальников и вся молодежь, воспитанные в заветах Суворова, приходили в негодование от того, что их заставляют отступать, не решаясь дать генеральное сражение. Общее настроение армии вынудило его все же дать приказ о переход. з наступление после того, как армии соединились под Смоленском, но эта попытка, имея в виду подавляющее превосходство сил противника, привела лишь к тому, что Наполеон едва не окружил наши силы и Барклай едва увел нашу армию, дав бой под Смоленском, нужный лишь для того, чтобы прикрыть переправу

армии через Днепр; затем, осуществляя свою основную идею, он продолжал отходить на Москву. Он чувствовал, что неприятель еще гораздо сильнее нас и что бой грозит лишь верным и ненужным поражением.

Во время отхода от Смоленска имел место чрезвычайно интересный, с точки зрения военного искусства, бой арьергарда, который заслуживает быть отмеченным. При выполнении этого маневра наша армия двигалась по двум дорогам: 2 армия прямо на Дорогобуж через Днепр у Соловьевой переправы, 1 же армия более окружным путем, но переправа через Днепр была у моста той же Соловьевой переправы. Расчет был такой, что 2 армия успеет пройти Днепр к тому времени, когда подойдет голова колонны войск Барклая. И действительно, 2 армия прошла переправу, прикрываясь арьергардом, когда к ней подошел авангард 1 армии под командой Тучкова 3. Естественно, что прямая дорога на Смоленск, которую очистили войска Багратиона, пройдя переправу, осталась открытой и, по ошибке штаба, руководившего операцией, никем не была прикрыта. Вот обстановка, как она представлялась Тучкову 3, когда он подошел, в свою очередь, к Соловьевой переправе. Я прошу каждого из вас подумать, что бы вы сделали на его месте? Если бы вы пошли дальше через переправу, выполняя свою основную задачу авангарда, то противник, преследовавший нашу вторую армию от Смоленска, врезался бы в колонну наших главных сил 1 армии, никем не прикрытой с этой стороны, вынудили бы ее к бою, отдельно от сил Багратиона, отрезанных от нее рекой, и, конечно, положение наших войск было бы очень тяжелым. Тучков—ученик Суворова,—видя эту обстановку, по собственному почину повернул в сторону Смоленска, занял позицию у Валутиной горы, и сдерживал значительно превосходные силы французов до тех пор, пока вся армия не прошла опасного района. Здесь мы имеем блестящий пример проявления частного почина, заслуживающий самого тщательного изучения и подражания. Между тем общественное мнение страны и армии все с большим и большим негодованием принимало вести о непрекращавшемся отходе армии. Багратион стоял во главе оппозиции, не понимая всей сложности и ответственности обстановки. Тогда, уступая общественному мнению, Барклай-де-Толли решил

дать бой, и только невозможность найти подходящую позицию задержала дело до приезда нового главнокомандующего Голенищева-Кутузова. Это был человек с заслуженной боевой славой, простреленным под Измайлом глазом, совершивший под начальством Суворова целый ряд блестящих походов, пожилой, тучный, усталый, но настоящий военный «сердцем», который интуитивно понимал ту великую духовную силу, которая жила в армии, составляла ее мощь, те $^3/_4$ успеха, о которых говорил Наполеон. Старик Кутузов понимал, что если уходить дальше без боя, то это могло подорвать психологию армии, могло подорвать ее веру в себя и начать разложение; отходить дальше без боя было нельзя, несмотря на то, что силы еще далеко не сравнялись, поэтому Кутузов решил дать бой и выбрал для этого поле под Бородином.

Бородинский бой.

Даю краткое описание этого сражения. Генеральный штаб нашей армии избрал позицию правым флангом у дер. Масловой, а левым флангом у дер. Шевардино, т.-е. в облическом направлении к наступлению французов. Нужно вообще отметить, что наш генеральный штаб того времени был далеко не на высоте своих задач. Достаточно вспомнить организацию марша от Смоленска к Соловьевской переправе, случай, сейчас мной приводимый выбора армейской позиции флангом к противнику, или забытый под Псаревым в Бородинском бою резерв, чтобы убежденно сказать о необходимости серьезной работы над его усовершенствованием. Когда Кутузов приехал на позицию, то он сейчас же уяснил себе, что наш левый фланг у Шевардина непосредственно подставлен неприятелю, поэтому он приказал осадить его назад к дер. Семеновской, начиная от центра, который получил название батареи Раевского. К тому моменту, когда надо было решать, что делать, обстановка была такова. Наполеон, силы которого не превышали в это время 150 т. человек, шел главной массой по большой новой дороге на Москву через Валуев и Бородино, все время охватывая наш правый фланг. Численность наших войск к тому времени достигала 103.000 человек. Кутузов решил дать французам,

силы которых все-таки превосходили наши в 1½ раза, оборонительный бой; оценивая обстановку, он полагал, что в бою главные силы Наполеона будут направлены на наш правый фланг и поэтому поставил там свои главные силы, — первую армию Барклая-де-Толли. Этот фланг был прикрыт рекой Колочей. Таким образом, на фронте 3½ верст, от Масловой до батареи Раевского исключительно, стояла первая армия в составе 3 пехотных, 2 кавалерийских корпусов и казаков Платова. От батареи Раевского включительно и до Утицы, на фронте тоже 3½ верст, была развернута вторая армия Багратиона, в составе 3 корпусов пехоты, имея в резерве пехотную дивизию и одну дивизию кирасир. Общий резерв — гвардия и резервная (300 орудий) разместился в районе села Псарева. Таково было в общих чертах положение наших войск к началу сражения утром 26 августа. Сравнивая это расположение с Полтавским боем, мы видим, что войска разделены на участки, что имеются как общие, так и участковые резервы. Это была особенность новой глубокой тактики.

Подготовка фортификационная была невелика. Наши войска выкопали ряд укреплений на фронте 1-ой армии, а в расположении Багратиона укрепили только батарею Раевского и высоты впереди деревни Семеновской, так называемые Багратионовы флеши. Таким образом, наш правый фланг, более сильный по свойствам местности, был и более сильно укреплен, несмотря на то, что бой 25 августа, веденный нашим арьергардом или, как его считают некоторые наши исследователи, левым флангом у Шевардина, мог показать, что именно в направлении нашего левого фланга Наполеон сосредоточивает серьезные силы.

В свою очередь, Наполеон был хорошо осведомлен о расположении наших войск и решил направить свой главный удар на наш левый фланг, который непосредственно закрывал кратчайшее направление на Москву и где мы, повидимому, не ожидали атаки, и где, наконец, местность была более благоприятна для развертывания крупных масс пехоты и кавалерии в направление на д. Семеновское. Что же касается возможности обхода нашего левого фланга через д. Утица, то болотистая и лесистая местность вдоль старой Московской дороги не благоприятствовала действию войско-

вых масс. Перенос дороги-большака—Новая московская дорога объясняется лишь очень тяжелыми условиями местности в этом районе. Для удара на 2-ю армию он направил свои лучшие войска: корпуса Нея, Даву, конницу Мюрата и корпус Понятовского, которому была поставлена задача обхода нашего левого фланга по старой Смоленской дороге на Утицу. В этом бою полякам Понятовского и ему самому была дана самая трудная задача и за выполнение ее наградой должно было служить объявление независимости Польши и полная корона Понятовскому. Корпус вице-короля получил направление на наш центр—батарею Раевского и лишь небольшая часть армии Наполеона была направлена на наш правый фланг, где стояла вся наша 1-я армия. Одна из дивизий корпуса вице-короля получила задачу наступлением на Бородино сковать силы нашего правого фланга, стоявшие за непроходимой, на большей части своего течения, рекой, из-за которой ее переход в наступление не представлялся возможным и опасным для французов. Таким образом, ясно, что Наполеон хотел нанести свой главный удар в направлении на Москву нашему левому флангу. Идея частной победы была здесь выражена так же ясно, как и во всех его мастерских операциях. Мало того, сосредоточение почти всей своей армии против нашей части армии было блестящим использованием элемента внезапности, направляя удар трех четвертей своих сил туда, где мы их, судя по нашему расположению, не ждали. Великий полководец на Бородинском поле сражения был так же велик, как и везде. Его план был прост и ясен. И громовой удар сосредоточенными силами по части наших войск, на решающей точке поля сражения, был подготовлен и, казалось, должен был дать так же быстро свои результаты, как и всегда. Мало того, к той точке поля сражения, где он наметил решение боя, он сосредоточил массы артиллерии и всю армейскую конницу. Большего сделать было нельзя.

Великий организатор победы свою организационную работу сделал так же, как и всегда до сих пор, подготовив мощную наступательную операцию. Его противники по внешнему впечатлению тоже многое сделали и их оборонительное построение, казалось бы, отвечало своему назначению, но они сделали крупную ошибку, на которую теория всегда

обращает внимание. Быть-может, если бы они имели дело с противником средней силы, то эта ошибка и прошла бы безнаказанной. Но талант их врага поставил все их расчеты под величайшую угрозу, ибо удар Наполеона был направлен туда, где его ждали меньше всего, используя самым полным образом сделанную нами оплошность. Действительно, теория учит, что вы почти никогда не можете с уверенностью сказать заранее, каковы будут действия врага, каковы его намерения, а потому допущение, как основы плана оборонительного боя предвзятой идеи, что противник атакует ваш правый фланг, было крупной ошибкой, давшей Наполеону возможность неожиданно атаковать там, где мы к встрече не были готовы.

Теория определенно учит, что при обороне крупные резервы должны быть сосредоточены в узлах путей, готовые к маневру в тех направлениях, где можно ожидать удара противника; они должны быть совершенно свободны, не связаны определенными заданиями, готовы для контр-маневра. Таким образом, влияние прусского методизма вновь сказалось в работе нашего старшего командования; доблести войск и самодеятельности командного состава предстояло искупить ошибки неправильного, предвзятого решения.

Бородинский бой завязался в 6 часов утра на правом фланге, на переправе у деревни Бородино, как бы умышленно привлекая внимание нашего командования в сторону от того места, где подготовлялся главный удар. И только в 7 часов утра огромные массы французов обрушились на дивизию Коновницина, занимавшую Багратионовы флеши у деревни Семеновской. Эта атака, по массе введенных войск и силе артиллерийского огня, сразу показала Багратиону направление на его левый фланг главного удара противника и он по собственному почину начал стягивать свои резервы к угрожаемому пункту.

Но резервы могли подойти только не скоро и дивизия Коновницина, истощившись в целом ряде контр-атак, не могла больше выдержать натиска значительно превосходивших сил противника и вынуждена была очистить флеши. Тогда, руководствуясь заветами своего учителя, Багратион по собственному почину организует контр-атаку, которая к 8½ часам утра вновь отбрасывает французов в их исход-

ное положение и возвращает нам флеши. В 10 часов утра бой в этом районе вновь разгорается и флеши еще 2 раза переходят из рук в руки, при чем все наши частные начальники, по собственному почину проявляя величайшую активность, решительно веденными контр-атаками оспаривали у неприятеля этот дорогой участок земли.

К 10½ часам утра флеши были вновь возвращены Багратионом, но сам доблестный командующий 2-ой армией был смертельно ранен в этой борьбе и вскоре скончался. В 11½ час. Наполеон передал в распоряжение Нея дивизию Фриана, сюда же бросил конные масса Мюрата и Багратионовы флеши снова и окончательно перешли в руки французов. Наши войска отошли в этом районе сначала на полверсты к деревне Семеновской, а затем, под влиянием непрекращавшихся, хотя и отбитых атак, отошли еще на полверсты к деревне Псаревой. Вечер застал наши войска в полутора верстах от своего первоначального расположения у Багратионовых флешей. Атаки противника, не достигнув своей цели, замерли, а наши части были приведены в порядок и ожидали распоряжений на следующий день. Таким образом, главный удар Наполеона, для которого он сосредоточил три четверти своих сил и напал неожиданно на небольшую часть нашей армии, благодаря изумительному упорству войск, инициативе и наступательному духу начальников, не дал тех результатов, на которые мог, по своему прежнему опыту, рассчитывать Наполеон: наши войска лишь несколько отошли, но не были разбиты, и неизвестно, кто находился в большем расстройстве: те ли, кто защищал свои позиции, или те, кто с таким мужеством и упорством атаковал. Духовные силы наших войск и их противников сравнялись и войска в бездействии, не в силах продолжать борьбу, стали на ночь друг против друга.

В это время на батарее Раевского, в центре, бой развивался следующим образом: в 11 часов утра вице-король, войска которого были Наполеоном также переведены на южной берег реки Колочи, предпринял атаку батареи Раевского, и батарея была взята французами. Бой на фронте 2-й армии ясно показал Кутузову, что противник вел главный удар не в том направлении, как его ждали и поэтому он начал спешно переводить свой резерв и части 1-ой армии

для поддержки Багратиона—центра и левого фланга своего расположения. Подходившие резервы вливались в бой, переходя в решительные контр-атаки, часто по собственному почину отдельных начальников, и снова и снова возвращали те позиции, которые неприятель временно захватывал. Так, к 12 часам Ермолов, бывший начальником штаба первой армии, видя, что батарея Раевского взята и масы людей в расстройстве отходят, приняв командование, с несколькими подошедшими ротами, объединяя расстроенных солдат, «толпой во образе колонны», как он рассказывал потом, перешел в контр-атаку и возвратил батарею Раевского, сбив дивизию Бонами. Вице-король начал организовывать новую атаку и тут надо было выиграть время, чтобы перевести массы войск 1-й армии с прежнего положения, в котором начался бой, в новое, которое дало бы возможность продолжать борьбу. Необходимость этого выяснилась в нашей главной квартире к 10—11 часам. В это время казачьи разъезды Платова, по собственному почину, отыскали броды через реку Москву и Колочу и нащупали левый фланг неприятеля. Тогда конные корпуса Платова и Уварова с согласия Кутузова перешли в наступление и ударили во фланг и тыл неприятелю. Этот кавалерийский рейд, в котором участвовали целые массы конницы, имел крупный успех. Конница обрушилась на небольшие пехотные части, прикрывавшие левый фланг французов, а казаки набросились на обозы, устремившиеся в панике назад. Облака пыли покрыли все поле атаки нашей конницы, не давая возможности выяснить действительные размеры опасности. Даже Наполеон на время потерял равновесие духа и лично прискакал на левый фланг, чтобы узнать, что там происходило, приказав *временно задержать атаку вице-короля*: на ориентировку прошло 2 часа времени. Если бы наши казаки не бросились грабить обозы, то результаты были бы, вероятно, еще более серьезными. Так или иначе, этот кавалерийский набег дал нам 2 часа времени, в течение которых наши резервы успели подойти к пунктам назначения и поддержать Багратиона. Около часу дня жестокий бой вновь закипел на батарее Раевского. Она несколько раз переходила из рук в руки, пехота и кавалерия с той и другой стороны чередовались в атаках, вокруг батареи кипела ожесточен-

ная борьба, в которой противники дрались, воодушевленные решимостью победить во что бы то ни стало. Я не могу в кратком очерке очертить все подвиги инициативы начальников, всю их блестящую боевую работу, проявившуюся в сражении на «большом кургане», как его назвали французы.

Только при внимательном изучении вы увидите, что трудное положение, в которое попадала та или другая часть, немедленно оценивалось и по собственному почину соседи, конница, подходящие резервы, которые всегда оказывались во-время в нужном месте, со всей решимостью переходили в контр-атаку и своим беззаветным мужеством спасали положение.

Быть-может, ни один другой бой в нашей истории, кроме Куликовского побоища, не дает примера такого, потрясающей силы, сопротивления и удивительной самодеятельности всего командного состава, о которое французская армия буквально разбилась. К концу боя мы потеряли 40.000 человек, т.-е. около 40% армии, французы потеряли 30.000 человек. Благодаря плохой службе генерального штаба весь наш артиллерийский резерв, около 300 орудий, поставленный у села Псарева, был забыт и лихой начальник этого резерва генерал Кутаисов, выехавший лично на разведку, был убит, а с его смертью об орудиях забыли и вспомнили только на следующий день.

В результате дня наша армия по всему фронту отошла назад от половины до полутора верст, но вполне сохранила боеспособность и порядок и настолько была в руках своих начальников, что стоял даже вопрос о продолжении боя на 27 августа.

Только выяснившиеся страшные потери заставили Кутузова принять решение: отходить. Сопротивление нашей армии в этот день было настолько велико, что Наполеон, потеряв свыше 25% состава своей армии, приказал из предосторожности отвести войска на ночь с захваченных русских позиций назад к Шевардину. Поле сражения на ночь было очищено обеими сторонами.

Когда ночью «считать мы стали раны, товарищей считать», то Кутузов пришел к заключению, что дальше бороться нельзя, без риска потери всей армии, что надо отступать.

Окончание борьбы в 1812 г.

Никто не верил, чтобы можно было отдать Москву без нового боя. Недалеко под Москвой в деревне Филях, состоялся военный совет, на котором был поставлен вопрос: драться ли под Москвой или отступать? Начальник штаба армии Бенигсен с горячностью русского немца заявил, что «чувство русского народа не сможет перенести, если его «древнюю, священную» столицу придется без боя уступить врагам». Мнения колебались. Но Кутузов считал, что нужно прежде всего сохранить живую силу армии, а потом думать о городах. С армией,—сказал он,—мы вернем Москву и спасем Россию. Погубив армию, мы все отдадим врагу.

И вот, против общественного мнения всех руководящих кругов страны, против воли императора, беря ответственность на себя, Кутузов приказал очистить Москву. Это пример, с одной стороны, удивительно ясного учета реального соотношения сил, значения на войне армии, а не пунктов, а, с другой стороны, величайшего гражданского мужества начальника, пример, на который я считаю своим долгом обратить ваше внимание.

Войска прошли через Москву и направились по Рязанской дороге, делая вид, что они отступают на восток, но затем Кутузов совершил блестящий по мысли и смелый по выполнению маневр. Когда вы читаете «Войну и мир» Толстого и его описание действий Кутузова, то вам кажется, что вместо главнокомандующего была какая-то пустая кукла, остававшаяся без всякого влияния на ход военных действий. У читателя возникает мысль, что для управления войсками вождю не нужно никакого искусства, что все делается само собой. Но изучение таких моментов, как тот, который я излагаю сейчас, покажет нам не неверность того, что говорит Толстой, но односторонность этого взгляда и выяснит роль вождя в операции. Попробуйте сами оценить обстановку, которая создалась к этому времени на театре войны.

Что делать дальше? Отступать на Волгу? Отходить на Петербург, прикрывая вторую столицу, или еще что-нибудь? Кутузов снова, как в Филях, принял большое решение, которое определяло его военный талант. Он приказал армии

ночным маршем перейти с Рязанской дороги на Калужскую и остановил свои войска на укрепленной позиции у Тарутино, закрывая этим неприятелю дорогу в богатые южные области и Тулу, где и в то время готовилось оружие для армии; одновременно расположение у Тарутино было угрозой коммуникационной линии Наполеона. Наши войска в тарутинском лагере повисли над путями сообщения Наполеона, давая опору партизанским отрядам, обрушившимся на его обозы, транспорты и фуражиров.

Наполеон занял Москву, разместился со свитой в кремлевских дворцах, а население подожгло Москву с 4 сторон и оставило город в таком виде на произвол врагу. Такого примера история еще не знала. В этом положении прошел месяц. Из 800.000 чел. французской армии, перешедшей Неман, в Москву прибыло не более 100.000 человек, которые каждый день таяли все более и более, разбегаясь на грабежи и дезертируя. Между тем Кутузов отвел в тарутинский лагерь 80.000 человек, которые каждый день усиливались прибывавшими подкреплениями. В то же время характер и значение нашествия иностранцев определялся для широких масс народа все яснее и яснее; они усвоивали его так, как я излагал это в начале этого очерка, и народные массы сами вставали на защиту страны, образуя партизанские отряды; народное восстание совершенно подрывало работу коммуникационной линии французов. Мелкие отряды уничтожились, фуражиров и дезертиров убивали. Положение французов становилось очень тяжелым. Великая армия таяла, в то время, как наши войска становились сильнее день ото дня, находя опору во всех слоях и классах России. В октябре месяце настал переломный момент, который ожидали Барклай и Кутузов. Наша армия стала в действительности и начала сознавать, что она сильнее французов. В конце октября Кутузов впервые попробовал перейти в наступление и под Тарутиным атаковал авангард Мюрата, захватив пленных и орудия. С этого момента начинается катастрофа у Наполеона. После отказа России, сплотившейся в одно усилие, в одну волю, заключить мир с врагом, занявшим столицу, французы не видели способа, как заставить русских сдаться и заключить мир. Россия, наоборот, во взятии Москвы увидела необходимость бороться до послед-

ней капли крови; война приобретала все более и более общенациональный характер. Подобно тому, как в начале восемнадцатого века, после поражения под Нарвой, петровская армия стала духовно расти и крепнуть и нашла опору в тылу, в широких слоях населения, так и в 1812 году, после потери Москвы, армия почувствовала твердую опору в общественном мнении всех почти слоев и классов страны, чтобы бороться против иностранного вторжения.

Особенность нашего народа заключается в том, что поражения никогда не подрывали его силы; наоборот, они вызывали новый подъем сил, и неприятель каждый раз был изгнан из пределов страны. После поражения под Тарутиным Наполеон понял, что перевес сил склонился на сторону русских и решил отступать, выбрав для этого Калужскую дорогу, чтобы не итти по разоренной его войсками прямой дороге на Смоленск; но наши войска остановили его под Малым Ярославцем и вынудили к отступлению по Смоленской дороге.

Мне хочется обратить ваше внимание еще на один очень красивый пример частного почина, имевший место во время операции под Малым Ярославцем. Когда Наполеон начал наступление по Калужской дороге, то наперерез ему, для того, чтобы дать время сосредоточиться всей армии, в качестве авангарда был послан корпус Дохтурова. Но, давая задачу, Кутузов неправильно указал ему направление движения, в результате чего корпус Дохтурова шел не навстречу Наполеону, и его удар не мог привести к тем результатам, которые от него ждал Кутузов. Из доклада партизана Долохова, Дохтурову удалось точно ориентироваться в обстановке и узнать о действительном направлении движения Наполеона. Не ожидая никаких новых приказаний, Дохтуров, по собственному почину, переменил направление движения своего корпуса; ему действительно удалось до прибытия Наполеона занять Малый Ярославец и задержать его настолько, что наша армия успела подойти и окончательно остановить движение французов на юг. Французы были вынуждены в результате этого маневра повернуть на старый путь, по которому они пришли—на Смоленскую дорогу. После ряда тяжелых боев, в тяжелом зимнем походе—параллельным преследованием наша армия вытеснила фран-

цузов за пределы России, а в течение 13-го, 14-го и 15-го годов окончательно довела до конца свою задачу полного уничтожения Наполеона.

Оставляя в стороне оценку с нашей точки зрения политических результатов этой войны, мы подойдем лишь к рассмотрению того, что она дала интересного для нас, изучающих историю военного искусства. Как была создана вооруженная сила, как ее вели на театре войны, каким способом был достигнут такой потрясающий успех, как полное уничтожение великой армии, превосходившей нас численно почти в три раза, предводимой талантливым командным составом, с самим «богом войны»—Наполеоном—во главе.

Разгадку этого нужно, как мне кажется, прежде всего искать в той страшной силе сопротивления, которая развилась в стране, без различия класса, как встречная волна общественного мнения, возмущенного насилием над нашей независимостью. Такой подъем всех сил страны мы знаем в истории нашего народа не раз. Широки наши пространства, не можем мы загородить наши границы крепостями и китайскими стенами, но каждый раз, когда кто-нибудь пытался непрошенным войти в наши пределы и угрожал нашей независимости, то дорога этого завоевателя кончалась либо на Куликовом поле (татары в 1380 году), либо под Москвой (поляки в 1613 г.), либо на Полтавском поле (шведы в 1708 году), либо под Бородиным и т. д. В народных массах просыпались такие силы и единодушие, готовность на борьбу и жертву, что гражданский мир устанавливался прочно, просыпалось национальное чувство, и класс организаторов, чувствуя себя выразителем мнения огромного большинства страны, мог сосредоточивать против неприятеля такие силы, что не только враги, но сами мы о них раньше не подозревали. Я думаю, что именно в этом и была та основная причина, благодаря которой мы достигли победы в 1812 году; как политические деятели, так и военные, должны знать, что на войне и в жизни приходится считаться не только с классовым расслоением, но часто с классовой солидарностью, с национальным объединением, в котором все классы, в определенные моменты, видят единственное спасение от грозящего общего всем несчастья.

Оценивая руководство войсками в этой кампании, очень похожее в этом отношении на великую Северную войну, мы должны отметить удивительно верную оценку *реального соотношения сил* и решимость, столь трудную порой, не принимая боя, отходить, выжидая время, когда силы сравняются, принимая все меры для того, чтобы усилить свою армию, ослабить врага, не боясь для этого жертвовать ни обширными территориями, ни самой столицей; Барклай и Кутузов оба ясно понимали, что дело не в территории, не в городах, а в живой силе, в армии и пока армия цела, до тех пор ничто не потеряно. Но армию можно пускать в бой лишь в том случае, если реальное соотношение сил складывается в нашу пользу. Решение Барклая в Вильне, Смоленске, Кутузова после Бородина и в Филях заслуживают с этой точки зрения самого глубокого внимания. Последовательное проведение этой идеи привело к тому, что настал момент, когда можно было перейти в наступление, отдать приказ об атаке Мюрата под Тарутиным и дождаться дня, когда последний французский солдат был изгнан с территории России.

Другая сторона, которая заслуживает особого внимания в кампании 1812 года, это—блестящая самодеятельность и частный почин всего командного состава армии. Тучков третий под Валутиной горой, Барклай, Багратион, Ермолов, Уваров, Коновницын, Платов в Бородинском бою, Дохтуров под Малым Ярославцем,—это лишь несколько наиболее ярких примеров деятельности учеников суворовской школы, духа частного почина, проникавших в армию (и партизан) сверху и донизу. Суворовскую же школу мы видели в постоянном стремлении, как только обстоятельства позволяли, действовать наступательно, от обороны перед превосходными силами, переходя к контр-атакам и встречным ударам. Все роды войск действовали необычайно дружно, оказывая взаимную поддержку, осуществляя в массовом масштабе заветы суворовской «науки побеждать», глубоко проникавшей в толщу армии.

Выводы, к которым приводит изучение суворовской эпохи.

После грандиозной борьбы, в которой создалась армия дворянской России, наибольший интерес для исследователя представляет суворовская эпоха, эпоха расцвета нашей до-

революционной армии, совпавшей с борьбой, которую Россия выдержала с французской революцией. Психология нашей армии базировалась в это время уже на силах исторической традиции, национализме, и наша армия стала той главной силой, при помощи которой европейская реакция уничтожила французскую армию, выросшую в пламени гражданской войны, и подавила самые остатки революции. Характерно, что предшествующий из рассматриваемых периодов — петровский, наша армия, сама вышедшая из социального переворота, до известной степени армия революции, сумела выполнить свои исторические задачи и победила твердую армию шведов, армию национальную, сильную своими традициями. Попробуем остановиться с большим вниманием на этом вопросе и установить причины такой победы русской армии над французской.

Мы установили прежде всего, что ко времени появления Суворова на исторической арене *государственный порядок окончательно закрепился*, и господство дворянства, *замкнувшегося в своей среде, приняло твердые, определенные формы*. Кроме того, начавшееся в народных массах, но еще не захватившее лучшие части дворянства движение, заставило его *сплотиться* внутренне вокруг общего знамени — престола. Наконец, в представлении широких масс еще не было иной концепции государственного устройства, кроме того, который выражался лозунгом—«Бог, царь и отечество»; «недостатки механизма» этого строя народные массы чувствовали, стремились их исправить, часто даже кровавыми восстаниями, но сама идея в ту эпоху все же сохраняла все свое обаяние.

Это внутреннее *единство всего народа*, охватывавшее все классы, характеризующее эту эпоху,—я говорю, конечно, об основных линиях, а не о деталях, иногда очень существенных,—было той базой, на которой строилась мощь нашей вооруженной силы суворовской поры и расцвет нашего военного искусства. Характеризуя обстановку с военной точки зрения, нельзя не отметить влияния целого ряда победоносных войн, создавших *традицию военной славы*, укреплявшей части, создававших авторитет командному составу и оправдывавших тот ряд недочетов, который неизбежен в каждой армии.

Посмотрите, как эта обстановка влияла на силу армии. Идейное единство и боевая традиция победы давали войску удивительную *силу духа, твердость* и базу для прочнейшей дисциплины, опиравшейся хотя, быть-может, не вполне осознанно, на самые глубокие основы духа бойца. Внешним выражением этой твердости являлись начальники и вожди этой армии, комплектуемые во всей среде командного состава по преданности делу и по личным достоинствам, а не по партийной принадлежности, ибо дворянство, господствующий класс был духовно един и партий в эту пору в армии почти нельзя было наметить. Мы видим во главе армии людей такой силы духа, как Суворов под Требией, Измаилом и в Швейцарском походе, как Багратион под Шенграбеном и Бородиным, или Кутузов в Тарутине и Филях. Легко действовать вождю, когда он чувствует, что в нем, как в *фокусе, сосредоточивается воля к победе сотен тысяч бойцов его армии.* Дух армии был опорой вождям и сила духа вождей давала выход, выявляя настроение массы, часто неясно осознанное даже ею самой. (Это та часть мнений Толстого о войне, которая представляется мне глубоко верной.)

Отметим, однако, что дворяне—командный состав, организаторы армии, были в этот момент действительно первыми, лучшими солдатами, дававшими *личный пример* в каждой трудной минуте похода и боя.

Нельзя перечислить имена генералов, сложивших свои головы или раненых на поле брани; Суворов, Кутузов, Багратион, Каменский, Тучков видели смерть в каждом бою. В одном Бородинском бою было убито и ранено 22 генерала на нашей стороне; войска чувствовали их присутствие в трудные минуты, привыкли верить не только их искусству, но и их *товарищеской солидарности* перед опасностью, перед смертью.

В этой обстановке и выросла та школа воспитания и вождения армии, которая сделала ее первой силой современной Европы. Опора на *сильные стороны человеческого духа, сознание целей борьбы, чувства долга, чести, самодеятельности,* не оставляя без внимания честолюбия, эти факторы создавали нравственную мощь армии, давая возможность вождям с таким совершенным боевым аппаратом создавать блестящие образцы военного искусства.

Ясный учет *реального соотношения сил, активность, частный почин, уменье воздержаться при невыгодной обстановке* и, наоборот, поставить все на карту, когда шансы победить имелись налицо, понимание превосходства наступательного образа действий и уменье рядом чисто технических приемов (как-то: темп работы, *обучение* наступательному бою), внимательной *подготовкой* операции, в которую *вовлечены все*, от мала до велика, *организовать дух* армии, соединить все ее сильные стороны и нейтрализовать слабые,—все эти приемы, которые в своем кратком курсе я мог только наметить, давали неизменно победу нашим знаменам. На этой общей обстановке выявился талант Суворова, по размаху, настроениям и тенденциям, он, несомненно, творец новых форм, а не борец лагеря реакции, каким он был по рождению и воспитанию. И эти-то стороны делают его деятельность особенно интересной нам, перед которыми стоит задача создания новой армии.

До тех пор, пока люди будут вынуждены вооруженной силой отстаивать свою точку зрения, часто свое право на жизнь, до тех пор Суворов, великий мастер войны, его заветы, его примеры будут служить незабываемой школой военачальникам, особенно тем, которым приходится иметь дело с русским офицером и солдатом. И отметим, что в той обстановке внешней и внутренней политики идеи Суворова, явившиеся синтезом, наиболее ярким выражением опыта и настроения эпохи, имели целую обширную группу единомышленников в армии и учеников после его смерти. Прежде всего, суворовская школа, развивая идеи, положенные в основу нашей армии еще Петром, выявила, что главное на войне есть дух человека, который в окончательном итоге решает победу или поражение. Несмотря на то, что Суворов и его друзья жили в эпоху наивысшего расцвета крепостного права, что уже и в то время немецкая школа проводила в нашей армии взгляд на солдата, как на животное, пушечное мясо, наша армия, наоборот, строила силу своих «чудо-богатырей» воспитывая, развивая человека в человеке. Суворов стремился дать солдату ясное понимание высокой цели, во имя которой он шел на смерть, стремился дать ему *идеал*, более дорогой, чем жизнь. Он внушал ему *веру в себя*, он стремился создать ему человеческие условия

жизни и сблизить его с офицером в *тесном боевом сотрудничестве,* подавая сам пример *простоты* жизни, братского, *гуманного отношения* к подчиненным. В воспитании же командного состава он проводил еще одну идею—развитие *самодеятельности, частного почина.*

Отметим, что все эти идеи совершенно не были знакомы современным армиям Европы, и в этом отношении Суворов и наша армия опередили Европу без малого на полстолетие. Эти идеи, путем особой *системы приемов, особой техникой,* он сумел сделать жизненными, такими, что каждый *рядовой начальник, пользуясь ими,* обучая таким способом войска, мог добиться нужных делу результатов, воспитания духа войск. В этом еще мало понятый секрет его науки. В этом, мне кажется, суть, главная основа его деятельности.

Другая идея, которая проникает всю школу Суворова, это явное, исключительное *предпочтение,* которое Суворов отдавал, а с ним и основное течение среди его современников, сотрудников и учеников, *наступлению в стратегии и тактике.* В наступательном духе шло все обучение и воспитание армии, в наступлении были проведены все лучшие походы, одержаны наиболее громкие победы этой эпохи как против турок и поляков, так и против лучшей армии современной Европы, армии французской революции. Стремительное наступление, не останавливающееся ни перед какими преградами и опасностями, захватывавшее в своем бешеном темпе свою армию, даже союзников, таких, как австрийцы, вносившие смятение в психику врагов, не представлявших себе возможности, ни такой быстроты движения, ни такого напора.

Но наступление Суворова не было безрассудным, неосмотрительным наступлением «во что бы то ни стало»; это не было «бегство вперед», но при всей своей стремительности оно было всегда *строго методическим,* в наполеоновском смысле этого слова, с ясным *учетом реального соотношения сил,* выбором важнейшего объекта действий и направления *операционной линии,* готовностью в решающую минуту, а не тогда, когда в этом не было никакой надобности, все поставить на карту, готовностью риска, и постоянной заботой обеспечения своей коммуникации. В тактике его наступления были всегда наступлением, *технически разученным, об-*

разом действий, известным войскам, *который он преподавал своим войскам в поле, по приемам,* разучивая его технику во всех подробностях.

Все это, не только рассказанное на словах, но и подтвержденное всей его боевой деятельностью, в которой *он не знал ни одного поражения,* составляет для каждого военного «науку побеждать», изучение которой оплатится сторицей в трудные минуты решения на войне, в бою.

Совокупность всех этих данных дала нам победу над армией французской революции, а именно *духовное единство всего народа,* без различия классов, *жизненность господствующего класса, тесно* дававшего талантливых организаторов и самоотверженных вождей, примыкавшего в своей идеологии, в своих действиях к тому, как сложилось в то время народное мнение; расходясь объективно с интересами народа, дворянство действовало в направлении, *субъективно признаваемом правильным общественным мнением большинства народа,* выделив блестящий по военному таланту, твердости духа и способности к частному почину *командный состав,* умевший технически правильно разрешать вопросы, вернее сказать, разрешать их с наименьшим числом ошибок.

Эти данные создали армию такой мощи, что все силы, которые могла сосредоточить французская революция к этому времени, были недостаточны, чтобы ей противостоять. Это нам нужно ясно понимать, ибо именно эти сильные стороны составляют теперь силы армии главного нашего врага на континенте—Франции, от столкновения с которым будет, вероятно, зависеть в окончательном итоге судьба русской революции. И для того, чтобы устоять в этой борьбе, которая неизбежно нам предстоит, нам нужно внимательно изучить борьбу армии Суворова с армией Великой французской революции. Быть-может, выводы мои не всем покажутся убедительными. Я не ставлю задачей кого бы то ни было убеждать. Я хочу лишь, чтобы на факты, сохраненные нам историей, каждый будущий офицер ген. штаба обратил серьезное внимание и учел их, обдумал *самостоятельно* и составил *свое* мнение.

III. Эпоха Аракчеева.

Начало упадка дворянской армии.

Военные реформы Павла I.

Недостаток времени не позволяет мне остановиться с достаточной подробностью на этой эпохе перелома военного искусства России. Страна росла экономически. Она естественно искала новых форм, которые и в экономической, и в политической области дали бы выход и организовали нарождавшиеся силы. Но дворянство, не находившее в себе силы стать во главе этого движения, пошло по обычной дороге отживающих классов. Вместо эволюции, оно обратилось к реакции. А реакция в политической области всей своей тяжестью обрушивается на живую мысль страны. Реакции страшнее всего, чтобы народные массы не поняли «то, что есть». Реакция поэтому вынуждена бороться со всем и со всеми, кто несет искру света массам, кто может повлиять на изменение *сознания*, общественного мнения трудовых элементов страны, работа которых в том лишь случае может благополучно присваиваться классом организаторов, если народ не понимает, не *сознает* явной несправедливости совершающего присвоения продуктов его труда. Поэтому всякий, кто думает, кто пробует решать «проклятые вопросы»— того власть в такую эпоху должна преследовать. Власть обрушивается, как на одну из областей живой мысли, и на умственную работу армии, так как, задумавшись над устройством победоносной армии, серьезный, вдумчивый человек невольно придет к пониманию всей политической обстановки в ее целом, ибо в армии, как в фокусе, увеличительного стекла, перекрещиваются все нити политических влияний данного государства. В этом суть всего, что будет рас-

сказано дальше. Для ясного понимания последующей эпохи необходимо остановить ваше внимание на тех 2 задачах, которые неизбежно лежат в основе всех сооружений при создании вооруженной силы и в согласовании которых, я бы сказал, на $^3/_4$ лежит возможность для армии стать оружием, совершенным с военной точки зрения. Во-первых, на вооруженную силу всегда возлагается задача победы во внешней борьбе: например — борьба русского народа, в дружном взаимодействии всех классов, против татарского ига; во-вторых, для разрешения силой оружия задач управления страной в целях сохранения власти в руках господствующего класса, обычно считающего себя выразителем интересов большинства народа, для подавления, например, восстания Пугачева. В этом задачи армии. Те исторические периоды, которые мы разбирали до сих пор, в особенности эпоха Петра, а затем и эпоха Суворова, мы видим, что эти две задачи совпадали, что дворянство той поры фактически осуществляло те задачи, которые стояли перед всем народом, вводя Россию в цикл стран европейской культуры, с одной стороны, и с другой — распространяя владения России до ее естественных границ, и потому как во внешней борьбе, так и во внутренней, против групп, подрывавших силы страны в стремлении к этим задачам, в дворянстве не было раскола. Армия была вся насквозь проникнута одними взглядами и стремлениями. Но это единство общим ходом развития России и примером французской революции нарушилось, и Павел I был внешним выразителем этого нового момента в нашей истории. В понимании жизни различных групп дворянства произошел резкий раскол. Политика этого императора выявила его с полной наглядностью. С одной стороны, мы видим серьезные крестьянские волнения, которые произвели большое впечатление на господствующий класс. С другой стороны, твердое решение дворян в их большинстве поддерживать прежнюю линию, имевшую в виду осуществление выгод только господствующего класса. Император Павел пытался установить некоторое равновесие этих противоречивых интересов, тем более, что разнузданность дворянства доходила до крайних пределов. В армии, например, дворянам, разорившимся от роскоши придворной жизни, давали полки для поправки их дел, как

тогда говорили, «на кормление». Но этого мало. Дворянская вольница при Екатерине, бывшая бесконтрольным хозяином в стране, вела *государственную*, а, следовательно, и *военную* тактику приемами и методами феодальной анархии, где «вся власть»,—или большая часть ее—была «на местах» и где общегосударственный план работы, необходимо требующий централизации управления, был неосуществим. Между тем экономическая жизнь развивалась. Развивалась в России как внутренняя, так и заграничная торговля, развивалась хоть и очень слабо промышленность добывающая и обрабатывающая. Все это требовало, с одной стороны, увеличения интенсивности труда народных масс (переход к свободному труду от крепостного), а с другой стороны, твердых гарантий закона, без которых частная инициатива не видела обеспеченного поля для своего приложения,—следовательно, необходимо было перейти от феодализма к централизованному управлению. Это всегда болезненный процесс обычно кровавый. От широкой свободы переходят к полному закабалению мест. Нечто подобное мы видим и в попытке Павла, развитой в полной мере Николаем I. Для установления новых организованных форм и нового равновесия классов Павел искал точку опоры вне каждой из основных общественных групп, дворян и крестьян, а в новой, им создаваемой, армии. История Павла есть попытка одного человека, не опираясь на определенные общественные группы, перестроить общий порядок в государстве и в армии, с целью поднять благосостояние государства и упорядочить отношения в стране. Эта исходная точка зрения, с которой интересно подойти к деятельности Павла первого. Социальная обстановка была такова: крестьянские массы были определенно недовольны существовавшим общественным порядком; между тем единственной группой организаторов по своему развитию, образованию и талантам было дворянство, которое за свою организационную работу брало плату в виде крепостного труда крестьян. В ту пору в России буржуазии, как организованного класса, еще не было, торгово-промышленный класс представлял собой незначительную в политическом отношении величину. Армия была целиком в руках дворянства. Недовольство таким вредным для России положением главной массы населения—крестьянства—вы-

ражали в царствование Екатерины оппозиционные кружки идеалистов-дворян, бывших в ничтожном меньшинстве, во главе которых мы встречаем имена Радищева, Новикова и их друзей. Император Павел принадлежал, по-своему, тоже к оппозиции, но видел путь к исправлению недочетов нашей тогдашней жизни не через развитие общественности, раскрепощения народа и широкие либеральные реформы, а в модном тогда порядке так называемого «просвещенного абсолютизма». Подобно тому, как Петр в свое время создал себе опору для нового направления политики в лице преображенцев и семеновцев и с помощью этой опоры перевернул весь ход государственной жизни, так же и Павел мечтал изменить ход русской жизни, опираясь на штыки, и с этой целью сформировал Гатчинский корпус из людей, выброшенных из жизни, без связей, без имущества, привязанных к одному лишь императору и готовых творить его волю. И с этим войском он пошел против беспорядков и злоупотреблений дворянства. На какие же силы, сверх своего корпуса, он мог опираться? Несомненно, его реформам могли сочувствовать народные массы, но опереться на них он, по целому ряду причин, не мог. И действительно, народ, в современном состоянии его развития и сознания, был способен лишь на «пугачевщину», а не на организованное движение, а французская революция показала ему, что может быть даже в случае, если у народа находится организующий класс такой силы, каким была французская буржуазия. К опоре на массы Павел поэтому относился недоброжелательно; но улучшить быт народа можно было лишь за счет помещиков. Отсюда трагическое положение царя, воодушевленного, быть-может, лучшими намерениями, но бессильного. Когда вы начинаете изучать царствование Павла I с этой точки зрения, то вам становится понятным крайне нервное, даже истерическое состояние, которое овладевало им и росло все более и более, по мере того, как ему становилась ясной бесплодность его попытки. В бытность свою наследником он посетил в Потсдаме Фридриха Великого и познакомился с его армией. Побывал он и в Версале—в еще дореволюционную пору—у Людовика XVI и вывез из своей заграничной поездки идеи, господствовавшие в ту пору в Европе,—идеи «просвещенного абсолютизма», т.-е. прогрессивное реформи-

рование государства монархом, опиравшимся на торгово-промышленные круги, создавая армию — слепое орудие его воли. Этим путем государи Запада вводили реформы, полезные торгово-промышленному классу, а косвенно и для широких слоев народа, отнимая некоторую часть прерогатив у феодалов. Фридрих Великий таким путем провел целый ряд мероприятий, которые сыграли крупную роль в улучшении быта широких народных масс, но в особенности повели к расцвету торговли и промышленности. Император Павел решил действовать таким же путем. Будучи наследником, он жил в полуофициальной опале в Гатчине и там начал формировать небольшое войско. Сначала это был кавалерийский полк его личной охраны; к нему прибавилась гренадерская рота, потом рота моряков и т. д.; постепенно отряд вырос в небольшой корпус, силою в 2400 человек, в котором было 4 отдельных батальона пехоты, рота егерей, артиллерийская рота, 4 кавалерийских полка, — словом, ячейки всех видов войск. Воспитание этих войск носило совершенно своеобразный для России характер, резко расходившийся со взглядами Потемкина и Суворова, но зато точно воспроизводивший фридриховскую систему. Действительно, для того, чтобы осуществлять свои идеи и опираться на армию помимо дворянства, нужно было, чтобы армия была совершенно безгласным и бессловесным орудием. Если бы офицерство этой армии стало думать, то армия работала бы лишь на пользу дворянства; если бы стали бродить свободные мысли в солдатских головах, то армия быстро пошла бы против дворян. Павел же хотел компромисса: улучшить положение народа, но в то же время не освобождать его от крепостной зависимости; дворянство же должно было, по его мысли, поступиться рядом своих привилегий. Единственным способом для того, чтобы это осуществить, нужно было, чтобы армия была в его руках орудием без воли, без мысли, исполнявшим все предсказания своего монарха беспрекословно, и при помощи армии заставить всю остальную Россию исполнить его волю. Отсюда видно, как политические силы проходят в самые тончайшие отношения в армии и как они предопределяют создание того или другого типа войск и самое воспитание армии. Если сравнить это с тем, что в эту эпоху делали Суворов, Потемкин,

а ранее того Петр, которые стремились влиянием на лучшие стороны души человека развить в солдате и офицере сознание, самодеятельность, установить тесную связь солдата с офицером, воодушевив их одной и той же идеей борьбы за отечество, то разница покажется страшно резкой. С той высокой ступени развития, на которую армия была поднята, ее сбрасывали назад, стремясь человека обратить в мертвую машину. Политические идеи, которые Павел хотел осуществить, заставили его принять иные формы организации армии. Екатерина Вторая, опираясь на дворянство, могла верить своим фельдмаршалам, и атмосфера доверия проходила через всю армейскую работу. Павел не мог относиться к тем, которыми он себя окружил, ни с доверием ни даже с уважением, ибо, создавая армию на началах, мною отмеченных, он был вынужден набирать людей, потерявших социальную базу, по большей части, с бору и с сосенки, без мысли, без воли и совести. Именно такие люди, по отзывам современников, и составляли гатчинские войска. Мы должны, однако, отметить в этих мерах большую историческую правду в том смысле, что этим путем Павел стремился сделать из армии тот точно работающий аппарат, *централизованный* и точный, которым должна быть армия. И если бы в его распоряжении была мощная группа организаторов, которая приняла бы эти идеи *как свои,* стала воплощать их по влечению своего убеждения, то централизация принесла бы всю пользу, которую от нее в праве были ждать, не внося искажения в военную жизнь, в боевые качества армии. Но такая группа могла бы создаться, если бы имелся новый общественный слой, новый класс, на который он мог бы опираться, интересы которого он бы выражал. Но этого не было, и Павел вынужден был строить новую армию *насильно,* против общественного мнения тех слоев—дворянства и крестьян—из которых он создавал армию. Насилием же армии сделать нельзя, так же, как нельзя ее сделать и без применения насилия. Нужно лишь, чтобы для большинства это было выражение его воли, его сознания и насилия над меньшинством. Таким образом, вместо того, чтобы опереться на тот или другой класс, Павел был вынужден для разрешения проблемы классовых отношений тем способом, который представлялся ему наилучшим, опереться на небольшую группу

случайных, им самим созданных людей. Я думаю, что каждому из вас ясно, насколько это было невозможно и к каким тяжелым кризисам должно вести. Прежде всего это повело к резкой ломке в армии. Вместо развития самодеятельности, в нашей армии начала вводиться жесточайшая палочная дисциплина, т.-е. то, что делали в свое время Миних, Бирон, голштинцы и др. Началось выматывание войска на бессмысленных учениях, вахт-парадах, караулах, церемониальных маршах. Войско обучалось целый день всевозможным фокусам шагистики и ружейных приемов. На все это требовалось так много времени, что в распоряжении солдат и офицеров для размышления и сна оставалось только 5—6 часов, все остальное время войско тратило на занятия. Добивались невероятной точности в движениях, равнении; даже обычный шаг человека в 1 аршин был отменен и заменен шагом в $^3/_4$ аршина, ибо на таком шагу легче равняться и легче проделывать манипуляции и артикулы; в нашей армии начиналась аракчеевщина, влияние которой вы ощущали еще на полях сражений в Галиции и под Варшавой и которая, к сожалению, не умерла с революцией. Аракчеев появился в гатчинском войске маленьким, скромным офицером, но качества его, как идеальной живой машины, жестокого, неутомимого, исполнительного до мелочей и по-собачьи преданного своему монарху, быстро выдвинули его; он сделался комендантом Гатчины, а с воцарением Павла сделался учителем Суворова и его «чудо-богатырей». Эта личность настолько важная в истории нашей армии, настолько интересна с точки зрения военного искусства, что на ней необходимо остановиться. Аракчеев был человек неглупый, энергичный, готовый работать как машина, но совершенно презиравший человеческую личность и жестокий до того, что ему случалось на ученьи вырывать гренадерам усы; это был человек, в котором не было ничего человеческого, но исполнитель это был блестящий, из преданности к монарху он готов был исполнить все, что угодно. В дальнейшем мы затронем вопрос о военных поселениях. Аракчеев был убежденный противник этой меры, но по императорскому указу и против своего убеждения он осуществлял их. С появлением Аракчеева в гатчинских войсках фридриховская система обучения получила талант-

ливого исполнителя и была проведена полностью, создав кадр командного состава, который потом, с опытом гатчинского вахт-парада, пошел переучивать и, в конце-концов, к 1854 году, переучил победителей Ларги, Рымника и Праги.

Вот в кратких чертах то направление воспитания, которое было введено Павлом в гатчинских войсках; окруженный маленькой кучкой созданных им «гатчинцев», Павел взошел на престол и немедленно приступил к реформе армии. Свободные кафтаны екатерининской поры были сменены одеждой и обувью прусского образца. Все стало переделываться на немецкий лад. Солдат одели в лосиные штаны, заплели им косы, смазали их жиром, надели шпаги, торчавшие крайне неудобно и в сторону, прицепили букли и присыпали их мукой. Когда Суворову пришлось одеться в этот наряд, то старик пришел в полное неистовство и демонстративно на глазах императора высмеивал и новую форму, и новые порядки.

Действительно, можно себе представить, какое впечатление должна была произвести вся эта система в армии. Одновременно император Павел предпринял ряд реформ, улучшивших положение крестьян. Он сократил обязательную работу крестьян до 3 дней в неделю, запретил продавать крестьян, как животных, в розницу, сохранив продажу душ только вместе с участком земли, на котором они жили. Под влиянием этих реформ в дворянстве росло недовольство, оно захватывало офицерство—дворян—в армии и особенно в гвардии, и Павел должен был усилить свое давление на екатерининскую армию, выбрасывая из нее талантливых, но самостоятельных военачальников. Суворов вскоре оказался в опале и был выслан в село Кончанское, под надзор полиции, где он пел на клиросе и звонил в колокола. Ближайшие сослуживцы Суворова были арестованы и отстранены от всякого участия в государственных делах. Целые полки, чем-либо не нравившиеся Павлу или Аракчееву, иногда прямо с парада (Конный полк) высылались в Сибирь. Армия екатерининской поры подвергалась жестокому гонению. Вы помните блестящую плеяду военных людей этой эпохи. Я стремился обратить ваше внимание на то, что сила армии нашей была построена на большой индивидуальной работе всего командного состава и даже отчасти солдатской

массы. Это была работа всего коллектива армии. Взаимное доверие всех сверху и донизу было основой этой системы. Но раз политические причины разорвали нежные нити доверия в армейской среде, то с ней и вся работа остановилась; действительно, 7 фельдмаршалов, 300 генералов и штаб офицеров на армию в 400.000 человек должны были оставить службу. Вся самодеятельность искоренялась Павлом. Новая политика потребовала новых людей, и эти люди были взяты из гатчинского войска, но Павел им также не мог доверять вполне и стремился сохранить в своих руках все нити управления. Вместо главнокомандующих армиями, пользовавшихся всей полнотой власти, он организовал группу инспекторов, с задачей наблюдать за точным исполнением его приказов, но не облеченных никакой властью; самое большое, что мог сделать инспектор, это дать обер-офицеру 28-дневный отпуск; все назначения, производства, распоряжения исходили непосредственно из кабинета самого императора, вплоть до разрешения вступления обер-офицерам в брак. Каждый округ имел инспектора для пехоты и другого для кавалерии, так что даже призрак власти был разделен. Эта мысль была доведена до конца установлением особого инспектора для всей артиллерии. Вы помните, какое значение придавал Потемкин командиру полка, как стремился выдвинуть его значение. «Армия сильна не числом, а сильна командирами» (полков), так говорил Потемкин. Павел все руководство полком передал шефу полка, оставив при нем командира как безвольного, безгласного исполнителя, ни у того, ни у другого настоящей власти не было; один из них как будто больше руководил военной частью, а другой пользовался большой политической властью.

Но, во всяком случае, вместо единой воли, сосредоточения власти, Павел, полный недоверия к своей армии, стремился все обезличить, лишить влияния, сохраняя лишь за собой право карать и миловать. В России, говорил он, «только тот человек, с которым я говорю, и до тех пор, пока я с ним говорю». Вся самодеятельность была отнята у командиров, у них осталось только исполнение тех требований, которые ставил император в своих многоречивых приказах и уставах. Все сводилось к одной единственной цели—обез-

личить войско, сделать его послушным орудием воли своего императора.

Следуя общей схеме моей работы, я должен был бы дать очерк той или другой кампании, где бы особенно ярко выявились свойства этой новой армии и способы управления ею. Такой кампанией естественно был бы 1805 год и поражение под Аустерлицем, где наши войска далеко не показали той стойкости, которую мы привыкли видеть в суворовских походах. Недостаток времени не позволяет мне это сделать. Но уже и тот краткий очерк много говорит военному исследователю, интересующемуся методами создания вооруженной силы. Мы видим, что характерной чертой зарождавшегося аракчеевского режима было недоверие ко всем, и к офицеру, и к солдату. Политическая обстановка властно диктовала такое направление работы в армии. Действительно, тот разрыв, который уже давно существовал между классами в России, который временно забывался перед лицом общей опасности, постепенно с упрочением положения России стал все громче и громче давать о себе знать,—восстаниями и обнищанием крестьянской массы, с одной стороны, и нароставшими роскошью, самодурством, развратом, всевозможными непорядками в господствующем классе—с другой. Такое поведение господствующего класса, забывшего свою историческую роль организатора и постепенно обращавшегося начисто в эксплоататоров народа, новый император хотел исправить, восстановить нарушенное равновесие, опираясь на созданную им армию,—армию, стоявшую в безвоздушной сфере, вне классов, не связанную ни с какими общественными группами.

Штыками можно завоевать царство, но опираться на них нельзя. И это правило Павел почувствовал в своей деятельности, увидев, что он никому доверять не может. Исключительный пример в истории—попытки построить армию, не давая в ней никому ни тени власти. Ни в полку, ни в инспекции, нигде и никто не был хозяином. Все были безвольными исполнителями воли Петербурга. Конечно, в суворовской армии были недочеты, случалось, что гвардейские офицеры гуляли по столице с муфтой в руках и собачкой на ленте. Но и умирать, и побеждать они умели, а зарождавшийся режим придушил в армии волю к по-

беде, самодеятельность и начал разрушать ее настолько, что под Аустерлицем французам не потребовалось большого труда, чтобы нанести нам тяжкое поражение.

Короткое пятилетнее царствование Павла резко прервало естественный ход развития армии, оно не могло, конечно, разрушить столь быстро результаты почти 25-летней созидательной деятельности Суворова, Румянцева и Потемкина. Поэтому и в 1799 году в Италии и Швейцарии, где сам престарелый фельдмаршал руководил военными действиями, где была спета лебединая песнь его боевой деятельности, и в 1812 г., когда национальный подъем охватил армию от мала до велика, мы почти не видим влияния «аракчеевщины». Но в тех кампаниях, когда не было этих мощных факторов, как, например, в войнах 1805—1806—1807 гг., мертвенный дух разложения начинал охватывать командный аппарат и часто, сравнивая два таких близких периода, как 1799 и 1805 или 1807 и 1812 гг., мы не можем понять, в чем лежит причина наших неудач, поразительной инертности, бесталанности наших действий под Аустерлицем, Ейлау и Фридландом. Мне думается, что ее надо искать именно в этом начавшемся убивании живого духа в армии, которое составляет глубокую основу нарождавшейся аракчеевщины.

Прерванная первыми годами царствования Александра I и периодом тяжелых войн 1805—1815 гг.,—войн, закончившихся небывалым успехом 1812 г., уничтожения Наполеона,—«аракчеевщина» возродилась и расцвела вновь; тут-то она приняла свои вполне развившиеся формы, когда период войн кончился, опасность внешнего врага прекратилась и государственной власти можно было сосредоточить свое внимание целиком на вопросах внутренней политики.

Расцвет реакции в армии при Николае I.

Казалось бы, подвиг нашей армии в 1812—15 гг. был велик и заслуживал награды. Не только на поле сражения, но и во внешней выправке армия достигла такого совершенства, что во время церемониального марша на смотру в Шампани из 120.000 человек ни один не сбился с ноги. Мнение всех военных людей того времени, в том числе Веллингтона и Блюхера, было, что русская армия в это время

была лучшей армией в Европе. Но когда были решены внешние задачи и армия возвратилась назад победительницей, освободившей народ от нашествия двунадесяти языков, то выдвинулись снова задачи внутренней борьбы, где дворянство имело свои цели, далеко не совпадавшие с задачами всего народа. Но армия вернулась, побывав в Германии, где такую крупную роль сыграло общественное движение, где многие виднейшие военные были членами общества «Тугенбунга», которое дало толчек к целому ряду крупных реформ в Германии. Армия побывала также и во Франции, где идеи Великой Французской революции были живы в умах лучших людей. Все это не могло остаться без влияния на русское офицерство, включавшее в это время весь цвет русского мыслящего общества, по преимуществу дворян. Целый ряд молодых офицеров стал учить солдат грамоте, были устроены «ланкастерские» (взаимного обучения) школы чтения и письма. В Петербурге и Москве возник целый ряд различных военных школ, поставивших себе целью изучение военного искусства и обучение офицеров для службы в генеральном штабе. Начал издаваться первый военно-научный журнал, и появились первые научные работы на военные темы русских авторов. В армии началось умственное движение, в которое была втянута вся лучшая молодежь того времени. Таким образом, влияние эпохи войн начала XIX века было весьма благотворно и сулило яркий расцвет нашей вооруженной силе. Но умственная работа в одной какой-либо области, в данном случае военной, не может ограничиться ею.

Разбуженная мысль начинает искать ответа на все вопросы, а из-за границы армия принесла запас политических идей, дававших огромную пищу уму, в особенности в столкновении с теми противоречиями, которыми была полна русская жизнь. В среде офицерства возникли кружки чисто политического характера, объединявшие сторонников «освободительных» идей, протестантов, не мирившихся с насилием и неправдой господствующего класса (к которому они принадлежали по рождению, а также имущественному положению) и требовавших раскрепощения крестьян в первую голову. Полковник Пестель, князья Трубецкой, Волконский, дворяне Бестужев, Каховский, Рылеев и другие стояли во

главе этого движения; гвардейская молодежь Петрограда почти вся целиком была втянута в общество движения, известное потом под названием «декабристов». И вот, боясь этого движения в армии, оглядываясь на примеры Италии, Испании и Португалии того времени, где военные заговоры играли такую крупную роль, руководящие политические круги снова отдали армию во власть Аракчеева, с целью убить в ней мысль, сделать ее снова послушным орудием внутренней политики. Снова начались гонения на военных людей и, как пишет ген. Киселев, видный деятель времени Николая I, один из немногих сторонников освобождения крестьян,—«Георгиевские кавалеры были выброшены из армии и пошли торговать в винных лавках, а их место заняли штукмейстеры павловских времен, которые армию, которая составляла гордость России, зажали в тесные клещи, убив в ней дух». Началось повторение того, что я рисовал вам в эпоху кратковременного царствования Павла, когда в первый раз появился Аракчеев, но мероприятия эти еще усилились и стали еще более жестоки. Политика реакции ворвалась в армию для того, чтобы во имя порабощения всего народа убить дух в армии, а с ним неизбежно и военное искусство в нашей армии. Но, конечно, после тех подвигов, которые армия совершила, и после того, что она видела, такой поворот безнаказанно пройти не мог; лучшие люди нашей армии, воодушевленные идеями, составлявшими духовное богатство всего современного человечества,—идеями свободы, равенства и братства, отданные под власть и расправу Аракчееву, прониклись духом протеста и стали мечтать,—кружок Южного общества с Пестелем во главе,—об установлении республиканского строя и казни императорской семьи; другие кружки, как, например, Северное общество, с Рылеевым, Каховским и Калошиными во главе, в Петербурге, так далеко не шли, но возмущение во всех рядах гвардии и армии было очень велико. Все это имело следствием бунты в войсках (Семеновский полк) и кончилось вооруженным восстанием на юге и в Петербурге на Сенатской площади, в декабре 1825 года. Восстание декабристов было подавлено, политическую сторону этого движения и причины его подавления вы изучите в другом месте, здесь же нас интересует только военная сторона дела. Мы можем

относиться к этому движению так или иначе, но несомненно одно, что декабристы были лучшие люди того времени, и люди, стоя в рядах армии, одержавшей победу над Наполеоном, лучше, чем кто бы то ни было, понимали, что режим, введенный в армию, не может удовлетворять прежде всего их, военных людей, ибо такой режим делал армию небоеспособной. В поисках средств изменить такой порядок в армии они быстро поняли, что корни его лежат в самом строе крепостной России. Поэтому мне не кажется удивительным, что военные люди первыми вышли с оружием в руках бороться за новый порядок. Именно армия, воспитанная в суворовском духе, в духе частного почина, любви к наступлению, где больше всего нужно участие широкой, творческой самодеятельности, живого духа, всех входящих в ее состав, именно военные люди того времени, должны были ранее всего почувствовать резкий перелом с 15 года, когда все живое из армии изгонялось, когда в армии наступила пора мертвой реакции, которую настоящий военный человек не мог вынести, так как она убивала армию *как боевую силу*.

Восстание декабристов, которое они не сумели, или, вернее, не захотели опереть на широкие народные массы, было жестоко подавлено. Ссылки, аресты и казни нанесли тяжелый удар всему освободительному движению—по дороге—нашей армии. Все, что было в ней живого, светлого, выдвинутого войной на первое место, было теперь раздавлено; их заменили флигельманы и дрильмейстеры Аракчеева; устраивались военные поселения, где люди были обезличены до того, что должны были в один и тот же час вставать, ложиться, сеять, пахать и богу молиться.

Нам с военной точки зрения важен один момент: раз правительство защищало интересы дворянства в ущерб всем остальным группам и классам и с этой целью оно учило и воспитывало армию, то армия победителей должна была обратиться в полицейскую машину. Убивание личности в армии приводит прежде всего к тому, что воспитание армии строится на принципе: «исполнять не рассуждая». Этот лозунг сделался господствующим. Нужно отметить весьма важный факт, что внутренние политические условия, определившие новую линию поведения по отношению к армии, развернулись после 1815 года далеко за пределы России.

Если вы посмотрите на политическую обстановку Западной Европы в этот момент, то увидите, с одной стороны, союз трех реакционных государств Востока и серединной Европы: империи Русской, Австрийской и королевства Прусского, к которым присоединялся ряд мелких государств Германии, составляя так называемый «Священный Союз». Прикрываясь различными туманными лозунгами о братстве народов, он в действительности имел целью организовать сопротивление правящих феодальных групп этих стран революционному движению, в котором принимало участие все остальное население этих стран, даже буржуазии, как это было в Австрии и Пруссии (про русскую буржуазию того времени говорить не приходится). Государи этого союза объединились для того, чтобы подавить всякую революционную попытку и, как показал 1848 год, они были со своей точки зрения правы.

Движение 1848 года, стремившееся вылиться во Франции в форму пролетарской революции, а в центральной Европе, в Австрии, Пруссии и в Германии в формы революции буржуазной было, в окончательном итоге, подавлено при посредстве нашей армии. Россия в этот момент явилась последней гирей на весах, которая перетянула чашу реакции и остановила приближение революции.

Для полноты обстановки, в которой развилась наша армия той поры, я должен вам отметить еще некоторые факты, которые чрезвычайно интересны для понимания дальнейшей истории нашего военного искусства. Первым из них является все более и более усиливающееся влияние в нашей русской жизни немецкого дворянства. Причина этого заключалась в том, что дворянство не имело поддержки у себя внутри страны; враждебный лагерь начинался у самого порога феодального общества, ибо нарождавшаяся буржуазия и интеллигенция были во враждебном стане; волей-неволей русскому дворянству приходилось искать союзников за границей, и этот союзник был найден в лице такой же феодальной группы прусского юнкерства с подобными же классовыми интересами и задачами. Мостиком между ними были наши остзейские бароны, которые представляли собою плоть от плоти и кровь от крови прусских дворян. Живя в России, эти люди с нескрываемым презрением относились ко всему русскому. Они прямо говорили, что они служат своему сю-

зерену, русскому императору, но ничего не хотят иметь общего с Россией. Но за свою верную службу этому императору они требовали дорогую плату в виде денежных наград и, что еще хуже—влияния на весь ход русской жизни. Если вы посмотрите борьбу правительства с освободительным движением, то увидите, какую важную роль сыграло остзейское дворянство. Бекендорф, первый шеф жандармов, Шварц, вызвавший восстание семеновцев, Рененкампф и Меллер, усмирители Сибири, Мин, Риман и пр. Всех этих людей остзейское дворянство дало правительству царя, на которое император должен был опираться в борьбе со своим народом. Влияние немцев было настолько велико в нашей армии, что Ермолов, один из выдающихся героев войны 13 года, начальник штаба I армии, командир корпуса в 14 году, во главе своих войск первым вошедший в Париж, спрошенный императором, какой он хочет награды, со злой иронией просил о производстве его в немцы.

И действительно, немцы были наиболее подходящим орудием для устройства государства так, как его понимал Николай I. Он считал, что вся жизнь страны, особенно армия должна направиться по методам Фридриха Великого, в духе централизации, доведенной до мельчайших потребностей, руководимой приказами, исходящими от царя. Все строилось на слепой дисциплине без малейшего допуска проявления самодеятельности, справедливо считавшейся первым шагом к свободной мысли, за которой следовала критика, там уже недалеко было и до революции. Мы видим, как путем палочной дисциплины у людей отбивали охоту думать, искать какой-нибудь выход из того положения, которое создалось. Этот способ убивания духа и был причиной, в окончательном итоге, определявшем тот военный развал, то падение военного искусства, с которым нам придется столкнуться не только при изучении севастопольской кампании, но и всех войн XIX и начала XX века.

Нужно отметить, однако, одну сторону «Аракчеевского» режима, без понимания которого, конечно, подвиги наших войск, нашего солдата и офицера под Севастополем, так величественно просто описанные Толстым в его Севастопольских очерках, останутся непонятными. Муштра строилась на той же твердой базе сознания народных масс, верящих, что «Царь, Бог и

родина» есть то великое и святое, ради чего каждый обязан жить и умереть. Именно в эту пору создался известный анекдот о том, как император Александр I и Прусский король поспорили, чей солдат лучше, и как русский гренадер по первому слову, бросился к окну комнаты, бывшей в 3 этажа, чтобы спрыгнуть из него и был лишь удержан за фалды Александром, в то время, как пруссак попросил сначала разрешения съездить домой и проститься с женой. У нашего солдата той поры—жены не было. Он служил 25 лет, и в течение 25 лет шла его обработка, при чем всех сопротивлявшихся безжалостно раздавливали, покорных награждали. Наконец бесконечными строевыми учениями вырабатывалась та подсознательная дисциплина, которая дает такую власть начальнику над подчиненным в бою и которая отличает высоко регулярное от дезорганизованной толпы людей.

Вот те 3 стороны воспитания Аракчеевского солдата, которые сделали из него ту страшную, правда, пассивную силу, о которую разбились все усилия англо-французов под Севастополем. Для более ясного представления о бытии армии этой поры я приведу несколько выдержек того, как видные военные деятели того времени оценивали то, что делалось тогда в армии. 11 февраля 1817 года цесаревич Константин Павлович писал начальнику штаба гвардейского корпуса ген. Сипягину. Я беру пример, где не мальчики писали друг другу, не будущие декабристы... я беру людей, которые стояли во главе армии, наиболее доверенные и влиятельные люди того времени. Константин Павлович был братом императора и командующим Варшавской армии. Вот что он пишет: «Государь Император изволил заметить, что гвардейские полки наряжают в караул все одних и тех же офицеров, я не удивляюсь этому, ибо ныне развилась во фронте такая танцовальная наука, что и толку не дашь; так поневоле пошлешь тех же самых офицеров. Точно, как на балах обыкновенно увидишь прыгают французскую кадриль всегда одни и те же лица... Я больше 20 лет служу и не могу правду сказать, даже во время покойного государя императора Павла был одним из первых офицеров во фронте; ныне так перемудрили, что и не найдешься».

Далее цесаревич писал: «Скажу вам, что уж так перемудрили у нас уставы частыми переменами, что не только затруднительно понять могут молодые офицеры, но и старые сделаются рекрутами... я сам по себе это вижу. Танцевальная наука, а не наука побеждать, стала преподаваться в нашей несчастной армии». Нужно сказать, что Константин Павлович считался отличным *фронтовиком и любителем* этого дела в нашей армии того времени, даже при Павле. Этот человек добился того, что гвардейский корпус, которым он командовал, идя на войну в 1805 году, от Петербурга до Аустерлица прошел весь поход в ногу. Правда, они в ногу пришли к аустерлицкому погрому. Видно, не в этом «наука побеждать», как и сам он пишет. Тем не менее, фронтовые фокусы, введенные после 15 года, поразили даже его.

Яркую характеристику дает в своих заметках ген. Паскевич, тогда начальник дивизии, а впоследствии фельдмаршал.

«После 15 года фельдмаршал Барклай-де-Толли, командующий I армии, спаситель России в 1812 году, который знал войну, подчинился требованиям Аракчеева, стал требовать красоту фронта, доходящую до акробатства, преследовал старых солдат и офицеров, которые к сему способны не были, забыв, что они еще недавно оказали чудеса храбрости, спасли и возвеличили Россию. Многие генералы подчинились требованиям, например, ген. Рот, командир 3 дивизии, в один год разогнал всех бывших на войне офицеров; наши георгиевские кресты пошли в отставку и очутились винными приставами».

Характеристика нашей армии к началу Крымской войны. Ее вооружение.

В таких чертах нам представляется боевая подготовка русской армии к тому времени—половине XIX века, когда особенно развилось влияние России на Ближнем Востоке и Средиземном море, и это усиление становилось опасным для интересов Франции и Англии. Наше стремление к Босфору и Дарданеллам все больше и больше тревожило «великие демократии» Запада. Против нас была выдвинута в первую очередь Турция, которую всегда в таких случаях ставили нам на дороге, чтобы остановить наше наступательное дви-

жение к Средиземному морю. Численность нашей армии в это время доходила до 27.000 офицеров и миллиона солдат, набиравшихся по рекрутской повинности. Служба солдата в армии считалась 25 лет, но за хорошую службу большую часть рядовых отпускали в бессрочный отпуск после 15 лет пребывания в рядах войск, и таким образом армия имела небольшие резервы обученных людей. Вооружение нашей армии мало улучшалось по сравнению с 1812 годом. Большая часть пехоты имела кремневое ружье, с дула заряжающееся, с дальностью в 600 шагов и лишь стрелковые части были вооружены нарезными, с дула заряжаемыми штуцерами, которые стреляли на 1.200 шагов; но штуцера очень медленно заряжались, да и меткость их была очень неважная. Артиллерия с 1812 года мало изменилась, это была все та же 6—12 фунтовая пушка, заряжающаяся с дула с дальностью прицельного выстрела до 600 шагов (при 15% попадания) и картечного огня до 300 шагов. По качествам стрельбы артиллерия была очень высока и превосходила артиллерию наших врагов. Развитие армий наших противников, французов и англичан, было поставлено в гораздо более благоприятные условия, чем у нас. Прежде всего социальная структура этих народов допускала развитие самодеятельности в широких слоях населения, щедро оплачивая каждую талантливую мысль, изобретение. *В результате развития самодеятельности мы видим огромный прогресс техники в Западной Европе; рядом с быстрым развитием заводской промышленности шло и развитие военной техники.* Ибо состояние военной техники есть прямое отражение общего состояния технических сил и средств в стране.

Армии Франции и Англии к этому времени были уже вооружены штуцерами, т.-е. нарезными ружьями, стрелявшими на 1.200 шагов, в то время, как наше кремневое ружье, служившее, главным образом, для делания ружейных приемов, а не для стрельбы, с развинченными для звучности винтами и гайками, било всего на 600 шагов. Это было первое крупное преимущество, которое позволяло пехоте неприятеля вести сильный и меткий ружейный огонь на 600—1.000 шагов, в то время как наши войска должны были молчать. Такое техническое преимущество не могло, конечно, сыграть решающую роль в победе или поражении, ибо решитель-

ные войска могли подойти на 100 шагов и сравнять свой недочет быстротой наступления, но, несомненно, во время этого сближения потери были бы велики и этими потерями оплачивался недостаток в технической подготовке. Слабость техники всегда оплачивается *ценой личных потерь и личной крови*. Новое оружие, которым были вооружены наши враги, провозвестник машинного оружия наших дней, стало наносить потери, совершенно несоизмеримые с потерями прежних боев, и потребовало подачи на театр военных действий такого количества укомплектования, на которое наша военная система не была расчитана. Новое оружие было причиной, которая вызвала к жизни реформы Милютина в армии и содействовала общей перестройке жизни в царствование Александра II.

Крупным завоеванием человечества в области морской техники того времени был винтовой, паровой корабль, у которого и двигатель, и винт были хорошо укрыты от поражения неприятельским огнем. Паровые корабли стали затем защищать себя броней, что было совершенно невозможно парусникам, и, наконец, они обладали гораздо большим ходом. Таких боевых судов состояло большое число в строю союзных флотов, в то время, как у нас паровые суда считались еще единицами. Благодаря всему этому, флот союзников в борьбе с нашими парусными судами чувствовал себя совершенно неуязвимым, подобно тому, как в наши дни «дредноут» вытеснил с моря броненосцы старого типа. Мне представляется, что превосходство над Россией в технике, как во флоте, так и в армии Западной Европы было следствием угнетения мысли, духа нашего народа; внутренняя политика в обстановке резкого противоречия основных классов убила самодеятельность мысли, убила и науку, несмотря на целый ряд мер для насаждения казенной покорной власти науки. При этом неизбежно остановилось у нас развитие техники, что, в свою очередь, немедленно отразилось на боеспособности армии и флота, плохим состоянием вооружения и вообще, технических средств, а главное расстройством аппарата управления, подавлением инициативы среди командного состава, отсутствием у него военных знаний и уменья управлять войсками, особенно же войсковыми массами. Неизбежно это отразилось и на службе генерального

штаба. Ибо корпус офицеров генерального штаба, представляя собой наиболее тонкую, я сказал бы нежную, организацию головного мозга—первый разрушается при таких острых заболеваниях армии, какую она переживала в эпоху Аракчеева.

Вот в кратких чертах, что представляло собой соотношение сил нашей армии и армий противника.

Я не указал еще одно важное обстоятельство, что наша армия, несмотря на весь гнет, давление на человеческую личность, все-таки хранила в недрах своих высокие традиции суворовской и петровской поры. Это явление заслуживает нашего исключительного внимания.

Как это понять? Мне думается, что мы имеем здесь дело с одним из тех, мало выясненных явлений психологии масс, когда под влиянием инерции мысли в массах старые, традиционно создавшиеся идеи, передаются из поколения в поколения, долго спустя после того, как они потеряли свои жизненные нормы, в реальных интересах народа. Но сила этого состояния сознания, общественного мнения масс такова, что подчиняясь ему, люди легче идут на смерть, чем на разрыв со старой психологией. Так, как мы определяли дух армии, ее отношение к внешним впечатлениям и то, как она на них реагирует, так этот дух войск является главной действующей силой на поле сражения. И пока живет в войске такое состояние сознания—войско сильно. Несмотря на все неблагоприятные внешние условия, дух армии, ее готовность к самопожертвованию—высокий идеализм—остались прежними; в армии была внутренняя сила и спайка, которая поддерживала наши войска даже в самые тяжелые минуты поражения. Вы увидите, что несмотря на превосходство техники, на превосходство командования, превосходство численности войска врага, наши войска представляли такое мощное сплоченное целое, которое враги могли победить, но не могли разрушить окончательно и наша армия так до конца войны и не потеряла способности к борьбе. Эту живучесть «духа» армии, а, с другой стороны, и способы, которыми он поддерживался, мы должны отметить с особым вниманием. Мысль молчала, но дух был жив. Таковы были свойства вооруженной силы России, которые были выведены на театр военных действий, в так называемой «восточной» войне 1854—1856 годов.

Император Николай Павлович избрал иную политическую линию, чем его отец. Это был император дворян, так же, как Екатерина, опиравшийся на большинство этого класса и в то же время, как это ни парадоксально звучит, на общественное мнение народной массы, которое в эту пору твердо поддерживало императора, веря, что именно от него оно получит избавление от помещика и землю. Острие его меча было направлено на то меньшинство в стране, частью дворянство, а частью, принадлежавшее к интеллигентским кругам, которое видело все усиливающийся разрыв деятельности дворянства, как организаторов России с быстро шедшим вперед экономическим и техническим прогрессом. Дворянство все более и более смотрело на Россию, как на свою вотчину, не только эксплоатируя ее богатства, но своим хозяйничанием задерживая ее рост. Николай Павлович решал этот вопрос путем жестоких репрессий тем, кто пытался раскрыть глаза себе и народу—крестьянству на истинное положение дел, на то, кто враг и кто друг действительных интересов народа.

В этих условиях и росла армия. В ней, не в пример армии Павла, была твердая власть командира над подчиненными. Император мог найти преданных, исполнительных людей. Но он со всей решительностью боролся с самодеятельностью, как в стране, так и в армии. А где молчит самодеятельность, там нет и научной мысли, там нет знаний, нет прогресса.

Твердо дисциплинированной, с хорошим организованным духом, с твердым командным составом вышла на войну армия Николая I, но в ней была убита самодеятельность. Посмотрим, как она себя показала в действии.

Крымская война.

Я постараюсь дать краткий очерк борьбы, сосредоточив свое внимание на той ее части, которая разыгралась у Севастополя, как наиболее яркой и наиболее полно характеризующей армию Николая I. Восточная война 1854—56 годов началась с столкновения с Турцией и развивалась в двух районах: на Дунае и на Кавказе. Действия на Дунае характеризуются во все время войны бедностью стратегиче-

ского замысла, вялыми действиями армии, полным отсутствием смелости, наступательного порыва и знания дела у командного состава. Сверх этого мы страдали чрезвычайной боязнью вмешательства в нашу войну Австрии и выхода ее войск на тыловые сообщения дунайской армии. Все это вместе привело к тому, что наша армия не смогла даже перейти Дуная, несмотря на то, что численное превосходство все время было за ней. Только в кавказской армии действия носили более оживленный характер. В царствование императора Николая на Кавказ стекались все беспокойные люди, которым было тесно при мертвящем режиме Аракчеева. Кавказ был единственным местом, где под влиянием непрекращавшейся войны гнет «аракчеевщины» был несколько слабее, и где войска воспитывались не столько шпиц-рутенами, сколько в борьбе с активным, храбрым и хитрым врагом, в условиях чрезвычайно пересеченного театра военных действий. Вот почему действительно смелые по духу люди находили себе место в кавказских войсках и почему эти войска были все время лучше всей остальной нашей армии. Вспомните повести Лермонтова, его описание кавказских войн и вы увидите, как далеки были настроения этой армии от настроения остальных войск России. Давление задач внутренней политики на Кавказе было значительно меньше.

В результате, несмотря на слабость кавказской армии, мы видим в ее деятельности много решимости, инициативы, которые часто приводили к успеху, и Кавказ был единственным из театров войны, где наши войска знали не одни только поражения.

Не входя в рассмотрение подробностей действий против турок, отметим, что война ни к каким серьезным результатам не приводила, несмотря даже на крупную морскую победу под Синопом. Опасение усиления России и возможности выхода русского флота в Средиземное море на важнейшие торговые пути с Востоком, заставили выступить против России сначала королевство (средняя Италия). Так как основной целью союзников было уничтожение черноморского флота, а основной базой его был Севастополь, то естественно, что действия противника были направлены на Крымский полуостров и Севастополь.

1 сентября 1854 года союзники в количестве 60.000 человек высадились на самом лучшем пляже Крымского полуострова, в Евпатории. Высадка происходила при полном невмешательстве русских войск, занимавших полуостров, несмотря на то, что в это время около 50.000 человек стояло в гарнизоне Севастополя, около 20.000 было в Симферополе и около 30.000 человек были разбросаны по всему побережью. Для воспрепятствия высадке противника много нужно было проявить массовой самодеятельности в наблюдении за морем, организации охраны побережья, быстром сосредоточении резервов, а именно таких качеств у нас не было, и высадка противника в Евпатории произошла без всяких препятствий с нашей стороны. Нашими войсками командовал сухопутный адмирал Меньшиков, человек, пользовавшийся большим влиянием при дворе императора Николая I; он был одновременно и военным и морским министром, это был человек, который вел всю подготовку к войне, но ни военного, ни морского дела не знал, главное же у него не было «сердца» настоящего начальника; это был типичный человек того времени, хитрый, ловкий в своих делах, но без творческого характера, выдвинувшийся в ту пору, когда сильным людям не было места в жизни. Один из остроумнейших людей того времени сказал: «что если посмотришь на Россию того времени снизу вверх, то увидишь лестницу деспотов, а если посмотреть на эту же лестницу сверху вниз, то увидишь лестницу лакеев».

Естественно, что люди, характер которых формировался в такой обстановке, не могли найти перед лицом врага те необходимые для борьбы качества, которые были вытравлены у них всей предшествовавшей жизнью. Таков был и Меньшиков; он не сумел ни заметить во время высадки, ни воспрепятствовать ей и только тогда, когда неприятель уже высадился, он собрал свои войска в 25-ти верстах от Севастополя на реке Альме; позиция, выбранная им, для того, чтобы остановить наступление врага на Севастополь, лежала на южном берегу реки, по очень крутому гребню гор, сажен 40 высотой, на левом фланге у моря, делавшихся почти неприступными; другой берег Альмы был почти совершенно ровным, так что кругозор открывался на десятки верст; в частности, высадка врага была совершенно ясно

видна с нашей позиции. Служба генерального штаба была у нас, как сказано выше, очень плохо поставлена; в той армии, где дух убит, там отсутствует самодеятельность, там нет и правильно поставленной службы генерального штаба.

На примере альминского боя мы можем в этом убедиться. Для выбора позиции нашелся всего один офицер генерального штаба, который наметил расположение войск, установил свойство позиции и не обратил внимания, что на неприступные скалы левого фланга можно было выбраться по тропинке, поднимавшейся по оврагу от моря, которой постоянно пользовались местные жители. Результаты этой разведки, никем не проверенные, послужили основанием для расположения нашего войска, с силой около 30.000 на высотах южного берега реки Альмы.

Сам главнокомандующий Меньшиков расположился в центре позиции, на высоте и вместо того, чтобы принять решение, что и как делать, составить план боя, организовать разведку, охранение и связь, дать определенные задачи частям, попытаться переходом в наступление помешать высадке противника, или разбить те его части, которые уже высадились, он только наблюдал в подзорную трубу за действиями неприятеля, который спокойно свозил свои войска с кораблей на берег и, наконец, беспомощно произнес: «вот, если бы сильный ветер подул с моря и выбросил бы их корабли на сушу, вот было бы хорошо!» Вот какие люди стояли во главе нашей армии. Нужно отметить, что случайность—буря—действительно пришла нам на помощь, и французский корпус, высаженный на берег, целую ночь оставался без поддержки под ударом наших войск. Но разведки не было, случай прошел незамеченным и союзники благополучно закончили высадку. *У французов служба генерального штаба была поставлена лучше, чем у нас, неприятель быстро установил возможность обхода нашего левого фланга и целая французская дивизия Боске поднялась на горы и обошла наш левый фланг, никем не охраняемый.* Общего руководства войсками не было. Отдельные части отбивались от наседавшего врага; наши войска умели умирать, умел умирать и командный состав. И здесь на высотах Альмы началось мученическое самопожертвование нашей армии, которое характеризует всю войну, и которым

искупались смертные грехи «аракчеевщины» против истинных основ военного искусства. 30% армии легло в борьбе с превосходными по управлению, числу и технике силами неприятеля. Сила солому ломит; нашей армии пришлось отступать к Севастополю, но войска, дравшиеся здесь, имели право сказать, что они исполнили свой долг, и к памятнику, который поставлен на поле сражения Владимирскому, Бородинскому и др. полкам, каждый военный подойдет с уважением,—к памяти погибших на поле брани бойцов.

Это первая операция крымской кампании выявила все характерные особенности нашей армии, подготовленной Николаем I.

Нас прежде всего поражает общая атмосфера апатии, вялость, которая проходила лишь тогда, когда начинался бой грудь с грудью. И это понятно. Нельзя быть по приказу свыше деятельным. Или в армии есть самодеятельность или ее нет. Если армия воспитана в мертвом и слепом послушании в мирное время, то главнокомандующему не на что будет опереться в ту минуту, когда он выведет свою армию на поле сражения; но в этом бою и сам Меньшиков, вялый и апатичный, вполне соответствовал духу своей армии. Мы не видим ни смелого решения, ни риска в операции, ни быстроты в маневрировании. Мертвенное отсутствие самодеятельности, полная неграмотность во всех деталях военного дела и военной техники и... геройское умирание под огнем дальнобойного оружия врага. Жуткая картина.

11 сентября наши войска отошли к Севастополю и расположились в районе Инкерманского монастыря, а союзники, обойдя Севастопольскую бухту с севера, заняли Балаклаву, которая была обращена ими в базу осадной армии. Интересно для характеристики тогдашней осведомленности о свойствах своих берегов, что Меньшиков считал Балаклавскую бухту недоступной для крупных судов. Между тем, Севастополь ко времени высадки противника был совершенно беззащитен с суши. Его энергично стали приводить в оборонительное положение и в этой работе была проявлена энергия, к которой наши части оказались совершенно неспособными в полевой войне. Несколько резервных батальонов и экипажи Черноморского флота составляли весь его гарнизон. Наши моряки, которые только что уничтожили

в морском бою турецкий флот в Синопской бухте, понимали, что наш флот, в составе которого был всего один современный боевой корабль—винтовой пароход «Владимир», не мог выйти в море и вступить в бой с флотом неприятеля. Поэтому было решено команду и орудия с судов снять, а суда потопить у входа в севастопольскую бухту с тем, чтобы таким способом преградить вход неприятелю в гавань. Наши выдающиеся флотоводцы — Корнилов, Нахимов, Истомин решили пожертвовать кораблями и, используя силу морской артиллерии на берегу, организовать защиту колыбели черноморского флота—Севастополя. Судьба послала им в помощь такого выдающегося военного инженера, каким был Тотлебен. Благодаря самоотвержению и энергии Корнилова и Нахимова, знаниям и планомерной работе Тотлебена, удалось в короткий срок создать крепость, выдержавшую 11-месячную осаду. Главнейшие узлы сопротивления на южной стороне были земляные укрепления на Малаховом кургане, на котором погиб впоследствии Корнилов и 4-й бастион, который закрывал противнику подход к Севастополю с юга. Эти укрепления сохраняются до сих пор в том же виде, в каком они были во время осады. Решающее значение для обороны имел Малахов курган, который командовал городом и бухтой. При переходе его в руки врага, в крепости нельзя было держаться и флот мог быть уничтожен огнем артиллерии. Постройка и вооружение укреплений Севастополя было ведено так энергично, что когда союзники 14 сентября произвели разведку крепости, то атаковать ее не решились, и перешли к правильной осаде. Но к 4 октября, когда они подошли к веркам параллелями и поставили 130 осадных орудий, у нас им отвечало 341 орудие, очень хорошо поставленных. Бомбардировка не привела ни к каким результатам, ибо перевес огня оставался за нами. К 22 октября к Севастополю подошли подкрепления, которые довели силу нашей армии до 100.000 человек, против 70.000 союзников. Казалось, что сил было бы достаточно, чтобы сбросить неприятеля в море и Меньшиков, стоявший с армией у Инкермана, решил помочь Севастополю ударом на тыл неприятеля, в направлении на Балаклаву. Из всей своей огромной армии, не выждав вдобавок подхода и 10 дивизий, Меньшиков выделил для этой операции одну

лишь дивизию ген. Липранди. Наступление ее в начале было очень удачно, она вышла в тыл неприятелю, овладела целым рядом высот (английских редутов) над Балаклавой, но силы ее, конечно, быстро истощились, а противник успел подвести свои резервы и отбросил Липранди назад. Тогда было принято решение перейти 24 октября в общее наступление как войсками Меньшикова, так и гарнизоном крепости. По намеченному плану ген. Соймонов 24 октября должен был выйти с 20.000 отрядом из крепости, соединиться с генералом Павловым — 16.000 человек на высотах к западу от Инкермана и Черной речки и, поддерживаемый демонстрациями гарнизона и отрядом Горчакова 20.000 чел., итти на Сапун-гору, атаковать правый фланг осадной линии врага на высотах над Черной речкой. Была написана прекрасная диспозиция, как будто хорошо разработанная, но когда ее стали приводить в исполнение, то случилось то, что поется в солдатской песне, сложенной про Севастополь: «Гладко писано в бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

А кто был в Севастополе, тот видел, что эти овраги достигают глубины чуть не в 20 саж. со стенками местами совершенно обрывистыми. В то время, как Соймонов уже подошел и успешно атаковал англичан, Павлов еще безуспешно пытался переправиться через Черную речку. Наши части, доблестно неся потери, атаковали врага, но все атаки были без общего управления, части вводились в бой разрозненно. За отбитой атакой Тобольцев последовала атака Тарутинского и Бородинского полков, также отбитая, после чего были пущены в дело Охотцы и Селентинцы. Постепенно вводимые в бой войска также по очереди были разбиты врагом, тем более, что демонстрация Горчакова никого не обманула и генерал Боске, против которого действовал Горчаков, отправил 12.000 человек на помощь атакованным англичанам. Мы потеряли 12.000 человек из 26.000, составлявших ударную группу, и не достигли никаких результатов.

Инкерманское сражение было ведено нами, как наступательная операция, в противоположность обороне на Альме. Но наступление требует еще большего организационного уменья и еще большей самодеятельности, чем оборона.

Ни того, ни другого наша несчастная армия дать не могла и вот мы видим прежде всего, что самый момент для боя выбран несвоевременно, не выждав сосредоточения всех сил, уже подходивших на театр войны. Но даже и наличные войска не были использованы. Менее половины нашей армии, всего 36.000 человек приняли участие в операции, вся же остальная армия была пассивным зрителем того, как разбивалась ударная группа. Принцип частной победы требует риска. Нужно ослабить весь фронт для того, чтобы сосредоточить мощную ударную группу. А риск был противен духу наших тогдашних вождей.

Исполнение было технически не выше замысла. Разведки путем не было сделано, диспозиция написана, но не сверена с местностью, расчет марша на соединение колонн был сделан неверно и в результате сама ударная группа стала входить в бой по частям. Сначала ген. Соймонов, потом ген. Павлов. Но и Соймонов раздробил свои усилия и в результате вместо мощного удара было уничтожение наших полков, доблестно дравшихся один за другим, часто на глазах друг другу, ибо не было приказа (!?) помочь и атаковать.

Доблести и здесь было проявлено много, но что она может дать, если управление войсками ведется неверно. Самое большое давление пара ничего не может сделать, если поршень и рычаги машины работают неверно.

Послей этой неудачи Меньшиков был отрешен от командования и заменен ген. Горчаковым, бездействие которого было одной из причин неудачи 24 октября (бои под Инкерманом). Правильная осада союзников продолжалась всю зиму, и, наконец, весной 26 мая—6 июня 1855 года последовал ряд жесточайших бомбардировок и сильнейших атак Севастополя. Успех осадных работ союзников сильно тормозился нашими постоянными контр-атаками, контр-апрошными работами, и минной войной, которые сильно задерживали успех наступления врага. Для весенних штурмов 1855 года союзники поставили себе целью взятие Малахова кургана. Но все атаки и страшная бомбардировка не могли сломить сопротивление «чудо-богатырей», в которых, несмотря на все ужасы «аракчеевщины», суворовский дух был жив. Атаки кончились неудачей. Малахов курган, назван-

ный после смерти погибшего на нем Корнилова—Корниловским, остался за нами и только передовые укрепления Волынские и Селенгинские редуты перешли в руки врага.

Борьба за Севастополь уносила бесчисленные жертвы, едва пополняемые прибывшими укомплектованиями. Война затягивалась и новый главнокомандующий Горчаков получил указание от императора перейти к активным действиям. 4 августа 1855 года, после военного совета, Горчаков перешел в наступление с целью освободить Севастополь от осады. Для наступления было избрано направление от Инкермана на Балаклаву, в тыл всему осадному корпусу союзников, причем важнейшее значение в этой операции получили Федюхины высоты, с овладением которыми весь тыл осадного корпуса союзников оказывался под непосредственным ударом наших войск.

Задача овладения этими высотами была возложена на правое крыло, под командой ген. Реада, которому с этой целью было вверено около 16.000 человек. Другая группа, левое крыло, силою около 15.000 человек, под командой ген. Липранди, должны были действовать левее Реада, в направлении на Гастфордову гору, но сколько-нибудь определенной задачи не получили. Остальные войска, находившиеся в распоряжении главнокомандующего, силою около 27.000 человек, составили общий резерв в его непосредственном распоряжении. Атака Федюхиных высот очень напоминает бой под Инкерманом. Сначала атаковал Одесский полк, но был отбит французами. Тогда перешел в наступление Азовский полк, который временно овладел высотой, которая вначале боя была очень слабо занята, но, не поддержанный резервами, был сбит вниз быстро стекавшимися к угрожаемому пункту частями союзников. За ним атаку поочередно повторили 7-я дивизия, потом Галицкий и Костромской полки, и когда отряд Реада был поочередно разбит, то в бой были введены части войск Липранди, которые, в свою очередь, потерпели неудачу, ибо французы успели со всех сторон подтянуть подкрепления. Войска резерва, которые составляли почти половину всей армии Горчакова, в бой введены не были; тогда Горчаков принял решение прекратить бой и отойти назад. Мы потеряли 8000 человек убитыми и ранеными, в том числе погиб и бесталанный Реад, кото-

рому ядро оторвало голову, в то время, когда он беспомощно смотрел на гибель его частей, посланных им на убой в темную, без понимания военного дела, без сознания своих ошибок.

Успех в бою на Черной речке и на Федюхиных высотах значительно ободрил союзников, и 27 августа они решились на новый штурм Севастополя, сосредоточив все свои усилия снова на взятии Малахова кургана. После страшной артиллерийской подготовки огромные силы, подведенные в апрошах на самое близкое расстояние к кургану (до 40 шагов), открытой силой овладели этим основным пунктом нашей крепостной позиции. Взятие корниловского бастиона решило судьбу Севастополя, ибо Горчаков не счел возможным удерживать крепость, вся внутренность которой, а также и порт, могли обстреливаться артиллерийским огнем со взятого противником пункта. Сохраненные до сего времени суда были затоплены, и войска по сооруженному через пролив мосту отошли на северную сторону. За 11-месячную осаду Севастополя мы потеряли 102.000 человек одними убитыми, большая часть которых в бесчисленных безыменных братских могилах покоится на Братском кладбище Севастополя. Окончание войны, последовавшее лишь в 1856 году, не представляет уже крупного интереса с точки зрения военного искусства, и я их пропускаю; собственно последним сражением, решившим участь войны, был бой на Черной речке и на Федюхиных высотах. Это было еще одно тяжелое поражение, к которому неизбежно должны были приводить коренные недостатки нашей армии. Та же убогая идея— замысел боя, где несколько более трети войска уделяется для главного удара и почти половина заранее осуждается на бездействие и действительно не принимает участия в бою. В этом бою мы видим ту же боязнь риска и сосредоточения войск для удара по принципу частной победы, то же огромное число присутствующих, но не участвующих в бою войск и то же введение полков в бой по частям.

В этом бою так же, как и во всю войну характерное отсутствие самодеятельности всего командного состава и то же героическое умирание, исполняя свой долг, которым отмечена вся война, а особенно борьба за самые бастионы, батареи и укрепления крепости. Ни одна из войн, веденных

Россией, не заставляет с такой болью сжиматься сердце, как именно эта, где доблесть войск и начальников, с таким самоотвержением шедших на подвиг, так безумно, бессмысленно расточалась командным составом, который внутренняя политика страны подобрала и сделала неспособным к победе.

Выводы, к которым приводит изучение эпохи Аракчеева.

После расцвета нашего военного искусства, начинается пора упадка, при чем первый этап его знаменуется расстройством аппарата управления—расстройством командного состава, при сохранении в полной пока неприкосновенности духа армии.

Краткий очерк этой эпохи позволит нам установить несколько основных выводов, крайне интересных при изучении развития военного искусства.

Характерным в рассматриваемой эпохе является: 1) сплочение большей части господствующего класса вокруг императора, которого дворяне силой своего влияния, а то и просто устраняя нежелательного представителя, делают выразителем своей дворянской политики; в эту эпоху растущего недовольства крестьян и кризиса на мировом хлебном рынке эта политика должна была быть твердой, решительной и щедро поддерживавшей дворян за счет государственного казначейства.

2) Крестьянство не забыло пугачевщину. Недовольство крепостным строем было налицо и нарастало, но не было организаторов этого движения, старые же лозунги, на которых строилась как наша государственная жизнь, так и армия, были еще жизненны. Лучшие представители дворянства и развивавшейся интеллигенции, понимавшие разрыв народа с классом организаторов, постепенно формировали группу, враждебную правительству и стремились к перемене государственного строя. Это вносило разложение в среду самого правящего класса и вынуждало его отнять доверие у своих агентов, то доверие, которым были так сильны наши армии при Петре и Суворове.

Таким образом, обстановка, в которой жила армия николаевской поры, характеризуется следующими факторами: твердая, мощная центральная власть, аппарат управления,

лишенный инициативы, и масса, еще покорная в гипнозе старого воспитания, но с тлеющим пожаром недовольства внутри.

Между тем, выход в Западной Европе на историческую сцену буржуазии двинул мощным порывом развитие техники, предъявившей: 1) все растущее требование на самодеятельность аппарата управления и 2) вовлекавшей в работу все большие и большие человеческие массы.

Первого политическая обстановка России не могла допустить, второе нарушало гипноз старых представлений, вырывая народные массы из привычной тишины деревни, втягивая ее в широкий круговорот жизни.

Таким образом, это противоречие неизбежно должно было и, как мы видели из короткого очерка севастопольской войны, действительно повело армию к поражению.

Севастопольская кампания была прямым выводом того безвременья, которое воцарилось в нашей стране и в армии после возвращения войск из Парижа, а в особенности после восстания декабристов. Режим Аракчеева, проводимый в полной мере и его преемниками, имел прямой задачей убить *мысль офицера и солдата,* как этот же режим ставил себе ту же задачу в стране. Силы реакции были велики, и эта задача была достигнута. Армия стала послушным орудием в борьбе со своим народом, но когда ее вывели на театр военных действий для борьбы с внешним врагом, ее несостоятельность выявилась полностью. Спавшая мысль, спавшая самодеятельность были первой причиной того, что технически мы оказались слабее противника. В армии, где нет живой военной мысли, не может быть ни командного состава, ни генерального штаба, способных проявить самодеятельность, знание дела и активность в борьбе с врагом, ибо именно эти качества и были тщательно искореняемы в мирное время. И в результате мы видим такое падение военного искусства, которое у нас после войн 1812—15 гг. кажется совершенно невозможным,—совершенное неуменье управлять войсками, организовать наступление и даже расположиться на оборонительной позиции. Я уже не говорю о службе генерального штаба—этой службы, можно сказать, у нас не было совершенно. Альма, Инкерман, Федюхины высоты,—все эти бои, все стычки этой войны на Крымском

участке, как и на всех остальных театрах, за исключением отчасти Кавказа, рисовали унизительную картину *паралича мысли и воли командного состава*, поскольку они необходимы для оперативной работы. Ни *ясного учета обстановки, ни смелого большого решения, плана действий*, где основная идея осуществляла принцип частной победы, рисковала бы везде, кроме одной важнейшей точки, где сосредоточивались силы для главного удара. Все это отсутствовало в творчестве командного состава, выросшего из школы Аракчеева. Люди, подобранные им и воспитанные в его духе, отвечая основным запросам эпохи, иными быть не могли. Но мало того. Ведь бой и война суть явления коллективного творчества, где каждый начальник в сфере своей работы творит. Это стало особенно важно в эпоху, когда технические средства стали совершенствоваться и появился усиленный спрос на частный почин. Особенно хорошо это поняла и осуществила прусская армия этой поры; вчитайтесь в кампании 1866 и 1870 гг., веденные этой армией, вы увидите, насколько велико развитие самодеятельности. Но именно опасный для внутренней политики дух самодеятельности был особенно тщательно изгоняем из армии, и результаты этого мы видели в каждом бою. Если старшее командование не могло верно направить войска, то и самодеятельность младших начальников не была в состоянии исправить, сгладить ошибки командования. Чтобы уяснить себе правоту этой мысли, достаточно проследить постепенное введение в бой полка за полком под Инкерманом и при взятии Федюхиных высот, в то время, когда одновременный удар, несомненно, погнал бы слабого в первый момент неприятеля.

Немцы под Вертом и Шпихерном, слетавшиеся, как коршуны на добычу, на шум боя, показали, как много может дать самодеятельность на поле сражения, как она способствует сосредоточению сил к моменту атаки.

Итак, для нас ясно, насколько режим реакции, расхождения с объективно слагавшейся обстановкой в стране, разлад в самом господствующем классе разлагающе действует на аппарат управления в армии и к каким тяжелым последствиям он приводит в боевой армейской работе.

Но рядом с этим во всей этой войне мы должны констатировать удивительную твердость духа армии. В этом отно-

шении армия не уступала войскам 1812 года, и перед этой загадкой исследователь невольно останавливается. Кн. Мещерский, известный консерватор, деятель времен Александра II и Александра III, в своих мемуарах пишет: «Неисчислимое множество личностей, полных героизма, высокого, сознательного, было продуктом великолепного николаевского царствования». Имея свою точку зрения о «великолепии» этого царствования, приведшего с военной точки зрения лишь к поражению Восточной войны, мы, тем не менее, должны ответить на этот вопрос. Почему же дух армии был так высок, что даже великий писатель нашей земли Толстой в своих Севастопольских очерках отмечает солдата, как главного героя этой драмы. Для понимания этого явления нам нужно обратиться к области психологии. Этот случай, более чем какой-либо другой, дает яркий пример поразительного расхождения объективного и субъективного моментов в отношении к данному событию и возможность такой разницы нам, военным людям, нужно знать и учитывать. Интересы крестьянской массы были объективно враждебны всему строю самодержавия и, естественно, этой войне, ничего ей не дававшей.

Между тем, не только старики-ветераны, но и ополченцы, вновь призванные, шли на смерть с удивительным героизмом за чуждые и враждебные им интересы. В этом сказывается страшная сила духовной инерции, с которой нужно очень и очень считаться. Под лозунгом «Бог, царь и родина» крестьянин боролся в полках Петра со шведами, под знаменами Александра I в 1812 г., отстаивая независимость страны (единодушно все классы) от несчастья, представлявшегося еще более тяжелым, чем внутренняя кабала, — от иностранного нашествия. Опираясь на эти настроения, организуя дух народа рядом суровых мер против инакомыслящих и усердно подбирая людей, способных без критики повторять лозунг победы 1812 года, правительство добилось сохранения цельности настроения не только в армии, но и в массе трудового народа. Если мы добавим, что солдат служит 25 лет, *что он был целиком связан со своей казармой*, где отупляющим режимом его умственные способности содержались в состоянии полуатрофированном, и что современная казарма очень заботилась о том, чтобы солдата

хорошо накормить, одеть и обуть, то все станет понятным. Материальная сторона и воспитание духа шли параллельно, дополняя друг друга. Вот секрет твердости духа армии под Севастополем. Прошу внимательного читателя сравнить очерченные настроения с теми, которые сейчас создались во французской армии после победы над немцами. Очевидно, что психологическая обстановка в армии весьма благоприятна для организации духа в целях нового нападения на Германию в случае, например, рабочего восстания в Германии в ближнем будущем, хотя бы это объективно и было вредно трудовым массам Франции.

Но так ли уже безнадежна обстановка? Ведь удушающий режим Николая I казался несокрушимым! Но сила жизни, роста техники, экономического подъема привела к поражению под Севастополем, а это поражение, в свою очередь, оказало сильнейшее влияние на психологию, если еще не масс, хотя и в демобилизуемых ополченских частях были беспорядки, усмиренные силой оружия, то в среде самого господствующего класса и в слоях населения, к нему прилегающих; этот сдвиг и послужил базой для поступательного движения в стране, а следовательно, и в армии следующего царствования.

В окончательном итоге рассмотренный период с полной ясностью утверждает один важный для военного дела вывод для подготовки армии к будущей войне: одна доблесть войск, ясно проявившаяся хотя бы страшными потерями во всех боях рассмотренной войны, не может дать победу. Одна *дисциплина, без самодеятельности и знания дела никогда не приводит к успеху на войне* и лишь способна привести к страшным потерям. Второй вывод: новое оружие у врагов заставило нас выдвинуть на театр военных действий до 2 миллионов людей. Это был уже переход к массовым армиям нового времени, определенным свойством нового оружия. Но такие массовые армии уже нельзя было поставить на ноги по рекрутской системе. Нужна была полная перестройка всей военной системы, и севастопольская неудача была прямой причиной реформ Александра II.

IV. Милютин и его время.

Эпоха „великих“ реформ.

Политическая обстановка и вооружение армии.

Середина XIX века в истории военного искусства Европы интересна тем, что в эту пору появилось нарезное оружие, заряжаемое с казны ружье и пушка. Меткость, сравнительная скорострельность и, как результат, большие потери были следствием этих новых средств борьбы. Вот что по этому поводу пишет Драгомиров, выдающийся военный мыслитель и начальник, с которым, как с Петром и с Суворовым, должен быть знаком каждый военный человек. Он пишет, что введение нарезного оружия имело совершенно неожиданное последствие, «в армии должно было прекратиться мордобитие». Нарез победил «аракчеевщину». Красивые военные идеи и лозунги Петра и Суворова рисуют лишь одну сторону современной им жизни; народ, дававший рекрут в армию, находился в крепостном состоянии, и в армии находили отражение все жестокости и тяжелые стороны тогдашней жизни; борьба с этой стороной жизни была непосильна даже Петру, даже Суворову. А под влиянием Аракчеева все злое и темное в армии подняло голову и добилось того, что боеспособность нашей армии упала. Она свела победителей Наполеона с их пьедестала непобедимости. Севастополь был, быть-может, славным, но тяжелым поражением. И вот, по мнению М. И. Драгомирова, появление нарезного оружия должно было заставить изменить формы отношения к солдату и, скажем больше, изменить и самую армию. На этой мысли, чрезвычайно интересной, историк военного искусства должен остановиться с большим вниманием. Что такое нарезное, заряжающееся с казны

оружие? Это—возможность стрелять метко и часто, нанося противнику тяжелые, ранее невиданные, потери. Но это возможно при условии, если стрелок умеет обращаться с своим оружием и хочет его использовать, а для этого он в момент выстрела должен проявить большую долю самодеятельности. Кто из вас любит стрелять, тот знает, какой огромный навык, глазомер и спокойствие необходимы для того, чтобы попасть в цель. Но ясно, что самодеятельность может проявить только тот человек, который считает цели борьбы своими целями и сам ищет способа, как бы лучше исполнить свою задачу, тот же, у кого убита самодеятельность, кто привык итти только туда, куда его гонят, тот не сможет использовать свойства нового оружия. Вот почему появление нарезного оружия должно было повести к крупному повороту в психологии современной армии. Но вновь появившееся оружие было не только метким, но и скорострельным, на поле сражения появилась машина для массового убийства. И, как в массовом производстве, машина смерти потребовала подачи громадного количества сырого материала. Армии, построенные по принципу рекрутской повинности, оказались недостаточно многочисленными, чтобы покрыть тяжелые потери, причиняемые новым оружием; потребовались укомплектования ранее невиданной численности. Петр с 6-миллионного податного населения взял за 21 год войны 300.000 человек. Александру I в эпоху великой войны с Наполеоном с 1805—1815 г. потребовалось до 2.000.000 бойцов. В наши дни в армию было втянуто до 18.000.000 чел., т.-е. все взрослое мужское население страны. В рекрутской армии Николая I 25-летняя военная служба была сокращена до 15 лет, с тем, чтобы из старых солдат, увольняемых в бессрочный отпуск, образовывать небольшие запасы, которые можно призвать на службу, развертывая армии в военное время. Но такая мера далеко не могла дать нужное количество бойцов, и пример Пруссии, где была введена всеобщая воинская повинность, ясно указывал путь, по которому нужно было итти. Поэтому, желая создать армию, способную к войне с внешним врагом, нужно было с появлением нарезного оружия изменить все идеи воспитания и обучения в армии, перевоспитать офицера и солдата, изменить и самую систему комплектования,

ибо рекрутская система не была способна удовлетворить новые потребности армии. Все это было особенно трудно в армии, где господствовала «аракчеевщина». Приходилось все пересмотреть, все перестроить, все видоизменить, начиная с командного состава и кончая рядовым. Одновременно с этим мы видим, что армии, которые сохранили рекрутскую повинность набора, как французы в 1870 г., австрийцы в 1866 г. и наша Севастопольская кампания,—эти армии оказывались бессильными пополнить те тяжелые потери, которые были следствием нового оружия. В силу этого, все государства последовали примеру Пруссии и провели у себя систему всеобщей воинской повинности. Франция после ударов под Седаном и Мецом пришла к сознанию необходимости всеобщей воинской повинности, Австрийцы—после Садовой, мы—после Севастополя. Одновременно с этим, как вы знаете, в Европе и у нас появляются железные дороги. И если машина смерти на поля сражения требует огромного количества человеческого материала, то железные дороги, телеграф и, значительно укрепившийся, аппарат управления государством дали возможность взять из страны те огромные человеческие силы, которые были необходимы на поле сражения. Вот каким образом развитие техники резко меняет обстановку в середине XIX века, выдвинув требование полной реорганизации сил в стране. Но такая реорганизация вызывала к жизни крупную внутреннюю ломку и казалась очень опасной с точки зрения внутренней политики для использования армии во внутренней борьбе. Тот краткий очерк Севастопольской кампании, который я мог вам дать, может дать вам понятие, какое влияние и на ход войны и на подготовку к ней, и на техническое оборудование вооруженной силы—оказали политические факторы, подавившие живую мысль нашего народа, обратившие его в послушную толпу рабов, управлявшихся приказами 10.000 столоначальников (характеристика положения самого императора Николая I). Пережитые в Крымскую кампанию неудачи, страшные непорядки, хищения в тылу и тяжелые потери, вызванные, главным образом, неумелым командованием, ни в армии, ни в стране даром не прошли. Если до войны и правящий класс, и народные массы так или иначе мирились с существующим порядком, и лишь небольшая

кучка интеллигенции таила резкое неудовольствие государственным строем, то когда это положение привело к катастрофе, с ним перестали мириться: ибо организаторы не решили своей основной задачи защиты страны. Кто из вас был в Севастополе, тот, конечно, никогда не забудет страшную гору Братского кладбища, которая сверху донизу по всем дорожкам усеяна братскими безыменными могилами героев, павших в этой войне. Такие жертвы не проходят даром. Тяжесть перенесенных страданий будит человеческую мысль широких слоев народа, заставляет искать причину поражения. Поэтому, после войны 1856 года, закончившейся бесславным миром, лишившим нас господства на Черном море, мыслящая и действующая часть России, то, что принято называть общественным мнением, признала необходимым внести существенные перемены в нашу жизнь, как политическую, так и военную; снова, как в 1815 году, в армии мысль работала очень интенсивно. Если вы познакомитесь с документами того времени, обратите внимание на три докладные записки, поданных императору ген.-адъютантом Редигером, командиром гвардейского и гренадерского корпусов, т.-е. человеком, который по своему положению являлся основной опорой всего и военного, и политического строя в нашей стране (командир лучших войск для внутренней борьбы—гвардии), вы увидите, что, даже он видел и учил причины наших неудач и указывал на необходимость реформ. И вот Редигер, старик, бывший сам на войне и стоявший в центре всего военного управления, пишет одну за другой 3 докладных записки императору и в них совершенно неопровержимо устанавливает главную причину наших неудач: с одной стороны, отсутствие самодеятельности у всего командного состава сверху донизу, а с другой стороны, недостаток военных знаний. Он писал, что у нас в эту кампанию не было почти ни одного начальника, который был бы подготовлен к разрешению тех задач войны. Редигер считал, что причиной этого являлся *тот убивающий мысль режим, который существовал в армии Николая I*; конечно, внутренние причины, противоречие в самой основе армии ему едва ли были понятны, во всяком случае, он о них ничего не говорит в своих докладах, но уже тот факт, что командир гвардейского корпуса высказы-

вает такие мысли, позволяет судить о том, что же думали в это время командир полка и поручик, непосредственно шедшие в бой и рисковавшие жизнью за вину военной безграмотности своих вождей.

Если вы возьмете военные записки, военные журналы и газеты того времени, то увидите в них отклик тех мыслей, которые волновали современников. Везде мысль сводилась к требованию реформы. Действительно, государственная и военная система в тяжелом испытании 1854—56 гг. доказала свою непригодность с полной очевидностью. Был слух, очень характерный, что даже сам Николай I, разочаровавшийся в работе всей жизни, кончил жизнь самоубийством; в действительности это было не так; но в виду крушения всего государственного здания, которое он создал в течение целого 30-летнего своего царствования, такой слух казался правдоподобным.

Император Александр II вступил на престол с иными задачами, чем его отец; сам Николай завещал сыну прежде всего осуществление неисполненной им мысли об освобождении крестьян, ясно указав: «что он сдает ему команду не в добром порядке». Брат императора, Константин Николаевич, его жена и целый ряд выдающихся людей в самой верхушке правящего класса, как Ростовцев, братья Милютины и многие другие сгруппировались после Севастопольской кампании в нечто подобное партии реформ. Они почувствовали опору в общественном мнении и прежде всего— в армии, и Александр II нашел возможным выдвинуть на пост военного министра 45-летнего Милютина, брата известного работника по освобождению крестьян, одного из наиболее искренних и честных людей этого полного борьбы и противоречий царствования. Милютин, именем которого мне хочется назвать всю эту пору в армии, учился в Московском университете, после чего поступил на военную службу; кончил затем академию генерального штаба; был профессором этой академии по кафедре военной географии, которую он сам создал; был автором лучшего описания суворовских походов в Италии и Швейцарии в 1799 г., отмеченных не только у нас, но и в иностранной военной литературе; по его просьбе, он получил назначение на Кавказ начальником штаба армии и отличился там как личной храбростью,

так и большими организаторскими способностями. Затем, как представитель молодой армии, глубоко почувствовавший унижение и боль севастопольского поражения, он был выдвинут на пост военного министра. В то время в общей политической жизни развивались так называемые «великие» реформы, гласный суд, освобождение крестьян, реформы в сфере народного образования и т. д., и Милютин, в составе правительства, был горячим сторонником переустройства нашей русской жизни. Так, он был защитником широкого народного образования против графа Толстого, министра народного просвещения. Это он создал первые в России высшие женские медицинские курсы. Он защищал гласный суд, со всеми гарантиями человеческой личности в суде, против графа Палена, министра юстиции, он боролся против Ланского, Валуева в деле освобождения крестьян и перемены курса во внутренней политике,—словом, это был человек, который в лучшую пору своей деятельности своим влиянием стремился осуществить мечты и чаяния, выдвигаемые наиболее идеалистически настроенными кругами русского дворянства.

Вот что представлял собой Милютин, выдвинутый в этот момент к власти и делу реформ в армии, порожденных севастопольской войной. Главной потребностью было стремление, чтобы начальник снова стал человеком, а не машиной, чтобы в нем проснулась воля не только к слепому исполнению приказов и мертвой, палочной дисциплине, но и к творческой работе, к самодеятельности, без которой ни армия, ни народ жить не могут. Но если внешние задачи армии требовали именно такого направления реформ, то задачи борьбы с внутренним врагом, наоборот, заставляли предъявлять к армии иные запросы. «Внутренний враг» в эту пору был весьма «силен», и реформы Александра II лишь очень мало смягчили противоречия классов. Если вы посмотрите даже на один из аргументов Александра II, благодаря которому ему удалось склонить наиболее реакционные части дворянства к освобождению крестьян, то таким аргументом была угроза, которая таилась в крестьянских массах, проявивших во время демобилизации 1856 года весьма много активности и усмиренных не без труда; массы сдержанно, спокойно ожидали результатов работ редакционных комиссий по освобо-

ждению крестьян, но современники чувствовали угрозу, скрываемую за этим спокойствием. Таким образом, если для разрешения задач внешней борьбы развитие самодеятельности в армии было необходимо, то эта же самодеятельность была очень опасна сохранением власти в руках дворянства в случае гражданской войны. Это сомнение заставляло откладывать осуществление реформы перехода к всеобщей воинской повинности. Крестьяне были освобождены в 1861 году, а реформа, совершенно разработанная к 1870 г., введена лишь в 1874 году, после поражения армии Франции пруссаками, развернувшими массы, взятые по всеобщей воинской повинности. С одной стороны, перед глазами был пример Пруссии, которая, после поражения под Иеной в 1806 году, ввела всеобщую воинскую повинность, в 1813 г. с этой армией участвовала в борьбе за освобождение Германии с Наполеоном до 1815 г. Когда же понадобилась сила для подавления движения 1848 года, то, опираясь на офицерство, прусский король смог этой армией совершенно ликвидировать все попытки революции. Мало того, когда король, под давлением народного движения в Берлине, пошел на уступки, то гвардейское офицерство, чувствуя свои полки вполне у себя в руках, собранное королем в Потсдамском замке, встретило его таким резким выражением неудовольствия и требованием решительности в борьбе с революцией, что королю пришлось стать во главе контр-революционного движения и дать войскам свободу действий в усмирении восставщих—силой оружия. Армия всеобщей воинской повинности, где главную массу составляли крестьяне, оказалась и в этом деле послушным и сильным орудием в руках государственной власти—прусского юнкерства. Всеобщая воинская повинность оказалась лишь внешней формой, которая может скрывать какое угодно содержание, при соответственной обработке масс. Обработка населения была осуществлена в Германии при посредстве народной школы, ибо школьный учитель с 1806 года, со времени покорения Германии Наполеоном, систематически натаскивал молодежь на мысль, что она должна жить и умереть за короля и Германию, что лучшая доля—это смерть за свою родину, за ее спасение, за ее благополучие. Эта идея проводилась через все поколения рекрут, наполняя армию духом патриотизма и само-

пожертвования. Таким образом армия всеобщей, воинской повинности оказывалась при соответствующей работе хороша и во внутренней борьбе. Преимущества же ее во внешней борьбе сказались в такой неопровержимой форме в борьбе Австрии 1866 г. и Франции 1870 г., давших Пруссии более, чем двойное превосходство сил над армиями врагов, не вводивших всеобщей воинской повинности, что спорить о нем не приходилось. Такова была в общих чертах психологическая и материальная обстановка, в которой развернулись реформы Милютина, и создалась и у нас армия всеобщей воинской повинности.

Попытки Николая I разрешить классовые интересы в России путем насилия над свободной мыслью народа, были, конечно, похожи на попытки страуса, прячущего голову от налетающего на него поезда. *Прогресс техники* разбил иллюзии этого царствования вдребезги, потребовав, во-первых, на поле сражения и театре войны миллионные *массы*, а во-вторых, *самодеятельности* всего аппарата управления. Мы этого дать не могли.

Александр II пытался организовать сотрудничество классов путем *уступок* в пользу трудовых масс, и кто знает, каков был бы ход истории дальше, если бы эти уступки были бы, действительно, таковы, чтобы удовлетворить общественное мнение большинства страны в смысле передачи народу земли и воли. Быть-может, жизнь и наладилась бы на довольно большой промежуток времени. Но реформы вышли однобокими; дворяне не захотели расстаться с своими исключительными привилегиями, и поворот в сторону реакции, начавшийся вскоре после освобождения крестьян, привел к тому, что почти все, что было дано, было снова взято обратно. Это был короткий, радостный праздник, когда Герцен писал Александру: «Ты победил, Галилеянин».

Но в армии жизнь властно требовала реформ. Без этого победить в возможной борьбе было нельзя. Скорострельное и более меткое ружье и пушка, с одной стороны, и железные дороги, с другой—требовали на театр войны *массовых армий и массовую самодеятельность*. Опыт Германии показал, что с политической точки зрения это не страшно, при условии хорошо подготовленного и воспитанного корпуса офицеров и разумно организованного воспитания народа. Та-

кая армия побеждала и во внешней и во внутренней войне (1848 г.). К достижению этой цели, в обстановке короткого духовного расцвета и быстрой затем реакции и были направлены реформы в военном ведомстве.

Реформы Милютина.

Реформы Милютина охватили три области военного дела. Первая основная реформа Милютина была проведена после его знаменитого доклада в 1862 году и касалась *системы управления* армией. Без коренного усовершенствования этого аппарата никакие меры в армии были невозможны. До этой реформы, как вы знаете, управление до самых мелочей носило строго централизованный характер; из военного министерства в Петербурге посылались приказы, подлежавшие точному исполнению, исключавших всякую самодеятельность на месте. Милютин же разделил Россию на 14 военных округов, вверив руководство, как военными организационными, так и хозяйственными вопросами самодеятельности командующих войсками округов. В области строевой и тактической подготовки войск Милютин решил опереться на самодеятельность старших войсковых начальников, в особенности начальников дивизий, дав им соответствующие права в законодательном порядке. Умственная жизнь в армии закипела. Началось изучение стрельбы, бывшее ранее в забросе; появился интерес к военному делу. В эту пору начали свою военную и научную работу: Драгомиров, Леер, Масловский, Сухотин и др. выдающиеся военные ученые. Результат такого оживления мысли быстро сказался в армии, и если в Севастопольскую кампанию я не могу вам назвать ни одного имени начальника, который умел бы водить войска (не считая таковыми людей, которые сами умели умирать, как Корнилов и Нахимов), то в пору Милютина выдвигается целая плеяда выдающихся военных таких, как: Скобелев, Гурко, Черняев, Драгомиров, Радецкий и др., которые проявили большую самодеятельность, военный талант, понимание военного дела, уменье руководить войсками на поле сражения и театре войны. Оживление жизни страны, выразившееся в раскрепощении армии, в пробуждении ее самодеятельности, тотчас же отразилось на ее боеспособности, значительно

подняв качество ее командного состава и выдвинув целый ряд людей, правда, не очень длинный, которым можно было вверить командование. К сожалению, вольный ветер недолго веял в армии. И хотя Милютин и остался военным министром, но реакция, охватившая страну вскоре после освобождения крестьян, быстро распространилась и на армию; начав думать по военным вопросам, армия стала думать и в области политической. Революционное движение проникло в ее ряды, и в борьбе с ним была снова подавлена всякая свободная мысль. Одно и другое тесно связано.

Другая реформа была по всеобщей воинской повинности. Потребность в массовых укомплектованиях, призываемых в ряды армии на время войны и освобождаемых в мирное время, была вполне осознана во время Крымской кампании, когда за три года было призвано свыше 2 миллионов рекрут и ополченцев, большую часть которых после мира 1856 года правительство распустило по домам. В 1874 году основной устав о воинской повинности был введен в действие. Призыву подлежали молодые люди всех сословий, по достижении 21 года и срок службы был определен в действующих войсках 6 лет, после чего военно-обязанный зачислялся на 9 лет в запас; сверх этого еще 14 лет он числился в ополчении, и к 40 годам все его отношение к военной службе прекращалось. Таким образом русская армия получила мощные контингенты укомплектования, из которых могла черпать людские запасы, отвечавшие новому характеру войны. Но вливая в армию на короткие сроки молодых людей, правительство сразу увидело опасность внесения в армию разложения. С одной стороны, для действия день ото дня совершенствовавшегося оружия был нужен все более *развитой солдат,* с другой стороны, во внутренней войне этот развитой стрелок мог легко понять, что цель, по которой его заставляют стрелять, есть, во-первых, его родные братья, отец, и, во-вторых, что он, взятый в войско лишь на время вернется к себе же в деревню и фабрику, и здесь его интересы будут вновь те же, тех же людей, в которых его заставляли стрелять, когда он был на призыве в войсках. В Германии очень легко вышли из этого положения. Школьный учитель Германии, воспитавшийся на идеях освободительной войны 1813 года, поддерживаемый общественным

мнением всей Германии, всех классов (за исключением части рабочих), помнивших ужасы, пережитые страной во время оккупации страны Наполеоном, работая над воспитанием германского юношества, сосредоточил его внимание на идее *внешней войны*. Тот же лозунг «*Бог, Царь и Родина*», что и у нас, был проведен через школу в самую толщу народа, и солдат приходил в войска уже «воспитанным».

Но в России это было труднее. Классовые противоречия были сильнее; в воспоминании народа нашествие Наполеона, короткое и захватившее лишь маленькую часть страны, не создало твердой, национальной идеи. Наоборот, вся интеллигенция росла с уклоном к *социализму* и подобрать школьного учителя для стомиллионной страны, способного воспитать массу в нужном направлении, не было возможности, несмотря на принятые правительством меры. Оно могло держать власть в руках, но *не было в состоянии перестроить общественное мнение* страны, ибо его политика шла вразрез с основным направлением развития жизни, прежде всего, с ростом техники.

Вот почему правительство, введя всеобщую воинскую повинность, было вынуждено *обрушиться на народное образование*, изгнав из него, с одной стороны, все живое, а с другой стороны, позволяя учиться лишь привилегированным группам населения. Таким образом в самой реформе было резкое, чреватое последствиями противоречие. Всеобщая повинность и нарезное оружие требовали *всеобщего образования*, и этого образования правительство дать не могло. Следовательно, всеобщая воинская повинность должна была неизбежно повести к *понижению боеспособности армии*. И если это еще не было замечено в 1877 году, то в 1904 и 1914—1917 гг. это стало очевидным.

Третья важнейшая реформа коснулась военного образования командного состава. До Милютина основой военного образования были корпуса, в которые мальчик поступал 10 лет и по прошествии 7—9 лет выходил в полк готовым офицером. Эти 9 лет жизни, когда из ребенка формируется человек, будущий офицер проводил, почти не выходя из стен корпуса, куда не долетала ни одна мысль из внешнего мира; в такой искусственной обстановке стремились сделать узко-военных людей, воспитанных в духе военной ка-

сты, такие, какие были нужны армии в аракчеевское время. С этой мыслью нам придется еще раз встретиться в истории нашей армии. Но Милютин считал, что настоящим вождем может быть только офицер-гражданин, всесторонне образованный, с ясным пониманием всех основных вопросов жизни; поэтому военные корпуса, как питомники кастового военного духа, были уничтожены и вместо них созданы военные гимназии, где военное дело преподавалось лишь в строго ограниченном размере, дабы внедрение военной муштры не исковеркало душу ребенка и не помешало общему развитию всех его душевных свойств; для военной же подготовки Милютин создал военные и юнкерские училища, которые из молодых людей со средним образованием сделали бы офицера. Вот та реформа Милютина, которая так резко оттеняет эту эпоху от поры Аракчеева и оттеняет ее тем, что основную опору Милютин стремился перенести на активные стороны человеческой души, на ее самодеятельность.

С таким воспитанием русская армия пошла в турецкую войну. Но торжество таких идей было короткое. Кто из вас изучал политическую историю, тот знает, что расцвет эпохи был очень кратковременным, через небольшой промежуток времени реакция снова вступила в свои права: министр внутренних дел Валуев цепко взял правление в свои руки, одна реформа за другой были сведены на-нет.

Это сейчас же отразилось в армии, талантливые люди, как Скобелев, Черняев, оказались вытесненными из рядов армии. Черняев поехал добровольцем в Сербию, где руководил восстанием против турок, генерал Скобелев тоже оказался не у дел, а когда началась война 77-го года, он поехал также добровольцем в отряд Драгомирова. Черняев в нищете окончил свою жизнь, а Скобелев был отравлен в одном из московских ресторанов.

Милютин совершенно ясно понимал, что самодеятельность, столь необходимая при современном состоянии техники, можно получить от командного состава лишь при 2 условиях. Если в сердце у человека есть *импульс* к деятельности, если цели, за которые идет борьба, ему близки, дороже его жизни, а, с другой стороны, если командный состав настолько образован, что его самодеятельность пойдет

на пользу, а не во вред делу. Между тем, повинность крови дворянство несло далеко не так охотно, как в XVIII веке, когда оно было молодо, как класс, и полно готовности к подвигу. Дворянство давало в рассматриваемую пору лишь офицерство в гвардию и старший командный состав в остальные войска. Интересы остальной массы офицерства, комплектовавшейся по большей части в среде разночинцев и трудовой интеллигенции, не имели ничего общего с дворянским землевладением. Милютин хотел создать импульс для борьбы офицерства в идеалистической *любви к родине и царю.*

Но такой идеализм для сколько-нибудь крупной массы вырастает лишь при твердом согласовании с экономическими интересами. Создать же эти импульсы милютинская школа не могла, но широкое образование будило мысль, и естественно было опасно для твердости армии, ибо образованный человек мог легко дать себе отчет в тех противоречиях, которыми он был окружен.

Поэтому, естественно, милютинские военные гимназии были скоро уничтожены, и военное министерство вернулось к кадетским корпусам, с их монастырским режимом, воспитывавшим узкого малообразованного офицера, с привитыми ему шаблонами вместо способности мыслить и обрывками заученных на память учебников вместо образования. Таким образом, вместо офицеров, потребных в современных условиях, военная школа давала лишь твердых исполнителей чужой воли. Но задачи внутренней политики этим осуществлялись.

Реформационная деятельность Милютина ярко отражает то противоречие различных течений, которыми была охвачена современная Россия. Жизнь с ее мощным прогрессом техники и организации настойчиво предъявляла свои права, *но господствующий класс, который не мог подняться в уровень с жизнью, не хотел уступить своих прав и полагал, что он остановит жизнь.* Для борьбы за свои привилегии он строил армию, и в то время, как Милютин подходил к этой постройке, с целью создать войско, отвечающее требованиям жизни, требованиям современной войны, вся инерция правящего класса была сосредоточена на том, чтобы его реформы не повредили борьбе за свое положение с трудовыми массами и интеллигенцией, готовой, как это каза-

лось тогда, стать во главе народного движения. Поэтому все разумные меры Милютина были исковерканы и искажены. Ему удалось создать внешние формы современного войска, но по сути, по идеям, по воспитанию это был лишь ухудшенный сколок с армии Николая I.

Война с Турцией в 1877—78 годах.

Турецкая война дает ряд ярких приемов, характеризующих боевые качества этой новой армии, когда под влиянием расцветавшей самодеятельности в жизни, она отчасти проникла и в военное дело и в турецкую кампанию, мы видим некоторый подъем военного искусства, по сравнению с недавней крымской войной. Но влияние «аракчеевщины» не могло быть изжито ни в 5, ни в 10 лет, она лежала тяжелым бременем на психологии армии и не только в 1877 г., но сказывалась и много позднее в 1914—18 годах. Краткий очерк турецкой войны познакомит вас с важнейшими особенностями армии в этот период, и я бы хотел пробудить у вас желание изучить эту войну более подробно. Главной целью действий был Константинополь, подступы к которому прикрывал Дунай и Балканы. Турецкая армия, около 90 тыс. человек, была расположена между этими двумя линиями, опираясь на четыреугольник крепостей, Рущук, Силистрия, Варна и Шумла. Войска Осман-паши, силою около 60 тыс. чел., располагались в западной Болгарии около Виддина. Какие-то части были в Малой Азии под командой Сулеймана-паши. Общая численность турок достигала до 500 тыс. чел., вооруженных отличной винтовкой Пибоди-Мартини и крупповской стальной пушкой .То и другое значительно как и в крымскую войну превосходило наше вооружение. Командный состав и обучение армии были очень невысоки. Сверх того, у турок был на Черном море и Дунае флот, какогда мы не имели совершенно. Численность нашей армии достигала 1.400.000 человек, из которых на театр военных действий на линию Дуная выдвинуто сначала не более ста тысяч человек, усиленных затем до 260 тысяч.

Когда вам хочется познакомиться с блестяще организованной переправой, то я рекомендую вам изучить переправу русских через Дунай у Зимницы в июне 1877 г. Она была

организована ген. Драгомировым, тогда начальником 14 дивизии, впоследствии начальником нашей академии, известным военным писателем, основной идеей которого было превосходство духовных факторов над материальными, воспитание войск в духе самодеятельности и любви к наступательным действиям. После переправы недостаток сил сразу сказался. Когда были выделены силы для обеспечения операции со стороны четыреугольника крепостей и Османа-паши, то для движения на Константинополь остались лишь 1 пехотный и 1 кавалерийский корпус. Оказалось, что наступать нечем, кавалерийский корпус под командой ген. Гурко, направленный на разведку и захвата Балканских проходов, действовал с большим искусством и смелостью, переправился через горы, захватил Шипкинский проход, но был остановлен значительными силами турок и дальше продвинуться не мог. Переправа через Дунай и Балканы произвела тяжелое впечатление на турецкое правительство и оно приняло энергичные меры для того, чтобы развернуть на театре войны все свои вооруженные силы, подтянув войска из Египта, Малой Азии, предписав одновременно энергичный образ действий войска Османа-паши и восточно-дунайской армии в четыреугольнике крепостей.

Таким образом в то время, как мы вследствие недостатка сил должны были остановиться, перейти к обороне и ожидать подхода подкрепления и румын, которые решили примкнуть к борьбе, турки, наоборот, перешли к активным действиям. Форсированным походом армия Османа-паши двинулась от Виддина навстречу нашим войскам, переправившимся у Зимницы и у Плевны, 8 и 18 июля столкнулась с нашим западным отрядом. Восточная армия турок, несмотря на крупную силу, ничего серьезного не предпринимала. Наши войска потерпели под Плевной серьезную неудачу, не приведшую к более тяжелым последствиям только потому, что турки остались пассивны в Плевне. Но зато ген. Радецкому, занимавшему Балканские проходы, пришлось выдержать в августе тяжелую, но успешную борьбу за Шипкинский перевал с армией Сулеймана-паши, подвезенной из Малой Азии. Наше положение было очень тяжелым и только подход румынской армии и подходившие подкрепления дали нам возможность выйти из трудного положения. Для того,

чтобы развязать себе руки было решено, пользуясь усилением наших армий, освободить наш правый фланг и уничтожить армию Османа-паши в Плевне.

Уже этот первый период кампании ясно показал, насколько наши руководящие круги не были в состоянии правильно оценить положение и технически подготовить войну. Имея в своем распоряжении средства огромной империи, свыше, чем миллионную армию, правительство привело на решающую точку и в решающий момент всего 100 тыс. чел., которые были охвачены со всех сторон врагом, потерпели неудачу под Плевной и за Балканами и вынуждены были перейти к обороне, чтобы выиграть время и подтянуть подкрепления.

Мало того, мы пришли на театр военных действий, технически уступая даже такому врагу, каким были турки. Наши ружья и пушки были значительно хуже вооружения турок; правда, что турки получили его от Англии, но в английских ружьях не было ничего неизвестного нам. Часть нашей армии была вооружена винтовкой системы Бердана, не уступавшей турецкой винтовке Пибоди, но турки были вооружены этими ружьями почти все, а у нас главная масса армии вышла на войну с совершенным отсталым образцом Крнка. Страна с мертвой мыслью, без самодеятельности не может поспеть за быстрым течением прогресса и неизбежно оказывается технически отсталой.

Борьба под Плевной.

Из всей турецкой кампании 1877—78 гг. борьба под Плевной представляет наибольший интерес, ибо всесторонне выявляет недостатки и достоинства нашей армии этого времени. Под Плевной мы дрались три раза, все три раза неудачно и, наконец, взяли ее измором, путем длительной осады. Когда наши войска переправились через Дунай, западный отряд ген. Криденера получил задачу взять крепость Никополь в целях обеспечения нашего правого фланга. Небольшой 7.000—штыковой отряд Шильднер-Шульднера, 7 июля, выдвинутый из его состава для занятия важного узла путей и переправы через реку Вид у Плевны, столкнулся под Плевной с Османом-пашей. Численность войска

Османа-паши доходила до 15—18 тыс. чел. Первое столкновение под Плевной было неожиданно, как для турок, так и для наших войск, так как служба разведки неслась по обыкновенно очень плохо. Шульднер атаковал Османа-пашу не зная, что собою представляют силы противника. Вначале был одержан даже частичный успех, но турки, значительно превосходившие нас численно, вскоре не только остановили нас, но и нанесли нам тяжелые потери. Шильднер был вынужден отступить.

Неудача под Плевной вынудила наше главное командование значительно усилить Западный отряд. В состав его постепенно были назначены 9-й, 4-й и 11-й корпуса, и к 16 июня эти силы были соединены под общее командование ген. Криденера. За время этого сосредоточения турки успели укрепить Плевну, и впервые на поле сражения появилось то новое средство, которое теперь составляет самую суть обороны: вокруг Плевны выросли группы стрелковых окопов, развивавших сильный ружейный огонь, имея твердые точки опоры—центры сопротивления—в виде редутов. Такая система оборонительных построек образовала вокруг Плевны укрепленный лагерь, с радиусом 3—4 версты, на котором была сосредоточена борьба вплоть до ноября месяца.

Важнейшими оборонительными сооружениями были: Гривицкие редуты, к востоку от Плевны; группы Омар и Ибрагим-бея-Табия к юго-востоку и Зеленые горы к югу от Плевны. Трудность атаки заключалась в том, что для взятия укрепленной позиции были необходимы планомерность действий, согласованность атаки на различных участках, тесное взаимодействие с артиллерией и уменье использовать достигнутые результаты своевременной подачей резервов. Это была огромная организационная работа, для которой были нужны прежде всего планомерное руководство сверху и широкая самодеятельность всего командного состава, иначе такая массовая организация, какой является современная атака укрепленной позиции, не может быть осуществлена. Нужно было также уменье массировать и управлять артиллерией. Всего этого в нашей армии, конечно, не было, ибо знание и самодеятельность есть плод систематичной и длительной работы воспитания и обучения армии. У нас же короткий расцвет умственного движения быстро сменился

аракчеевскими традициями, уничтожившими ростки появившейся военной мысли.

Без предварительной разведки, без систематичной артиллерийской подготовки наша пехота бросилась в атаку на редуты. Кое-где, несмотря на тяжелые потери, ей удалось овладеть неприятельскими позициями, как-то Гривицким редутом, Зелеными горами; но, как вы увидите из систематического изучения этой кампании, наши части шли вразброд, без согласования действия артиллерии и пехоты, без систематического плана атаки и в результате, несмотря на наши частичные успехи, наши войска были оторошены назад и с большими потерями отошли. Неудача в боевых частях передалась в тылы, и паника охватила все находившееся на дороге от Плевны до моста через Дунай.

Но турки не использовали этой благоприятной обстановки; они не перешли в наступление и мы смогли восстановить порядок и свое положение. Обсудив причины неудачи под Плевной, наша главная квартира решила, что дело заключалось в недостатке артиллерии. Внешний признак, как это часто бывает, заслонил глубокие внутренние причины. Подвезены были свежие войска, могущественная артиллерия, подошла румынская армия и ген. Зотову, который стал во главе всей этой армии, был поручен новый штурм Плевны, который и состоялся в конце августа.

Отметим основной момент, который, как мне кажется, имел чрезвычайно важное влияние на ход дела. На театре военных действий появился новый фактор — нарезное оружие, заряжающееся с казны и стреляющее с большой точностью; в связи с изменением техники, должна была меняться и тактика войск. Должны были создаваться новые формы ведения войны и боя, но для того, чтобы понять то, что происходило, для того, чтобы выработать новые формы борьбы, без которых достижение успеха было невозможно, для этого была необходима широко развитая наблюдательность, уменье изучать события, происходившие перед глазами, и делать из них выводы, т.-е. необходима научная работа на самом поле сражения, или высшее проявление самодеятельности; при чем результаты могли быть быстры и плодотворны в том лишь случае, если этот научный подход к оценке войны, во время самой войны был общим для

всех сверху и донизу, ибо новая техника влияет на всю армию, и высшие формы управления могут меняться лишь в связи с изменением в мелких соединениях и родах войск. Но этой самодеятельности не было, и к оценке событий подходили, поверхностно, формально. Для подготовки атаки были установлены 420 орудий, но установлены они были технически неправильно, не на той дистанции, какая в данном случае была необходима, распределение целей было неверное и согласования с действиями пехоты не было. Огонь был сосредоточен не туда, откуда шла главная масса огня противника—на окопы во время атаки, а на редуты и то задолго до штурма; поэтому противник выводил солдат во время бомбардировки из редутов в окопы, где они не несли потерь, а разрушение редутов успевал поправлять по ночам. Кто будет подробно изучать вопросы атаки укрепленных позиций, тот узнает, что здесь нужна громадная организованная работа, каждая батарея должна иметь точно определенную задачу, согласованную с атакой пехоты, артиллерия должна быть правильно управляема и организована. Атака укрепленной позиции—это очень сложный маневр, весь построенный на планомерности и самодеятельности войск, руководимых твердым и образованным командованием сверху. Это основа современного военного искусства—*«централизованная децентрализация»*, сведение принципов самодеятельности в единую организованную работу. Наша армия под Плевной к такой работе не была способна и в результате атака по всему огромному фронту Плевны окончилась неудачей, с потерей в 16 тыс. чел. Атака вполне удалась только в одном месте, это у Скобелева, взявшего с 16-й дивизией позицию турок на Зеленых горах, фактически прорвавшего оборонительную линию турок. Скобелев технически правильно повел наступление, при чем не только правильно с материальной стороны, но и со стороны руководства психологией масс. Когда он видел, что его войска выдыхаются, он во-время вводил резервы, не задумываясь над тем, чтобы в решительную минуту самому на белом коне броситься в кипень боя и, увлекая за собой полки, овладеть укреплениями. Его, конечно, и должны, и могли поддержать свободные резервы соседних частей, таких было достаточно; в действительности же он был оставлен без помощи; контр-

атака турок уничтожила весь результат его героических усилий. Даже, когда один из соседей по собственному почину послал помощь Скобелеву, то ген. Зотов отменил это распоряжение и возвратил бригаду в резерв, опасаясь перехода турок в наступление.

На примере Скобелева еще раз подтвердилась народная поговорка: «один в поле не воин». Скобелев был один из немногих людей нашей армии, снова захваченной засилием «аракчеевщины». Плевна, как и Севастополь принадлежат к самым тяжелым страницам нашей военной истории, когда плоды «аракчеевщины» выявили себя во всю широту. Они были суровым возмездием за основную ошибку организации, стремившейся построить армию на одном лишь принципе дисциплины, не только не опираясь, но подавляя активные стороны начальника и бойца в стремлении добиться слепой исполнительности. Неудачные штурмы заставили перейти к правильной осаде Плевны, продолжавшейся 3 месяца и закончившейся в ноябре пленением всей армии Османа-паши, заморенной голодом. После падения Плевны, наши освободившиеся войска продолжили наступление и в декабрьские морозы форсировали под руководством Гурко, Радецкого и Скобелева Балканы, взяв в плен всю армию турок, защищавшую Балканы под Шейновым. После уничтожения таким образом большей части турецких сил наше наступление на Константинополь протекало беспрепятственно.

10 января был взят Адрианополь, а 12 февраля предместье Константинополя с. Стефано. Дальнейшее продвижение было остановлено дипломатическим вмешательством Австрии и Англии и выходы из Черного моря, открыть которые мы стремились еще со времен Екатерины, остались в руках турок.

Вот в кратких чертах эта интересная кампания, которую должен изучить каждый из вас, если он хочет иметь ясное представление о свойствах нашей армии в эту пору и поучиться на действиях Гурко, Скобелева, Драгомирова, Радецкого военному искусству.

Наша война с Турцией, а особенно тяжелая борьба под Плевной, с полной ясностью выявила недостатки нашей армии. Применение на войне новых средств техники предъявило совершенно новые требования к организаторам, к

командному составу. Мы впервые имеем массу в 420 орудий, огонь которых должен быть организован и распределен по целям на широком фронте. Мы впервые в нашей армии встретились с необходимостью согласования и тесного взаимодействия пехоты и артиллерии.

Для достижения таких эффектов необходимы были новые методы управления. Точное исполнение приказа и готовность умереть при исполнении его уже не были достаточны. Один человек—главнокомандующий уже мог поставить и направить все 420 орудий и связать их огонь с действиями пехоты. Тут была нужна широкая самодеятельность всей массы начальников, как эта же самодеятельность была необходима каждому стрелку для того, чтобы использовать свою винтовку. Перед всей организационной работой общества и прежде всего перед армией стоял вопрос о выработке новых организационных форм. Нужно было впервые в истории, связать дисциплину с массовой самодеятельностью и массовым знанием дела.

Этого наша армия, созданная и воспитанная так, как было очерчено выше, конечно, не была способна сделать. Я уже не говорю о всем остальном, что проходит всю военную историю насквозь. Способность решаться, сохранение почина в своих руках, принцип частной победы,—все это возможно в армии, выросшей на иной базе, у нас же вся эта кампания, кроме отдельных эпизодов, сильно грешит против основных требований военного искусства. Лишь Драгомиров при переправе через Дунай, Скобелев на Зеленых горах под Плевной, Радецкий и Гурко на Балканах составляют исключение, на которых мы можем учиться, редкие яркие блестки на общем фоне подавленности и неуменья воевать.

Выводы, к которым приводит изучение эпохи Милютина.

Чем дальше, тем трагичнее для русского народа, а вместе и народов, вошедших в нашу общую государственность, развивалось расхождение интересов организаторов дворянства, как класса, с интересами широких трудящихся масс. В то время, как все новые и новые факторы, в особенности техника, открывали возможности благосостояния, ранее не-

мыслимые в России,—*дворянство стремилось все упорнее к сохранению старых форм жизни, в которых только оно, не меняясь, могло сохранить свое господствующее место.*

Поражение Севастополя создало такой сдвиг в общественном мнении как правящего класса, так и народной массы, что руководящие круги были вынуждены на время уступить и рядом реформ открыть поле для самодеятельности масс, но быстро все так или иначе было взято обратно, и Россия снова зажата в тисках реакции. Такой сдвиг произвел, однако, свой эффект. *Антагонизм классов,* придушенный при Николае I и незаметный на поверхности, в эпоху реформ Милютина тысячами трещин избороздил отношения между массами и дворянством, дворянством и интеллигенцией и, наконец, внутри самого дворянства. Вместе с тем *дворянство,* как класс, вырождалось и все охотнее передавало тяжесть, сопряженную с его положением, на плечи тех слоев населения, которые оно могло за плату поставить на исполнение своих обязанностей.

Таким образом, развивающийся антагонизм классов и постепенное вырождение дворянства на фоне широко развившейся *техники,* требовавшей для разумного использования прежде всего *таланта, самодеятельности масс и гражданского мира,* вот обстановка, в которой вел свои реформы Милютин.

Можно себе представить, какие трудности представляло в такой обстановке найти идеи и лозунги, найти точки опоры для того, чтобы из этой массы людей, которая должна была стать под ружье, сделать организованное войско. Чувствовалось, что старые лозунги умирают, но новых в этой обстановке выдвинуть было невозможно. Единственным выходом было: сильным давлением на мысль, на образование затормозить развитие сознания в народе. Если сейчас победа революции настоятельно требует, чтобы народные массы стали думать, понимать, отдавать себе отчет в происходящем, то в ту пору спасение дворянства было в том, чтобы никто не понял того, что происходило в России.

Сильно действующее оружие поставило в ряды армии на короткие сроки значительную массу населения. Перевоспитать ее в армии было невозможно. Дать соответственное интересам дворянства воспитание народным массам было

также немыслимо, ибо дворянство было совершенно изолировано в стране и не могло найти идейных сотрудников, как это было в Германии, для обработки психологии; оставалось после короткого, неудачного для правящего класса опыта реформ, вернуться к политике Николая I, политике полного порабощения мысли и убивания самодеятельности, в свою очередь, создавшей обстановку *невозможности использовать технику* ни в экономической жизни, ни в армии.

Этим же путем совершенно подрывалась возможность тесного *товарищеского общения* между солдатом и офицером, ибо нарушение общности целей борьбы, нарушение идейного активного сотрудничества, обращение солдата и офицера в манекенов, *исключало* между ними *возможность человеческих взаимоотношений,* вырывало пропасть, перешагнуть которую могли очень немногие.

Раз не было самодеятельности, раз не было импульсов к работе, то естественно не было упорной, настойчивой работы по приобретению знаний; военное знание в армии стояло в зачаточном состоянии, вырождаясь зачастую на верхах военной науки в оторванную от жизни схоластику. Отсутствие знаний и самодеятельности сделало невозможным использование техники на войне и привело к тяжелым, мучительным неудачам Плевны, мучительным потому, что, несмотря на начавшееся *разложение,* дух армии был еще высок, и неуменье командования привело лишь к тяжелым, ненужным жертвам.

Реформы Милютина, несмотря на короткое время, предоставленное для их полного и свободного развития, представляют огромный интерес для истории военного искусства. После Крымской кампании, выявившей полную невозможность управлять войсками на принципе одной слепой дисциплины и комплектовать армию по рекрутской системе, мы видим попытку Милютина разбудить самодеятельность и переход ко всеобщей воинской повинности. То и другое дает нам новую армию, и армию, несомненно, в некотором отношении лучшую, чем армия Севастополя, ибо хоть и плохо, но она могла маневрировать и достигла крупных результатов там, где в 1854—1856 гг., например, Дунай остановил все наши наступательные попытки. Таким образом, оживление самодеятельности стало сейчас же давать

свои плоды. Но в современной армии отдельные, даже очень талантливые люди ничего сделать не могут. Для победы нужно организованное свыше, но массовое творчество, самодеятельность всей армии сверху донизу. Этого в короткий период расцвета достичь было невозможно, и штурм Плевны, неумение учесть свойства нового оружия были результатом аракчеевского наследия в армии.

Тем не менее, мы видим, что самая основа армии—ее дух—были тверды и живы в этот период, как в общем был еще тверд и жив в массах основной лозунг: «за веру, царя и отечество»; дисциплина армии, значительно смягчившаяся со времени Крымской войны, была хороша, сохраняя устойчивость армии и после плевненских неудач, и в страшных боях на Шипке, и при форсировании в декабрьскую стужу Балкан. Наступательный дух все так же был свойствен нашим войскам, как и раньше, но технически мы были не на высоте, особенно в смысле техники маневрирования на театре войны и после сражения. В этом вновь и вновь сказывалось тяжелое давление внутренней политики, стремившейся сделать из армии оружие для борьбы дворянского меньшинства с народной массой, недовольной результатами реформ Александра II.

V.

Последний этап.

Описание русско-японской и 1-й мировой войны составляют темы отдельных курсов академии, но я считаю, что очерк истории военного искусства был бы неполон, если бы, в нескольких словах, не довести его до наших дней.

Мы присутствовали в 1917 г. при крушении армии дворянской России, мы участвуем сейчас в создании армии рабоче-крестьянской России. Попробуем наметить основные вехи этого процесса с военной точки зрения.

Разрыв общественных связей, классовый антагонизм, задержка в экономическом развитии, подавленная самодеятельность, придавленное развитие масс,—вот что характеризовало обстановку, в которой жила и боролась армия последние 40 лет своего существования (1878—1917).

Общие причины порождали в армии крайне тяжелые следствия для ее боеспособности. Отсутствие популярных лозунгов, которые объединяли бы офицера и солдата, создавало между ними пропасть, отмеченную многими исследователями, особенно иностранцами, создавая невозможность воспитания армии. С другой стороны, все больший и больший рост техники, усиление средств борьбы, массовый характер потерь, ими наносимый, появление машинного и скорострельного оружия повело к страшным, невиданным ранее потерям и потребовало вывода на театр войны—в ряды войск и учреждения, обслуживающие войска,—всего взрослого мужского населения. Первый опыт этого рода был сделан в войне с Японией, где война на далекой окраине стоила нам свыше миллиона людей, посланных на поля Манчжурии, и свыше 300 тыс. потерь. 1-я мировая война заставила нас поднять размер призыва до чудовищной цифры в 18 миллионов, из которых $1\frac{1}{2}$ миллиона были убиты, около 2—искалечено и

около 2 миллионов попало в плен. *Объективная* политическая обстановка в стране делала развитие техники борьбы неосуществимым, ибо дворянство, крепко держа власть в своих руках и делая известные уступки лишь торгово-промышленному капиталу, создавало обстановку, где *импульсов* для самодеятельности ни у начальника, (по большей части не дворянина), ни у солдата (крестьянина или рабочего) не было. *Субъективно* эта правда долго не могла быть освоена. В январе 1905 г. солдаты стреляли в народ, а в 1914—1918 гг. на всех фронтах мы знаем примеры, где войска дрались с величайшим мужеством. Нужен был разгром армии в Манчжурии, чтобы дать первый толчек пробуждению сознания, а затем поражение Самсонова и Ренненкампфа в В. Пруссии и всей армии в 1915 г. для того, чтобы общественное мнение широких слоев народа и значительного большинства интеллигенции, даже буржуазии и части дворянства ясно сознало, что дальнейшее сохранение дворянства—царской России—у власти поведет к неминуемой государственной катастрофе. С другой стороны, и руководящие круги правительства и дворянства сделали все для того, чтобы помочь этому уяснению, совершая одну за другой ошибки во всех областях управления,—ошибки, которые армия окупала потом своей кровью (недостаток снарядов), при чем развал верхов довел до форм циничного, неприкрытого разврата (Распутин).

Наступление Брусилова в Галиции, несмотря на выдающуюся смелость вождя, усилия и самоотвержение войск, не привело все же к существенным результатам, ибо один главнокомандующий и даже группа лиц не могли ничего больше сделать там, где была нужна массовая самодеятельность и где ее не было, вернее, где она была вытравлена усилием государственной власти в течение 40 слишком лет. Это подорвало последние надежды на близкий и успешный конец и вызвало у армии, измученной нечеловеческими усилиями, которые она должна была дать в обстановке страшного технического превосходства у врага, желание покончить с войной, цели которой ей были непонятны и в которой для нее было реально лишь одно—возможность быть убитым или искалеченным.

Таким образом ради своих эгоистических классовых целей дворянство поддерживало в стране порядок, тормозивший прогресс во всех областях и прежде всего сделавший невозможным полное экономическое развитие сил России, а в области военной, создавший условия, в которых армия была обречена на поражение. Оружие и средства, которыми армия была вооружена, требовали для успеха наличия качеств, развитие которых означало конец господствующего дворянства, и оно предпочло поражение России и на экономическом и на военном фронте уступку хоть части своей государственной власти. Революция принесла заслуженное наказание классу, который, забыв свои исторические задачи организатора, использовал власть для эксплоатации народа, во вред интересам России.

Военное искусство этой тяжелой поры представляет жалкую картину падения. Бедность замысла, боязнь риска, неумение использовать выгоды принципа частной победы, боязнь маневра и боязнь основательная, ибо маневрировать без развития частного почина невозможно, и крайне слабое использование техники,—вот что характеризует операции как японской, так и германской войн.

Мало того, руководство массовой армией и техникой с ее машинным действием потребовало новых организационных методов, уменья сочетать дисциплину и самодеятельность, именно путем планомерной работы центров объединить и направить усилия и самодеятельность масс людей и технических средств. Эти методы оказались нам не по плечу, и только к концу войны, к 1917 г., мы более или менее, и то далеко не везде, научились руководить массовой армией. Словом, причины классовой структуры России определили катастрофу как общую, так и военную и сделали революцию неизбежной, при чем буржуазия, став у власти, лишь продолжала политику дворянства, отказавшись учесть психологию масс, их уровень понимания политической обстановки, жертвуя интересами России по требованию англо-французского капитала. Зная, что война продолжается за раздел мира между Германией и Англией, правительство не сделало ни одного шага, чтобы кончить войну. Этим предопределялась победа пролетарской революции в России, ибо подобно дворянству 200 лет тому назад пролетариат

взял на себя руководство Россией в борьбе за существование, к которой Россия оказалась вынуждена.

Мало того, в этой борьбе за свое существование,—наша судьба оказалась тесно, неразрывно связанной с трудящимися массами всего мира, вступившими также в упорную борьбу за свое освобождение.

И вот сейчас, переживая самые тяжелые дни и месяцы борьбы, где новые слои народа вышли к власти и заменили в организационном аппарате дворянство, мы с точки зрения военной должны констатировать: мы, действительно, переживаем величайшую разруху, мы видим в каждой операции недостаток уменья и технических навыков, а в структуре армии и ее вооружении—огромный шаг назад, быть-может, частично ниже японской войны. Но зато, оценивая силы новой армии и той государственности, которая ее подняла, мы можем видеть *великие силы духа*, которые могут создать мощную организацию, а именно мощный порыв к *массовой самодеятельности*, постепенно организуемой руководящими центрами: мы видим лозунги, охватывающие широкие массы народа в России и привлекающие в наше движение, к нам на помощь, многомиллионные массы трудящихся вне наших границ. Лозунги, выражающие интересы большинства русского народа и в то же время точно отвечающие тем организационным формам, которые человечество *должно принять, раз оно располагает машинами, массовым производством.*

Благодаря этому театр военных действий разбросался широко, и война приняла иной характер, объединяющий старое военное искусство и методы гражданской войны. Технически наша молодая армия, армия рабочих и крестьян России, ставшая авангардом борьбы человечества за новые формы жизни, слаба, но дух ее велик и мощен; это дух армии, борющейся за великую новую правду, за кровные интересы свои и своих близких, и эта армия, которой некуда отступать. «В бою же решает не сила оружия—победу дает сердце героя».

VI.

Выводы, к которым приводит очерк истории военного искусства армии дворянской России.

Два фактора влияли решительным образом на состояние военного искусства нашей старой армии. *Дух армии*, определяемый всей совокупностью политических (а под ними экономических, социальных) сил, действовавших в рассматриваемый период в стране, и *технические средства* борьбы, связи и транспорта, коими располагали войска. Эти факторы определяли *организационную* деятельность по созданию армии и по руководству ею на театре войны и поле сражения, определяли рост и падение военного искусства, определяли в своем дальнейшем развитии и самое крушение, полное распадение армии царя. Попробуем наметить те основные выводы, которые позволяют сделать изученный нами материал,—выводы, которые помогли бы нам в трудной работе создания новой армии.

В чем с нашей военной точки зрения заключалось влияние всей жизни государства на силу армии? Каковы те требования, которые предъявляются организаторами военной силы, чтобы армия была способна побеждать? В области духа таких требований два. Первое—постройка военной психологии армии на *лозунгах, принятых большинстом страны*. Я не вхожу в обсуждение, как и почему принятых, но утверждаю лишь, что базой духа армии должно быть общественное мнение большинства народной массы, дающих как рядовых бойцов, так и командный состав. Это единство мнений создает связь армии в одно целое, связывает командира и

стрелка, оно дает базу для построения дисциплины, импульс для развития самодеятельности, которая, в свою очередь, создает обстановку, в которой армия начинает учиться и знать свое дело.

Влияние политических факторов на силу армии.

Единство духа может создаться в том лишь случае, если *интересы* организаторов совпадают с *интересами* масс. При чем это положение надо брать не объективно, но субъективно. Дворянство при Петре объективно было уже классом эксплоататоров, но при Петре и при Екатерине, и даже в 1812 году все же были обширные слои крестьянства, которые считали, что, несмотря на все невзгоды того строя, в котором они жили, иначе жизнь устроить нельзя, ибо тогда либо внешний враг нападает и еще худшую беду причинит (поляки в 1613 году, шведы в 1708 г., французы в 1812 г.), либо свой лихой человек сведет со свету, как в Смутное время. Словом, какое-то внутреннее психологическое равновесие в стране является тем фундаментом, на котором армия строится лучше всего. Наша борьба с французской революцией всецело подтверждает эту мысль.

Другое требование, которое предъявляется к организаторам в армии, это—требование *личного примера*. В этом, с моей точки зрения, ярче всего сказывается жизненность господствующего класса. Народная масса своим трудом создавала организатору привилегированное положение, освобождая его от физического труда, но она без слов, быть-может требовала чтобы в трудную минуту он был впереди. Петр под Лесной и Полтавой, Суворов, Багратион, все их сторонники были только лучшими в своей среде. Дворянство, создавая армию в период ее расцвета, лично стало в ряды войск и первым шло в бой на смерть. *Идея была дороже жизни*, и армия была армией победы. Но умирает доблесть в дворянстве. Все меньше и меньше хочет оно расстаться с жизнью, в которой ему создано привилегированное положение. Ряды офицерства заполняются случайным элементом, *наемниками*, лично не связанными с интересами класса, которых один только идеализм—«любовь к родине» должна была, по мнению организаторов армии, вести на подвиг. Но оторванный

от почвы идеализм *масс* гибнет, если под ним нет материальной базы. Отдельные же, самые самоотверженные люди не могут решить победы. Один в поле не воин.

Таким образом, *служение интересам масс* и *личный идеализм* делали силу дворянства в первую пору их господства. Развитие *эгоизма* повело к разрыву с массами, нарушению *единства духа*, потере веры и авторитета *в вождей* и крушению армии [1]).

Установив эти положения, мы подходим к основному вопросу, который нас интересует. На протяжении нашей военной истории мы видим борьбу двух начал. Армии революции и армии реакции, духовные силы которых построены на базе твердых исторических традиций.

Мы видим, что вышедшая из социального переворота армия Петра разбивает шведов—ясно выраженную армию исторической традиции, а объективно для России бывшей армией реакции. Мы видим борьбу суворовской армии—исторической традиции, а объективно армии реакции—побеждающей армию французской революции, и, наконец, нашу армию в XIX веке, где реакция торжествовала—терпящей почти одни только тяжелые неудачи. В чем же сила и слабость армии революции и армии реакции. Почему в одних случаях побеждала революционная сила, а в других торжествовали армии исторической традиции.

Ответить на этот вопрос, конечно, нельзя в пределах военной истории. Мы можем наметить лишь некоторые любопытные с своей точки зрения моменты. Мне представляется, что сила армий революции определяется прежде всего близостью командующего состава и массы, жизненностью идей войны и боя, взятых из самой практики, и огромной самодеятельности, энергией комсостава и лучших представителей массы, при чем аппарат страшной силы принуждения тянет за передовыми бойцами всех остальных. Но рядом с этими сильными сторонами есть и крупные дефекты. Большая неустойчивость настроений массы, армия, приходящая

---

[1]) Эта эволюция психологии правящего класса нуждается в более серьезном основании. Я даю здесь лишь «поверхность» явления, не затрогивая его во всей глубине. То, что нужно для объяснения военной стороны дела.

от того, что нет идей принятых и привоспитанных, ставших традиционно привычными, лежащими в подсознании масс. Каждая идея все время перерабатывается и под влиянием новых данных обстановки оценивается различно. Другая слабая сторона—это недостаток знаний у всей армии, особенно комсостава и недостаток технических средств и подготовки.

Все это мы видим в Петровской и французской армии в первые годы после переворота, но мы, видели, как постепенно те живые силы, которые выдвинул новый правящий класс, как они превозмогли все эти недостатки. Но почему же, победив, Петровская армия сумела закрепить положение нового класса в стране, а армия французской революции, в конце-концов, была раздавлена и распущена.

Мне думается, что в Петровской армии была глубже понята суть и структура армии, те психологические принципы, на которых она строится, а именно: необходимость опереться на мнение массы, тесно связать начальника и подчиненного и главное, что эта армия *не вышла из своих границ для завоевательных целей*, а обеспечив те цели борьбы за существование новой России,—немедленно вернулась в свои пределы, предоставив соседям жить как угодно. Армия же Франции, в представлении соседей, обратилась в армию, стремившуюся к порабощению их. В 1812 году мы видели ту страшную волну протеста, которую они вызвали в Россию и которой они были сломлены.

Таким образом близость к массам, тесная связь с их психологией и скромность в момент победы,—вот то, что дало Петру победу и отсутствие чего—с военной точки зрения—определило поражение армии французской революции.

Влияние техники.

Другим важнейшим фактором, определяющим состояние военного искусства, являются технические средства борьбы, которыми располагает армия. Они влияют на тактику, на стратегию, на организацию армии и на всю жизнь войска. Нужно сказать,—и такая мысль звучит парадоксально,—но крушение нашей старой армии в значительной мере объ-

ясняется тем, что на вооружении состояло машинное оружие. При вооружении кремневым оружием старый строй, вероятно, долго бы еще просуществовал. Изученный материал позволяет до известной степени ответить на этот вопрос.

Слабая техника в армии Петра и Суворова позволяла вести войну со сравнительно слабыми силами: 300.000 при Петре и 500.000 при Екатерине были взяты в период почти четверти века. В войне участвовала сравнительно небольшая часть населения, которую при длительной службе можно было перевоспитать, не обращая внимания на военную подготовку населения. Но развитие техники во 2 половине XIX века пошло усиленным темпом; появилось нарезное оружие, которое сменилось автоматическим и скорострельным и это повело к тому, что во время мировой войны все взрослое мужское население оказалось призванным под знамена. Если в петровскую пору в войне участвовали один человек из 12 взрослых мужщин и то взятых в течение 1912 года, следовательно, с большими промежутками и при постепенно подраставшей молодежи, то машинное оружие сделало то, что вся народная масса была поднята и поставлена к лицу со смертью за цели, которые были ему непонятны. Таким образом появление машинного оружия прежде всего сделало то, что правительство, действовавшее в разрез с основными интересами народных масс, оказалось вынужденным на них же опереться, да еще в самую тяжелую минуту и ожидая от них жертвы, которой оно в праве было ждать только от тех, кто был с ним связан не на жизнь, а на смерть, т.-е. от дворян.

Но этим не ограничилось влияние роста техники. Мы видели, как все сложнее и сложнее становилось оружие, как все больше и больше самодеятельности требовало оно для того, чтобы с полным успехом быть примененным к делу. Умственное развитие, знание дела и способность к частному почину, который Петр и Суворов в армиях с кремневым ружьем требовали преимущественно от начальников, при появлении нареза, а в особенности скорострелки пришлось потребовать от всех сверху и до низу. Толковый выстрел из 3-линейной винтовки потребовал иногда столько же самодеятельности, как применение 100-пушечной батареи. Мало того, если в суворовское время при линейном

порядке самодеятельность частных начальников была очень полезной силой, то все же обычно, при правильной работе командования, вся масса командного состава должна была лишь точно подчиниться дисциплине. Начиная же с появления нарезного оружия и в особенности скорострельного она обратилась в обязанность обихода. Без самодеятельности всей армии, *без строго организованной коллективной работы* армия победить не может. Тот, кто не усвоит этого положения, тот не сможет подойти к пониманию современной войны и современной организации.

Таким образом в то время как политические причины все расширяли пропасть, лежавшую между дворянством и остальной Россией, разрывая единство настроений, вырывая у всей недворянской России *импульсы к деятельности*, техника вооруженной борьбы, наоборот, вовлекла все более и более *широкие слои под ружье*, требуя для успеха дела их *самодеятельности*. Именно эта коллизия, проявившаяся во всей жизни страны, но особенно ярко выступившая перед лицом смерти на войне, была причиной, обрушившей старый строй, открыв перед нами возможность создания новой жизни, где *массы* явятся сами хозяевами, где массовые импульсы коллективного действия станут главным двигателем жизни, и где можно будет полностью использовать силу техники, опираясь на *самодеятельность массы*.

Этот параллельный процесс развития в политической обстановке классовых противоречий и рост техники определяли собой основной фон, на котором развивалась организационная подготовка армии, и боевая—руководство ей на войне.

Обратимся прежде всего к вопросу деятельности в области воспитания войск—в области организации духа.

Воспитание армии.

Вся изученная нами история нашей старой армии с полной несомненностью убеждает нас в превосходстве духа над техникой. Победит, как писал Драгомиров, не тот, кто умнее, хитрее и лучше вооружен, а тот, кто больше хочет победить и кто меньше себя жалеет. Армия революции, ко-

торой некуда отступать, «смерть или победа» в этом смысле страшная сила.

Развивая технику, стремясь придать ее в возможно большем числе нашим войскам, не забудем отдать как можно больше усилий воспитанию армии, ныне, значит, всего народа, ибо именно прочное воспитание было той силой, которая решила нашу победу над армией французской революции. Не забудем, что надо организовать силы духа народа для войны. Эти силы нельзя создать, если их нет. Если социальная и экономическая обстановка не дает массам *импульса* для борьбы. Народные массы России в 1917 г. не видели, во имя чего они должны бороться с немцами, но они ясно поняли, почему им опасен приход в Москву Деникина, французов и англичан. И на базе реальных жизненных интересов, когда массам дано «за что воевать», создается определенное *состояние сознания*,—дух армии, который является базой для организации победы. Ибо, когда есть база, есть предпосылки, то надо их выявить массам, развить их понимание, и в психологии армии появится та устойчивость, которая им необходима в тяжелых кризисах боя. Но если такие силы духа есть, то они могут быть организованы даже в том случае, если силы эти невелики, как они фактически были невелики в армиях аракчеевской и милютинской поры. но при очень больших силах, они могут быть дезорганизованы, так как они были дезорганизованы после петровского переворота. И тогда такую армию ожидает Нарва. Посмотрим же, к чему в этой области сводятся выводы нашей истории.

В эпоху расцвета наши вожди требовали, чтобы офицер и солдат ясно понимали, за что они идут в бой и на смерть и эту идею должны полюбить больше жизни.—«Воин должен итти на смерть счастливым»—эту идею мы видим в основе воспитательной системы нашей старой армии,—систему, создавшую ее несокрушимую силу до тех пор, пока не умер основной лозунг, на котором она строилась: «за веру, царя и отечество», т.-е. до тех пор, пока народ в его массе в 1904—1905 г.г. 1914—1917 г.г. не убедился в том, что организаторы, выдвигавшие этот лозунг, в действительности разошлись с тем, что было благо народа, и преследовали лишь свои узкие классовые интересы. Но пока основной

лозунг был жив в сознании масс, а это имело место весь тот период, который мы изучали, на нем строилась сила нашей старой армии. Во имя этих, когда-то дорогих идеалов, начальник требовал поддержания дисциплины, требовал и сам шел на жертву собой в бою. Во имя этих идеалов начальник мог расчитывать на коллективную поддержку всех, входивших в состав армии, он мог рассчитывать на их желание активно, от сердца, по мере сил и разумения содействовать *общему делу*. Начальник мог рассчитывать на активную помощь, сотрудничество подчиненных, он мог опираться на активные стороны их духа, как это делали и Петр, и Суворов, и Скобелев. Даже тогда, когда внутренняя политическая борьба привела к подавлению личности в армии, и тогда это лозунг объединял всю массу людей в один монолит, умиравший, но не сдавшийся.

Искусство заключалось в том, чтобы эта идея, действительно, проникла в сознание офицера и солдата. И до тех пор, пока офицер был дворянин, а в народной массе жили воспоминания о страшных днях внешних нашествий и внутренних смут, этот лозунг, крепко держал войска под своим обаянием.

Но «скорострелка» в обстановке классовых противоречий внесла свое «разлагающее» влияние. Легко было подчинить влиянию этого лозунга людей, навсегда или надолго порвавших с жизнью (25-летняя служба), но когда пришлось поставить под ружье весь народ, с подготовкой в 3—4 месяца, то внутренний разлад выступал наружу, и революция восторжествовала. Таким образом, в наши дни можно строить армию лишь на базе интересов, *осознанных* массой, на лозунгах, живущих не в армии только, но и в массах народа, ибо в короткие сроки службы привить новые чуждые их интересам и сознанию идеи невозможно, и без такой твердой базы сделать крепкую армию невозможно.

Таким образом опыт старой армии, долгое время сильнейшей армии в Европе, ясно говорит, что *сила армии—в проникновении ее простым, ясным каждому лозунгом,—лозунгом, ярко отражающим основные интересы, которыми живет масса. На этом сознании растет дух армии, ее импульсы к действию, на нем строится дисциплина, он является главным фактором победы в бою*, но в наши дни этот вопрос

еще осложняется. Легко было итти на смерть Багратиону или Суворову, на которых было сосредоточено внимание армии. В ясном сознании целей борьбы шли они вперед, чувствуя, что «на миру и смерть красна», а в случае, если смерть минует их лично, вместе с победой их ждет и слава и награда. Честь была главным двигателем в ту пору, чего нельзя сказать о сотнях тысячах Ивановых и Петровых, смерть которых будет оплакана только их детьми, женой и матерью, а жизнь и победа лично принесет им, как они иногда ошибочно думают, лишь очень немного. Между тем без активного участия этих сотен тысяч скромных, неизвестных людей победа невозможна, и неисчислимые несчастья свалятся на их голову. Мы видим, что старые рыцарские лозунги Суворова, на которых можно строить психологию командного состава, не подойдут для *массы* бойцев сегодняшнего дня. И лишь высокая идея *долга*, перед всем коллективом трудящихся—долга перед своей совестью, перед обществом в борьбе за светлое будущее всего общества, всего коллектива сможет двинуть в бой те массы, за счастье которых сейчас идет великая борьба.

Вспомним лишь и не будем упускать из виду, что подобно тому, как оружие стало оружием массового действия, так идеи воспитания армии Суворова и Петра, выросшие до той более высокой ступени, на которой стоит современное человечество, должны охватить весь народ, во *всеобщей системе военного воспитания* и обучения, ибо армия ныне может лишь внести наличные силы духа и техники, создать же их в скоротечности современной жизни нельзя.

В чем же конкретно может выражаться эта организация народного духа для войны. Опыт нашей истории учит нас, что массы должны:

1) Понимать цели, за которые они борятся.

2) Понимать суть и смысл своего маневра, т.-е. ясно видеть, зачем ее учат тому или другому.

3) В самом ходе обучения, в самом темпе работы подготовки видеть, воспринимать тот бодрый дух, который собирает все сильное в каждом человеке, отбрасывает слабое. *Темп подготовки должен рождать бодрость, а бодрость—силу.* В особенности должна воспитываться активность и наступательный дух.

4) Видеть результаты своей работы, видеть, что она совершенствуется, растет и это давало бы веру в себя, в свою нарождающую мощь.

Существует мнение, выдвигаемое группой американских психологов, что при воспитании масс нет надобности заботиться об их умственном развитии, добиваться самодеятельности. Достаточно заучить ряд приемов, которые, перейдя подсознательную область бойца, по команде начальников будут автоматически, несмотря на опасность, выполняться людьми. Наоборот, умственное развитие их принесет лишь вред, внося дух критики и подрывая дисциплину — наша военная история ставит это мнение на свое место. Муштровка необходима; необходимы меры, делающие автоматичными важнейшие приемы, необходимые в опасности. Ибо в сфере огня, где поле сознания занято впечатлениями боя, люди выполняют лишь то, что привито им долгим воспитанием, что из области сознания перешло в подсознание и делается автоматически. Именно этим отличается регулярное войско от случайного сборища людей. Толпа не имеет спайки. Войско сильно ей. Система приемов, воспроизводящих автоматизм, была одной из сторон суворовской школы. Но когда от его школы осталась только одна мишура, то армия постепенно в связи с ростом техники рассыпалась. Наоборот, сочетание: 1) того духовного воспитания, которое из лучших делает героев, а худшим указывает верный путь, и 2) простой, глубоко разумной и понятной войскам системы обучения,—дает лучшие результаты, как то оказалось в боях суворовской эпохи.

В заключение этого вопроса надо сказать, что только мы, выдвинувшие и осуществляющие идеи великой социальной революции, имеем возможность итти к тому, чтобы осуществить все это на деле, по мере того, как массы будут уяснять себе цели нашей новой государственности, в то время, как наши враги по мере роста сознания масс будут вынуждены все теснее и теснее замыкаться в рамках привилегированных групп, и в этом их гибель, ибо современная война немыслима без активной воли в победе масс.

Значение самодеятельности. Это активное стремление всего состава армии—принести посильную пользу общему делу, в бою и боевой работе всякого вида в нашей обста-

новке массовой техники, создает новый и крайне важный фактор победы, делающий армию сильной—это *самодеятельность,* частный почин, поставленный в нужные рамки дисциплиной, общей согласованной работой. Мы видели, как высоко ставили самодеятельность младших начальников Петр и Суворов, как много они дали, в борьбе 1812 года, и как тяжело сказывалось ее отсутствие в крымской и турецкой войне. Самодеятельность позволяет наилучшим образом применить к быстрой изменяющейся обстановке силы и средства (1712 г.), осуществить цель, поставленную свыше, изучить свойства новых факторов войны (1877 г.), найти способы, как их лучше всего применить и как с ними бороться. Но это драгоценное свойство армии создается лишь в обстановке внутреннего доверия, внутреннего мира среди командного состава, его совершенно нет там, где из армии хотят сделать орудие для борьбы со своим народом (аракчеевщина). Самодеятельность развивается в обстановке, где старший начальник внимательно учит армию, бережно относится к подчиненным, совершившим невольную ошибку, зная, что *не ошибается тот, кто ничего не делает.*

Таким образом, *развитие самодеятельности,* направляемой и организуемой свыше, составляет один из основных выводов прошлого; воспитание самодеятельности есть основная задача каждого начальника, работающего над созданием армии. Надо сказать, что эта мысль в нашей молодой армии еще не сознана и обязанностью каждого офицера генерального штаба является пропаганда ее так же, как уяснение идей и задач революции. Идея дисциплины проста и понятна. Она усвоена массами. В самодеятельности же многие, напуганные «властью на местах», до сих пор видят опасное своеволие, дезорганизующий, разрушающий процесс. Между тем уже история армии XVIII столетия указывает нам, какой мощной силой являлся почин частных начальников, а развитие техники в XIX веке, как я пытался показать, есть основной фактор, вызвавший на сцену *самодеятельность масс.* Воспитание самодеятельности, так отвечающее духу новой, вышедшей из революции России, должно стать такой же основой всеобщего воспитания народа, как и дисциплина.

Я полагал бы, что развитие самодеятельности должно быть построено на следующих основаниях:

1) Начальник ставит лишь цель и дает средства. Выбор способа действий составляет прерогативу подчиненного.

2) В случае ошибок или неудачи подчиненного, как начальник, так и соседи по работе, всеми способами поддерживают и помогают выйти из трудного положения, ни в коем случае не обрушиваясь на него карами, если только в его работе не было злой воли.

3) Если нет времени или возможности испросить приказа начальника, а обстановка изменилась и требует быстрых действий, подчиненный имеет право действовать по собственному почину, имея в виду общую цель действий и не исполняя приказов, данных ранее и не соответствующих новой обстановке.

4) Нужно карать не того подчиненного, кто, увлекшись и действуя энергично, допускает ошибку, а того, кто бездействует, боясь взять на себя ответственность за свою самодеятельность.

Вождение войск. Мы говорили до сих пор об искусстве создания мощной армии. Что указывает нам наша история в смысле вождения ее на войне?

Мы видим прежде всего, какое важное значение имеет глубокое, проникновенное знание войны и ее законов. Иногда, кажется, что можно вести войну, не зная ее закона, но опыт XIX века, когда военная мысль была загнана, показывает нам на примерах севастопольской, турецкой, японской и мировой войны, что падение науки, связанное с умиранием господствующего класса, осуждает армию на поражение. Лишь серьезное, глубокое знание, не ремесленное только, а доходящее до самой сути вопроса дает победу «малым трудом и малой кровью».

Наука укажет способы действий, превосходство наступательного образа действий, значение принципа сохранения почина действий в своих руках, принцип частной победы, внезапности, так ярко выявившихся в рассмотренных войнах XVIII века. Наука же укажет на великое, решающее значение характера у командного состава, без чего все эти прекрасные вещи, так часто наблюдаемые в период расцвета дворянской армии, совершенно не находят себе применения;

только сильные духом люди, люди, *умеющие решаться*, способные рисковать, могут побеждать. Иначе никакие «принципы» не помогут. Богатство такими характерами — сила армии революции. Нужно лишь их искать и выдвигать. Изучая военное искусство, невольно читатель задает себе вопрос. Не есть ли военное искусство дело людей исключительно одаренных, недоступное среднему человеку. Но вывод нашей истории другой. Если армии нужен Петр и Суворов, то ей нужны те массы среднего и младшего командного состава, без которого они ничего сделать не смогут. И работа масс комсостава также должна быть искусна. Это искусство дается глубоким *размышлением* над своим опытом, над историей и *здравым смыслом*. Таким образом, ничего сверхъестественного в военном искусстве нет. Нужна лишь разумная, твердая работа над самообразованием. А все остальное приложится. Я нарочно стараюсь в вопросах вождения избегать «рецептов». Военная наука не может сказать, где, когда и что именно нужно делать. Военная наука лишь указывает пути, направления и подготовляет работников, а что сделать,—это дело искусства, дело здравого смысла каждого начальника на месте действий и глубокого изучения военной истории.

Оценка реального соотношения сил. Я хочу еще обратить внимание на прием, который удивительно красочно проходит через всю нашу историю в ее лучшей поре, это умение оценить *реальное соотношение сил.* Достаточно изучить борьбу Петра с первоклассной армией современной Европы—шведской, Кутузова—с подавляющими силами, выдвинутыми Наполеоном, чтобы сразу понять, что именно этот холодный расчет заставил наших вождей отсрочить время решительного боя до тех пор, пока силы сравняются. Посмотрите, также действует и Суворов, останавливаясь в Бресте, и эта сдержанность людей, всей своей боевой жизнью доказавших, как высоко они ценят соотношение сил, и что наступление, во что бы то ни стало, всегда лучший способ победить. Германские рабочие в марте 1921 года и мы под Варшавой, ясно почувствовали, что бывают случаи, когда здравая оценка обстановки заставляет отсрочить решение с тем, чтобы выигранное таким путем время использовать для ослабления врага и усиления своих войск. Оценка эта, в которой видную роль играют

духовные факторы, чрезвычайно трудно учитываемые, должна итти рядом боев, не доведенных до решения, где не поставлена на карту судьба всей вооруженной силы.

Таковы: Головино, Лесная, Бородино и т. д.; результаты давали возможность ясно учесть соотношение сил и Петр, Меньшиков, Кутузов не задумывались перервать бой. В наших будущих боях с силами, подготовляемыми капиталистическим миром,—силами, которые иногда могут быть значительно сильнейшими, особенно в области техники, этот прием должен быть разучен и понят, и как таковой, не вызывает разложения войск. Нужно, однако, и здесь же сказать, что в лучшую пору нашей истории мы не знали боев, неопределенных по замыслу. *Бой давался на уничтожение врага*, и только вождь один, *а не войска* давал оценку обстановке, решая, что делать дальше.

Вот те важнейшие выводы, к которым приводит изучение военной истории России с точки зрения военного искусства. Зная историю, пережитую нашим народом в прошлом, покойно глядишь на испытание будущего. Умерло дворянство, забыв свой долг перед трудовыми массами, но дух народа, его готовность на подвиг каждый раз, когда он понимал или ему казалось, что он понимал и сочувствовал цели, за которую он боролся—остался на прежней высоте. Преображенцы под Нарвой, суворовские «чудо-богатыри» под Измаилом, на высотах Альп, ветераны Бородина и Севастополя, герои Шипки и славные бойцы Карпат и Стрыпы,—это ведь деды и отцы красных витязей, сломивших силы реакции, сумевших отстоять свое отечество от всяких посягательств врагов и сохранивших его, как грозный форпост социализма в борьбе передовых бойцов за новую жизнь трудящегося человечества.

Наиболее серьезные вопросы, затронутые в предлагаемой работе, по которым самостоятельная работа слушателя особенно желательна.

1. Почему Петр мог осуществить формирование регулярной армии, которое было не под силу его предшественникам? Ее организация.

2. Была ли армия Петра классовой или национальной, как это часто утверждают?

3. Какие основы были положены в воспитание петровской армии, и какими мерами была поднята ее боеспособность? Считаете ли, что идейная работа сыграла роль?

4. Мог ли Петр дать генеральное сражение до 1709 г.? Какие факты подтверждают или опровергают это?

5. Прав ли был Петр в своем управлении армией, при спасении ее из Гродно?

6. Почему у Петра было такое превосходство в силах под Полтавой?

7. Почему вы считаете, что армия Петра, вышедшая из социального переворота, могла победить лучшую армию Европы?

8. В чем заключается искусство подготовки и ведения Полтавской битвы?

9. Какие условия создали благоприятную обстановку для развития военного искусства в эпоху Суворова?

10. В чем заключаются сильные и слабые стороны суворовской системы воспитания и обучения? Нужно ли воспитание духа рядом с муштровкой и почему? В чем вы согласны или несогласны с «Наукой побеждать»?

11. Отчего Суворов смог взять Измаил, от чего отказался Потемкин и Де-Рибас?

12. Чем отличается способ действий Суворова в 1794 г. до взятия Бреста от действий ген. Репнина в ту же войну?

13. Правильная или неправильная была остановка Суворова в Бресте?

14. Почему армия реакций (русская) победила восстание Польши?

15. Какие войска по вашему мнению были лучше—русские или французские в 1799 г.? Какие силы двигали ту и другую армию в бой?

16. Каким образом Суворов мог сделать австрийцев способными бить французов?

17. В чем разнились взгляды Суворова и Гофкригсрата на ведение войны?

18. Какие причины вынуждали Суворова броситься навстречу Макдональду, и как был совершен этот марш?

19. Почему мы победили французов в Италии в 1799 г.? В чем сказалось влияние Суворова?

20. В чем заключается влияние управления войсками Суворова под Требией и Нови на одержание победы?

21. Согласны ли вы со взглядами Суворова и Петра на значение частного почина?

22. Оказала ли школа Суворова влияние на его соратников? Что можно извлечь из изучения войны 1812 г. для освещения этого вопроса?

23. Чем объяснить такую удивительную духовную цельность и нравственную силу, которую наши войска обнаружили в 1812 г.?

24. В чем заключалась разница между планом войны 1812 г., составленным Пфулем и планом—Барклая? Который лучше и почему?

25. Что дало возможность нашим войскам спастись от отдельного поражения при отходе к Смоленску?

26. Считаете ли вы, что Наполеон под Бородином проявил присущий ему талант или прав Толстой, «что насморк лишил его способности»?

27. В чем сильные и слабые стороны плана Кутузова в Бородинском бою?

28. Какими причинами надо объяснить, что к ночи 25—26/VIII поле сражения было очищено обоими сторонами?

29. В чем помогла Кутузову самодеятельность частных начальников в бою под Бородином?

30. Почему в конце октября Кутузов смог перейти в наступление?

31. Прав ли Толстой, считая, что влияние Кутузова на победу в 1812 г. было ничтожно?

32. Почему система прусского воспитания, проводимая Аракчеевым, так привилась в нашей армии при Павле, а особенно после 1815 г.?

33. Почему развитие самодеятельности так резко оборвалось после 1815 г.?

34. Имеет ли влияние политический строй государства на развитие техники? В чем причина нашей технической отсталости в 1854 г.?

35. Какие причины привели нашу армию к поражению под Севастополем?

36. Был ли плох наш офицер и солдат в 1854—56 г.г. и если были, то почему?

37. Сравните тактику 1812 г. и 1854—56 г.г.? Которая выше и почему?

38. Сравните стратегию Петра и Северную войну (до Полтавы) и Кутузова (до Тарутина), в чем сходство и в чем разница и почему?

39. Какие причины дали возможность провести реформы Милютина и в чем они заключались?

40. Каким способом дворянство сохранило влияние на армию после реформ?

41. Имел ли влияние на тактику и стратегию 1877—78 г.г. режим Аракчеева и в чем это сказалось?

42. Почему переправа Драгомирова у Зимницы удалась?

43. Почему кончился неудачей первый период войны (до июля 1877 г.?)

44. Чем объяснить неудачу Плевны?

45. Почему наша армия не могла овладеть техникой управления массовой армией?

46. Что составляет особенность русского военного искусства?

47. В чем можно указать преимущества развития самодеятельности по опыту изученных нами войн?

48. Имеет ли преимущество наступательная стратегия и тактика?

49. Был ли нами использован принцип частной победы?

50. Какие сильные и слабые стороны в армиях революции и армии исторической традиции?

51. Как повлияла и повлияла ли техника вооружения на ход революции в армии?

Список трудов, рекомендуемых для самостоятельной работы.

По истории военного искусства.

1. *Баиов. История военного искусства.*
2. *Масловский.* Записки по истории военного искусства в России.
3. *Михневич.* История военного искусства.
4. *Петров.* Русская военная сила.
5. Столетие военного министерства.
6. *Леер.* Обзор войн.

Эпоха Петра.

7. *Юнаков. Северная война. Изд. Воен.-истор. общества.*
8. *Карцев.* Военно-исторический обзор Северной войны.
9. *Пузыревский. Начало постоянных регулярных армий.*
10. *Масловский.* Строевая и полевая служба русских войск времен Петра I
11. *Мышлаевский.* Северная война 1708 г.
12. *Мышлаевский. Петр Великий. Война в Финляндии 1711 г.*

Эпоха Суворова.

13. *Петрушевский.* Генералиссимус князь Суворов.
14. *Орлов.* Штурм Измаила Суворовым в 1790 г.
15. *Смит.* Суворов и падение Польши.
16. *Его же.* Штурм Праги Суворовым в 1794 г.
17. *Орлов.* Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 г.
18. *Милютин. История войны 1799 г.*
19. *Суворов в сообщениях профессоров академии генерального штаба.*

1812 г.

20. *Михайловский-Данилевский.* Описание Отечественной войны.
21. *Богданович.* Отечественная война 1812 г.
22. *Бональ.* (*Перевод Одинцова.*) *Виленская операция.*
23. Отечественная война и русское общество. Издание Дживилегова, Мельгунова и Пичета.
24. *Харкевич.* Война 1812 г. от Немана до Смоленска. Барклай-де-Толли в Отечественную войну.

Эпоха Аракчеева.

25. *Баиов.* История военного искусства. Павел I.
26. *Шильдер Император. Павел I.*
27. *Его же.* Император Александр I.
28. *Его же.* Император Николай I.
29. *Дубровин.* Восточная война 1853—56.
30. *Богданович.* Восточная война 1853—56 г.
31. *Заиончковский. Восточная война 1853—56.*
32. *Тотлебен.* Описание обороны.
33. *Епанчин.* Поход 1829 года в Европейскую Турцию.

Милютин.

34. История русской армии и флота. XI выпуск.
35. *Куропаткин.* Действия отрядов ген. Скобелева в 1877 г.
36. *Куропаткин. Ловча, Плевна и Ейново.*
37. *Пузыревский.* Русская армия перед войной 1877 г.
38. *Столетие военного министерства. III отдел, VI глава, о Милютине.*
39. Истор. очерк развития военного управления в России.
40. Описание русско-турецкой войны, работы Воен.-истор. комиссии.

Примечание I. Прочтение подчеркнутых работ представляется мне особенно желательным.

Предлагаемый список не есть список источников для детального изучения этих кампаний, но лишь работы, которые слушатели смогут найти в библиотеках Москвы.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Эпоха Петра I.

Эпоха возникновения армии дворянской России.

Стр.

Предисловие ко II изданию 3
Предисловие 5
Введение 7
Политическая, социальная и экономическая обстановка, в которой Петр создал свою армию 11
Создание армии Петром. Ее организация 24
Вооружение петровской армии. 28
Первые операции новой армии. Нарва 30
Характеристика Петра 31
Воспитание петровской армии 33
Воспитание командного состава 41
Обучение армии 44
Гродненская операция 49
Головчинская операция 56
Полтавская операция 60
Полтавское сражение 65
Выводы 74

II. Эпоха Суворова.

Расцвет армии дворянской России.

Значение эпохи Суворова 83
Политическая обстановка 86
Вооружение армии 96
Господствующие взгляды на военное дело 99
Взгляды Суворова на воспитание и обучение армии 102
Штурм Измаила 114
Польская война 1794 г. 118
Итальянский поход Суворова в 1799 г. 129
Заключения об Итальянском походе Суворова 145

Стр.
Отечественная война. Первый период 148
Очерк военных действий в 1812 г. 159
Бородинский бой 164
Окончание борьбы 1812 г. 171
Выводы 175

III. Эпоха Аракчеева.

Начало упадка дворянской армии.

Военные реформы Павла I. 181
Расцвет реакции в армии при Николае I 191
Характеристика нашей армии к началу Крымской войны. Ее вооружение. 198
Крымская война 202
Выводы 212

IV. Милютин и его время.

Эпоха „великих" реформ.

Политическая обстановка и вооружение армии 217
Реформы Милютина 225
Война с Турцией в 1877—78 годах. 230
Борьба под Плевной 232
Выводы, к которым приводит изучение эпохи Милютина 237

V. Последний этап.

VI. Выводы, к которым приводит очерк истории военного искусства армии дворянской России.

Влияние политических факторов на силу армии 246
Влияние техники 248
Воспитание армии 250

Вопросы, по которым желательна самостоятельная работа слушателей для выработки своего взгляда 259
Список книг рекомендуемых для самостоятельного чтения 263

№ 1.

Театр Северной войны с 1700–1721 г.

100 0 100 200 300 верст

Сражение при Полтаве 27 июня 1709 г.

№ 3

Штурм Измаила 11 декабря 1790 г.

№4

Карта Северной Италии и Швейцарии.

Поход Суворова в 1799 г.

Масштаб 50 вер. в дюйме

Поле сражения на Тидоне, Тревии и Нуре - 6, 7, 8 и 9 июня

№ 6

Положение Армии перед сражением при Нови 3 августа 1799 г.

Рижский залив
Рига
Псков
р. З. Двина
Тверь
р. Волга
Москва
Дрисса
Полоцк
Росиены
р. Неман
Ковно
р. Вилия
Витебск
Бешенковичи
Островна
Вилькомир
Сопоцкин
Ружаны
Лубино
Смоленск
Красный
Расасна
Орша
Толочин
Вильна
Студянка
Лошница
Борисов
р. Березина
Минск
Могилев
р. Днепр
Гродно
Лида
Волковиск
р. Буг
Брест-Литовск
р. Припять
Царево-Займище
Бородино
Можайск
р. Москва
Вязьма
Тарутино
Мал. Ярославец
р. Ока
Калуга
Рязань
Театр войны
1812 г.
Масштаб
50 0 50 100 150 вер.

№ 8
План сражения
при
Бородине
26 августа 1812 г.
400
0
400
800
1200 саж.
Масловка
р. Москва
р. Колоча
Бородино
Горки
Бивуак Короля
Валуево
из Смоленска
Фомкино
Семеновское
Шевардино
Утица
Понятовский
Резерв. Кавалерия
Кавалерия Платова
Артиллерийск. резерв
Псарево
Новьково
Бородино
в Можайск
из Смоленска

План
Окрестностей Севастополя в 1853-1856 г.
№ 9
N
S
Б. Карташевск.
Севастополь
Севастопольск. рейд.
Инкерманск. высоты
Инкерманск. мост. Павлов
Казачья бухта
Карантинная
Б. Аукс.
Б. Плавн.
Городск.
Корабельн.
Малахов курган
Корн.
Редут Волынск.
Редут Селенгинский
Развалины Инкермана
Редут Горчакова.
Первоначальная (левая) французская атака
Куликово поле
Сапунная балка.
Лабораторная балка
Зеленая гора.
Доковый овраг
Редут Виктория
Англ. редут
Главн.
Лагерь
Союзн.
Железная дорога
Сапун гора.
Федюхины высоты
Семяк. высоты
Гасфортовы высоты
Линранди
Чоргун
Карловка.
Редут
Брод.
Редут
Кадыкой
Англійск. редуты
Мон. Св. Георгия.
Карань
Балаклава
Комары
Корниловская батарея на Малаховом кургане
- Укр. русских.
- -"- союзников.
Масштаб:
800 400 0 800 саж.

№ 10
Карта
театра военных действий
в Европейской Турции
в 1877-78 г.г.
Масштаб:
Окрестности
г. Плевны
Редут Коляни Могила
Плевна
Дель-Дубняк
Гол. Дубняк
Телиш
Австрия
Бессарабия
Галац
Рени
Килия
Измаил
Браилов
Мачин
Тульча
Гирсова
Румыния
Букарест
Видин
Александрия
Журжа
Рущук
Силистрия
Разград
Добруджа
Никополь
Систово
Плевна
Шумная
Варна
Ловча
Тырново
Осман Базар
Балканские горы
Орхание
Врачеш
Этрополь
Тванисен
Златица
Елена
Габрово
Шипка
Сливно
Казанлык
Янболи
Эски Загра
Филиппополь
Татар-Базарджик
Адрианополь
Родопские горы
Константинополь
Скутари
Св. Стефано
Радосто
Дедеа-Агач
Эгейское море
Мраморное море
Черное море
р. Дунай
р. Прут
р. Серет
р. Олта
р. Марица
р. Вардар
р. Вит
р. Лом
р. Камчик
р. Тунджа
р. Искер
р. Струма
р. Мариц. ист.
Дунайск. высоты
Балкан. высоты
Рад. Турецк. укрепл.
Ант. Австрийск. рассл.

Укрепленный лагерь под г. Плевною